

ISSN 2789294-8

АКАДЕМИЯИ ИЛМҲОИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ
БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY

МУАРРИХ

(мачаллаи илмӣ-назариявӣ)

ИСТОРИК

(научно-теоретический журнал)

HISTORIAN

(scientific-theoretical journal)

№ 3 (15) 2018

Душанбе - Dushanbe

Маҷаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти рақами 0228/МЧ аз санаи 14-уми апрели соли 2015 ба қайд гирифта шудааст. Маҷалла аз апрели соли 2018 дар Рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризишавандаи КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон бознавис шудааст.

САРМУҲАРРИР: Зикриё **АКРАМИ** - доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙЪАТИ ТАХРИР:

Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Тоҷикистон); **Абдулло ҒАҒУРОВ** - номзоди илмҳои таърих (Тоҷикистон); **Лариса ДОДХУДОЕВА** - доктори илмҳои таърих, профессор (Тоҷикистон); **Баҳринисо ҚОБИЛОВА** - доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон); **Аскаралӣ РАҶАБОВ** - доктори илмҳои таърих, профессор (Тоҷикистон); **Виктор ДУБОВИТСКИЙ** - доктори илмҳои таърих, дотсент (Тоҷикистон); **Ҳамза КАМОЛ** - доктори илмҳои таърих, профессор (Тоҷикистон); **Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ** - доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон); **Маҳмудҷон ХОЛОВ** - номзоди илмҳои физика ва математика (Тоҷикистон); **Александр ЧУБАРЯН** – академики АИ Русия, доктори илмҳои таърих, профессор (Русия); **Франсис РИШАР** - узви вобастаи хориҷии АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Франса); **Анри-Пол ФРАНКФОР** - доктори илмҳои таърих, профессор (Франса).

© *Институт таърих, бостонишиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши АИ ҶТ, 2018*

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г., выходит не менее четырех раз в году на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под №0228/МЧ от 14 апреля 2015 г. Журнал с апреля 2018 года зарегистрирован в Перечне рецензируемых научных журналов ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР.: Зикриё **АКРАМИ** - доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ҳайдаршо ПИРУМШО – член-корреспондент АН Республики Таджикистан, доктор исторических наук, профессор (Таджикистан); **Абдулло ҒАҒУРОВ** – кандидат исторических наук (Таджикистан); **Лариса ДОДХУДОЕВА** - доктор исторических наук, профессор (Таджикистан); **Баҳринисо КАБИЛОВА** - доктор исторических наук (Таджикистан); **Аскаралӣ РАҶАБОВ** - доктор исторических наук, профессор (Таджикистан); **Виктор ДУБОВИЦКИЙ** - доктор исторических наук, доцент (Таджикистан); **Ҳамза КАМОЛ** - доктор исторических наук, профессор (Таджикистан); **Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ** - доктор исторических наук (Таджикистан); **Маҳмудҷон ХОЛОВ** - кандидат физико-математических наук (Таджикистан); **Александр ЧУБАРЬЯН** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия); **Франсис РИШАР** – иностранный член-корреспондент АН Республики Таджикистан, доктор исторических наук, профессор (Франция), **Анри-Поль ФРАНКФОР** - доктор исторических наук, профессор (Франция).

© *Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ, 2018*

The scientific-theoretical journal «Historian» founded in 2015, is issued four times a year in Tajik, Russian and English. The journal is registered by the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under № 0228 / MJ dated April 14, 2015. Since April 2018 the journal has been registered in the Inventory of scientific journals of Higher Attestation Commission under the President of the Republic of Tajikistan.

EDITOR-IN-CHIEF: Zikriyo **AKRAMI** - Dr. of History, Professor.

EDITORIAL BOARD:

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor (Tajikistan); **Abdullo GAFUROV** - Candidate of History (Tajikistan); **Larisa DODKHUODOEVA** - Dr. of History, Professor (Tajikistan); **Bahriniso KABILOVA** - Dr. of History (Tajikistan); **Askarali RAJABOV** - Dr. of History, Professor (Tajikistan); **Victor DUBOVITSKY** - Dr. of History, dotsent (Tajikistan); **Hamza KAMOL** - Dr. of History, Professor (Tajikistan); **Saidmurod BOBOMULLOEV** - Dr. of History (Tajikistan); **Mahmudjon KHOLOV** - Candidate of physic-mathematicy (Tajikistan); **Alexander CHUBARIAN** – academician of the RAS, Dr. of History, Professor (Russia); **Francis RISHAR** – foreign corresponding member of AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France), **Henri-Paul FRANKFOR** - Dr. of History, Professor (France).

© *Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2018*

07.00.02 – ТАЪРИХИ ВАТАН
07.00.02 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
07.00.02 – HOME HISTORY

УЧАСТИЕ ТАДЖИКОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ *Хайдаршо ПИРУМШО,*
д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (Таджикистан, Душанбе)

ИШТИРОКИ ТОЧИКОН ДАР ИДОРАКУНИИ МАЪМУРИИ АМОРАТИ БУХОРОИ НИМАИ ДУВВУМИ АСРИ XIX – ИБТИДОИ АСРИ XX *Хайдаршо ПИРУМШО*
д.и.т., профессор, узви вобастаи Академияи илмҳои Чумҳурии Тоҷикистон, мудири шӯъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва нави Институми таърих, бостоншиносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ ҶТ (Тоҷикистон, Душанбе)

THE PARTICIPATION OF THE TAJIKS IN ADMANISTRATIVE MANAGEMENT OF THE BUKHARA EMIRATEIN THE SECOND HALF OF THE 19th AND EARLY OF THE 20th *PIRUMSHOEV Khaidarsho,*
Dr. of History, Professor, corresponding member of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Head of the Ancient, Medieval and Modern History department of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, AS Republic of Tajikistan
(Tajikistan, Dushanbe), E-MAIL: pirumshoev.44@mail.ru

Ключевые слова: *Средняя Азия, Бухарский эмират, мангиты, узбек, таджик, кушбеги, мухтасиб, кози, раис, амлякдор, мударрис, муфти, мехтар, девонбеги, миршаб, мулло-бача, дервиш, уламо, мулла, имам.*

В статье на основе достоверных данных выявляется определяющая роль таджиков в административном управлении Бухарского эмирата второй половины XIX – начала XX вв. Причину автор видит в их природной тяге к знанию и традиционных навыках административного управления, получившего беспрецедентный расцвет в эпохе Саманидов. Таким образом, привлечение таджиков к активному исполнению религиозных и административных должностей, при отсутствии другой альтернативы, (ввиду безграмотности и неспособности к таким работам представителей кочевых племен, к которым относились и мангиты), стала неотъемлемой традицией политико-административной жизни Бухарского эмирата.

Калидвожаҳо: *Осиёи Миёна, Аморати Бухоро, мангитҳо, ўзбек, тоҷик, қушбегӣ, муҳтасиб, қозӣ, раис, амлоқдор, мударрис, муфти, меҳтар, девонбегӣ, миршаб, муллобача, дарвеш, уламо, мулло, имом.*

Мақола ба муайян намудани иртиботи бевоситаи тоҷикон дар идораи маъмурии Аморати Бухорои асри XIX – ибтидои асри XX бахшида шудааст. Дар асоси далелҳои муътамад, мавқеи ҳалқунандаи тоҷикон дар иҷрои вазифаҳои маъмурии аморат нишон дода мешавад. Муаллиф сабаби ба доираи васеи идораи маъмурии марказӣ ва бекигарихо қаидаи шудани тоҷиконро дар маҳорати азалии давлатдорӣ ва сиёсатмадории онҳо мебинад. Дар ҳолате, ки ҳамқабилаҳои амирон, аз қабоили кӯҷӣ, ки табиатан ба донишу санъати идораи маъмури тайёр набуданд, вазифаҳои муҳими диниву маъмури ба зиммаи тоҷикон вогузор мешуданд.

Key words: *Central Asia, Bukhara Emirate, mangyts, uzbek, tajik, kushbegi, muhtasib, kozi, rais, amlyakdor, muddaris, mufti, mehtar, devonbegi, mirshab, mullobacha, dervish, ulamo, mullo, imam.*

The administrative management of the Bukhara Emirate of the second half of the 19th - early 20th centuries is revealed on the basis of reliable data in this article. The author considers that the reason is to in their natural thirst for knowledge and traditional skills of administrative management, which received an unprecedented dawn in the era of the Samanids. Thus, the involvement of Tajiks in the active performance of religious and

administrative positions, in the lack of any other alternative (due to illiteracy and inability to such works of representatives of nomadic tribes, which included the mangits), has become an integral tradition of political and administrative life of the Bukhara Emirate.

Несмотря на сравнительно частые политические перемены, и прихода к власти представителей чужеродных арабских, тюрко-монгольских, а затем узбекских кочевых племен, неоспоримым в истории Средней Азии является факт ведущей роли таджиков в общественно-политической, административной и культурной жизни региона. Влияние сложившихся традиций административного управления эпохи Саманидов, сохранились и при последующих династических управлениях в регионе, на всех уровнях государственной власти, вплоть до нового времени, а в Бухаре до свержения эмирского режима (1920 г.).

Не вдаваясь в подробности этой традиции и поэтапного ее изложения, ограничимся лишь кратким освещением роли таджиков в административном управлении Бухарского эмирата в хронологической рамке второй половины XIX - начала XX вв.

Следует отметить, что в процессе изучения проблемы, заметно прослеживается одно парадоксальное, на первый взгляд, явление. При определении места таджиков в политико-административной жизни Бухарского эмирата в период правления мангитов, трудно опереться на местные источники. В имеющихся официальных документах, при назначении на административные должности, как правило, не указывалась этническая принадлежность лиц назначаемых на соответствующие должности. На это не указывали историки и представители общественно-политической мысли, которые в той или иной мере были причастны, к освещению политико-административной истории Бухарского эмирата рассматриваемого периода.

Даже великий просветитель таджикского народа Ахмад Дониш, крайне критически относящийся к мангитскому режиму, и, отказавший предложению эмира согласиться принять какую-либо престижную должность в его административном аппарате, почти не указывает на участие таджиков в административном управлении эмирата. Упоминания о таджиках, крайне редко имеются в его работе «История мангитской династии». Например, характеризуя деятельность эмира Насруллы, завладевшего силой престол, указывает, что «для упрочения своего государства он заставил племенных вождей неподвижно сидеть на своих землях. А большинство таджиков и чужеземцев он возвел на самые ответственные посты и должности» [1, 39]. Нетрудно заметить, что этим он явно отождествляет понятия Бухарского эмирата и страну узбеков.

Тем не менее, Ахмад Дониш хотя и не выделяет таджиков, находившихся на государственной службе в Бухаре, все же упоминает о ряде одаренных личностях, как бывший правитель Керки Ибрахим парваначи, Канаатшах бий додхо – из рода дарвазских шахов, по воле судьбы оказавшегося в Коканде и одно время занимавший высокий пост в Ташкенте, Азизбий кушбеги, Ибадулло бий – начальник артиллерии и другие, которые по данным других источников, являлись таджиками, и по разным причинам оказавшись в опале у эмира Музаффара, были казнены. Вместо них на высокие государственные должности назначались бездарные из приближенных к эмиру лица [1, 68].

Разумеется, все это не может быть поводом упрекать его. Это говорит о не сложении его национального самосознания, как и других его современников из той передовой интеллигенции, ядро которой составляли таджики.

Следует отметить, что именно по этой причине, из местных авторов фактически никто не ставил разницу между таджиками – представителями оседлого населения и кочевых или узбекских жителей Бухары. К примеру, в работе таджикского историка Мирза Абдалазима Сами «Таърихи салотини мангития» («История мангитских государей») не прослеживается попытка охарактеризовать особенность этих двух этнических групп населения эмирата. Он лишь в одном месте своего сочинения, где речь идет о неудачном стремлении сына эмира - Абдумалик тюра занять Самарканд, в котором находился русский гарнизон, и его противоборство с отцом - эмиром Музаффаром, якобы за предательски пассивной его борьбе против русских, что идет в разрез с требованиям джихада с неверными, упоминает о таджиках. Указывая на стремление Абдумалика занять штурмом, Самарканд он пишет: «Войско тюры (Абдулмалика – Х.П.), захватив подступы и крепости, приступило к [ее] осаде. В это время с большим отрядом прибыл Ишан Умар Махдуми Аъзам и присоединился к войску тюры. Много людей из племен китай-кипчаков, каракалпаков и из самаркандских таджиков также заключили [с тюрей] договор о союзе и старались стеснить осажденных и разрушить крепостную стену» [7, 85]. Что касается итогов усилия Абдулмалика-тюры, то он был наголову разбит подоспевшими на помощь осажденным русскими войсками и отправился в Шахрисябз [7, 85]. В этой связи уместно заметить, что по имеющиеся данным на 1876 г. из общего населения города Самарканда, таджики составляли 60 процентов [10, 207-220].

В данной работе, Соми часто употребляет этноним «узбек», когда речь идет о государственном устройстве, о функциях административного аппарата беспрекословно подчинявшимся эмиру.

Многочисленное упоминание только об узбеках, приводит к заключению о том, что хотя Соми сам таджик, но, тем не менее, в силу отсутствия в его сознании национальной идентичности, которую можно проследить в Бухаре, где население в основном состояло из таджиков, означает, что под понятием «Бухарский эмират» он всецело подразумевает «страну узбеков» [7, 70-74].

Таким образом, по имеющимся сведениям местных авторов, трудно определить роль или степень участия таджиков в административном управлении Бухарского эмирата. Так, захватив верховную власть представители степных племен из тюрко-монгольских родов в силу своей отчужденности от искусства управления страной, почти целиком подчинялись таджикским традициям административного управления, широко вовлекая достойных и грамотных таджиков на высокие административные должности.

Но, к сожалению воспринимая все это как устоявшиеся атрибуты мусульманского государства, беспрекословно подчинявшегося требованиям шариата, историки, которые в абсолютном большинстве были таджики, исходя из общей религиозной принадлежности населения к исламу, фактически совершенно не предавали значения его этническим особенностям и причастности к административному управлению в государствах Центральной Азии. Это и стало той причиной, что средневековые и последующие местные историки очень редко упоминали о таджиках и их степени участия в среднеазиатских структурах государственно-административного управления. Это не стало исключением даже для таких выдающихся представителей общественно-политической мысли таджикского народа второй половины XIX-начала XX вв., как вышеупомянутый Ахмад Дониш (1827-1897), Мирза Абдулазиз Сами (1837-1909), а также Мирза Сиродж Хакима (1877-1914), Тошходжа Асири (1864-1915), Саид Ахмад Сиддики (1865-1927) и др., оставившие в наследство общеизвестные творения на родном таджикском языке.

В этом плане особая заслуга принадлежит русским исследователям, пристально изучившим особенность политико-административной структуры Бухарского эмирата и определяющей причастности к ней таджиков.

Судя по той информации, которая имеется в их работах, тяга к знанию у таджиков по сравнению с представителями других племен и народов в Бухаре была несравнимо больше. Хотя им трудно было пробираться до уровня высоких центральных при эмире административных должностей, тем не менее, благодаря своей расположенности к знаниям, и в связи с этим навыками государственного управления, они занимали ключевые места в центральной и местной администрации.

Присоединение края к России, несмотря на колонизаторскую политику царизма, открыло широкий простор для исследователей в историческом, и в особенности этнографическом плане. В своей совокупности русские и европейские исследователи довольно подробно обрисовали картину хозяйственно-бытовой жизни, обряды и другие стороны традиционной самобытной культуры таджиков второй половины XIX-начала XX вв.

Важным примером характеристики таджиков может послужить мнение венгерского востоковеда, этнографа и путешественника А. Вамбери, который под видом паломника-дервиша совершил путешествие в 1862-1864 гг. в Иран и Среднюю Азию.

Основываясь на свои знания по истории таджиков и непосредственные наблюдения в ходе путешествия по Средней Азии, А. Вамбери довольно четко заметил определяющее их место в административно-религиозной и культурной жизни ханств региона. «...Как в первые века, по принятию ислама, – пишет он, – на поприще религиозных знаний и философии отличались более всего таджики (таджики – Х.П.), так и теперь еще в Бухаре, Коканде и Кашгаре известнейшие муллы и знатнейшие ишаны принадлежат именно к этой национальности. При бухарском дворе, несмотря на узбекское происхождение хана, первые министры и высшие сановники бывают исключительно таджики, и даже в диком узбекском Хивинском ханстве мехтер (государственный секретарь), т. е. тот сановник, которого должность всего более требует умственного развития, избирается исключительно из тамошнего персидского населения» [2, 318-319].

По мнению известного русского ученого-естествоиспытателя А.Ф. Миддендорфа, таджики благодаря духовному превосходству всегда занимали и занимают высокие должности в административной структуре среднеазиатских ханств. «Таким образом, – пишет он, – ограбленные и поработанные таджики, благодаря своему духовному превосходству, всегда опять становились у кормила, а из их рядов выходили заправители (как в селах, так и в городах) – «седобородые» (аксакалы), сборщики податей, учителя, ученые, знатоки священного писания, монахи и духовенство и даже столь важные по своему значению «кази», т. е. судьи и законодатели. Следовательно, они представляли собой

высшие сословия. По временам, они, будучи в числе приближенных тирана, брали перевес и даже становились властителями страны» [6, 402].

Политическая власть, начиная с середины XVIII в. была сосредоточена в руках представителей одного из узбекских родов – мангитов. Что касается религиозных должностей, которые являлись неотделимой частью административной структуры эмирата, то согласно устоявшейся традиции в течение всего средневекового периода их фактически занимали таджики в силу своей образованности, как светского, так и духовного направления.

Согласно наблюдениям Н.П. Остроумова, таджики занимали ключевые места в религиозно-административных учреждениях. В частности, согласно утвердившейся традиции, назначение на должность мухтасиба происходило из числа таджиков. Он пишет: «...На должность мухтасиба назначались обыкновенно лица, отличавшиеся нравственными качествами и знанием шариата, так как им приходилось ведать и религиозными обязанностями мусульман; поэтому их называли раис-аглямами. Мухтасибы наблюдали за исполнением ежедневных молитв (намаз), что составляет одну из самых главных религиозных обязанностей мусульман, и обращали внимание не только на прихожан, но и на самих имамов» [8, 38-39].

Другой известный русский знаток местных традиций, А. Д. Гребенкин, вопреки мнению о преданности таджиков религиозным канонам, указывает, что они не так фанатично настроены, как это кажется местным и приезжим посетителям Средней Азии. В самой Бухаре, считавшейся одним из крупных религиозных центров мусульманского Востока, можно привести немало примеров в подтверждение тому. «Масса таджикского народа, - пишет он, - не религиозна; она равнодушно относится к постановлениям своей религии, избегает намазов, хождения в мечеть, если видит, что от такого образа действия не пострадает материально» [3, 13-14]. Другое дело, что они «лучше других народов округа осознают выгоду казаться религиозными, и, по своей натуре, тоже лучше других умеют извлекать пользу из званий: муллы, имама, казия, монашеского (дервиши – отшельники – Х.П.) и проч.» [3, 17].

Далее, как бы для более обстоятельного обоснования своего тезиса, он утверждает, что именно благодаря умению показать свою преданность религиозным требованиям и стремлению беспрекословности их выполнения, таджики занимают почти все ступени религиозных должностей. Пример приведенный им только по Зеравшанскому округу Туркестанского генерал-губернаторства, всецело отражает и место таджиков в духовно-религиозной жизни Бухарского эмирата. Тем более, что присоединение округа к России фактически ничего не меняло в институтах религиозно-административного управления. «...Насколько таджики овладели духовными местами в округе (Зеравшанском – Х.П.), – пишет он, – лучше всего покажут цифры: в округе насчитываются свыше 2000 мечетей, в которых не больше 50 – 60 мулл и имамов не из таджиков. Что касается до должностей казиев, то они, исключая Пейшамбе, заняты одними таджиками» [3, 17].

Следует заметить, что автор исходя из своего несколько поверхностного взгляда в отношении к степени преданности таджиков, как правоверных мусульман к требованиям шариата, не совсем корректно и необъективно оценивает, что занимая религиозные должности, им двигает лишь жажда наживы, нежели искренней их преданности исламу. При их оценке прежде всего следует исходить из того факта, что в самом эмирате не было другого выбора в назначение на высокие религиозные должности. Представители кочевых племен, как правило, очень редко обладали соответствующими религиозными знаниями и навыками управления религиозных должностей, которые как минимум требовали религиозной образованности на уровне выпускников медресе. А среди представителей кочевых племен в силу отсутствия желаемой тяги к учебе и образованию, почти невозможно было найти достойного кандидата на должности мударриса (преподавателя медресе), казия, раиса, муфтия и др.

Такой явный и несравнимый перевес в назначении таджиков на религиозно-административные должности, более ярко прослеживался в Бухаре. Беки исключительно назначались эмиром, как правило, из рода мангитов и приближенных к эмиру лиц из числа влиятельных узбеков. С учетом ходатайства беков, эмир также назначал амлякдаров. При назначении на должности казиев, раисов, муфтиев в бекствах и амлякдарствах, эмир как правило, исходил из их религиозных знаний. В этом почти исключительно явный перевес был на стороне таджиков.

В Бухаре трудно было отделить светскую власть от власти духовной. В силу того, что во всех случаях существовал один закон – шариат, т.е. при отсутствии другого законодательства, всё, начиная от правовой жизни и деятельности простых людей всех ступеней административного управления, кончая верховной эмирской властью, все было подчинено требованиям шариата, который целиком основывался на Коране и Хадисы Пророка Мухаммеда. Немало было случаев, когда эмир вынужден был отступать от своего решения, если духовенства его не одобряло.

А.А. Семенов, не понаслышке определивший степень влияния духовенства на властную структуру эмирата, писал: «...Влиятельным сословием в ханстве было духовенство, к которому принадлежали судьи (кози), муфтии (своего рода юристконсульты), аьламы (муфтии высшего ранга), ахунды (старейший и авторитетнейший из муфтиев, так сказать – верховный муфтий), раисы (блюстители нравственности среди населения в духе шариата и инспекторы за правильностью мер веса и длины на базарах), мударрисы (преподаватели высших конфессиональных школ-медресе или мадраса) и все приходские имамы или муллы... И нередко даже эмиры, эти абсолютные властелины над жизнью и смертью своих подданных, вынуждены были самым серьезным образом считаться с настроением бухарского духовенства» [9, 987]. Далее он приводит веские аргументы в пользу усиления данного тезиса [9, 987-988].

Из приведенных аргументов ученого вытекает следующий вывод: а) ничем неограниченное влияние духовенства в политическую и административную структуру Бухары; б) это способствовало беспрекословному сохранению устоев средневекового теократического государства; в) почти на все религиозно-административные должности назначались ведущие знатоки религиозных постулатов, которые, как правило, были таджиками, или в отдельных случаях, персами из бывших рабов.

Что касается перечня духовных должностей при центральной административной структуре Бухарского эмирата, то они функционировали в следующем порядке:

1. Охунд или аьлам, непосредственный советник эмира по вопросам шариата.

2. Шейх-ул-ислам – представитель высшей судебной инстанции, назначаемый из числа высших религиозных авторитетов имевшие титулы «садри аьзам» (высшее духовное лицо) или «Ходжаи саодат» (достигший высшего религиозного уважения), который в официальных церемониях и приемах сидел с левой стороны эмира.

3. Кази калон – верховный судья (министр юстиции).

4. Муфти аьлам – высшая консультативная должность по вопросам шариата.

5. Раис – надзиратель (полицейский) по делам правильности выполнения норм шариата во всех сферах деятельности людей.

При каждом из этих религиозных должностных лиц функционировала должность ноиба (заместитель), назначаемым лично эмиром. При их службе содержались многочисленные должностные исполнители. К примеру, при Кази калоне работали более 150, а при раисе – 100 человек исполнителей [5, 43-45].

После присоединения независимых и полузависимых владений Восточной Бухары к эмирату (в конце 60-х и 80-х годов XIX в.), в качестве новых административных единиц – бекств, то и в этой вновь присоединенной части, были введены те же традиции административного управления, присущие Бухарскому эмирату. Если в годы правления наместника эмира Восточной Бухары Якуббека (1868-1878 гг.), придерживались традиции местной административной преемственности, в виде сохранения должностей за местными представителями прежнего административного аппарата в бекствах, то при исполнении функции наместника эмира в Восточной Бухаре, каратегинским беком Худойназаром аталыком (1868-1886 гг.), эти традиции были нарушены.

«Деятельность Худойназара, - пишет А. Маджлисов, – как правителя-наместника эмира заключалась в подавлении местных шахов и крупных феодалов, которые боролись с Бухарой за сохранение своего влияния, власти и имений, в проведении дорог от Гиссара до Гарма и Дарваза, Куляба и Кабадиана, в подборе новых сочувствующих Бухаре кадров из местных феодалов для управления бекством. По его инициативе все бекства Восточной Бухары были разбиты на амлякдарства. Здесь так же строились новые укрепления и мечети, открывались религиозные школы. Стремясь опереться в управлении новыми бекствами на своих сторонников, Худойназар назначал амлякдаров из бухарцев, а на должности муфтия, раиса и т.п. из числа представителей местных духовных лиц. Управление Каратегинского, Дарвазского и других бекств велось по образцу западно-бухарских бекств» [5, 50-51].

Бек был полновластным хозяином в бекстве. При нем существовали такие должности как диванбеги или закотчи (ответственный за сбором налогов и податей), мирзо и мунши (личный секретарь), миршаб или курбаши (исполнитель полицейских функций), мираб (распорядитель воды для орошения), амин (староста распорядитель по хозяйству при беке), пайгирчи (сборщик закота - налога с торговли).

Следует особо отметить, что хотя в документах о назначении лиц на эти должности не указывалось их принадлежность к тем или иным племенам или народностям, но по наблюдениям русских исследователей в подавляющем большинстве на эти должности, как правило, назначались таджики.

Что касается причастности религиозных представителей к местной административной структуре, то эти должности в бекствах делились на следующие три категории: 1. Кази (судья) – осуществлял

шариатское правосудие: 2. Муфти – в обязанности которого входил разрешение судебных тяжб и других спорных моментов, составление и выдача справок, на основе требования шариата; 3. Раис – выполняющий полицейские функции. При них также имелись соответствующее число исполнителей. Согласно подсчетам А. Маджлисова, опиравшегося на официальные документы, на территории Бухарского эмирата в конце XIX – начале XX вв. функционировали 67 казиев (козинишин – их местопребывание, канцелярия) и 68 раисов. При этом из последних 36 должностей являлись не самостоятельными, объединялись с казиями и их именовали кази-раисами [5, 52-70].

Даже при отсутствии в нашем распоряжении официальных документов, подтверждающих этническую принадлежность чиновников этих административно-религиозных служб, имея реальное знакомство с историей административного управления Бухарского эмирата во второй половине XIX–начале XX вв., исходя из сути неоднократно упоминаемой русскими дореволюционными исследователями, основывавшиеся на своих наблюдениях, можно высказать мнение о том, что эти должности в основном занимали таджики, как лучшие знатоки религиозных канонов, в данном, случае тонкостей шариата. Благодаря их природной тяге к знанию, как отмечено выше, именно они составляли основную часть грамотного населения.

Следует отметить, что именно таджики составляли основной контингент мударрисов (преподавателей) высших духовных учебных заведений – медресе и их студентов, а также следует признать особое место таджиков в политико-административной жизни эмирата. О степени определяющего влияния этой социальной категории в Бухаре в политико-административной структуре эмирата, можно привести множество примеров.

«...Свою опору духовенство г. Бухары, задававшее тон всему прочему духовенству ханства, – пишет А.А. Семенов, – находило в многотысячной корпорации студенчества столицы, в так называемых «мулло-бачах», учащихся многочисленных бухарских медресе (мадраса)..., и бухарское духовенство умело использовало настроения мулло-бачей для смещения неугодных ему высших сановников ханства или устранения того или иного нежелательного, с шариатской точки зрения, явления в общественной жизни страны... Эмирскому правительству все же приходилось серьезно считаться с массовыми выступлениями «мулло-бачей», так как они обычно касались людей влиятельных, делавших внутреннюю политику в стране» [9, 988-989]. Поэтому крупные чиновники стремились привлекать на свою сторону мударрисов и нередко с их помощью пользовались поддержкой мулло-бачи, которая была важным инструментом для обеспечения своего авторитета и необходимого статуса того или иного чиновника [4, 608].

В этой связи также следует отметить, что удельный вес (в количественном показателе) среди мударрисов и студентов медресы, составляли таджики. При этом в количественном отношении, перевес горных студентов был куда более ощутим. Неслучайно муллобачи (студенты) делились на две группы: «дети чиновников из Бухары и ее окрестностей, и приезжих (главным образом, из Восточной Бухары)». [4, 607]. И это, определяло степень их влияния на общую атмосферу административного управления и общественно-политической жизни Бухарского эмирата конца XIX–начала XX вв.

Определяющее место таджикского населения в экономической жизни эмирата, также является одним из ярких показателей той роли, которую играл этот древний народ при мангитском режиме. «Все мусульманское население Бухары, – пишет А.А. Семенов, – делилось на крестьян (дехкон), кочевников-скотоводов (сахронишин, чорводор), горожан (шахрнишин или хисори). Горожане подразделялись в свою очередь на ремесленников (косиб), купцов (тоджир, савдогар) и представителей служилого сословия (амалдор). Особую социальную группу составляло духовенство (уламо) и многочисленные дервишские корпорации, возглавлявшиеся пирами, шейхами или ишанами» [9, 982]. Как видно, кроме скотоводства у кочевников не было других занятий. Это и определяет их фактически мизерную причастность к социально-экономической и культурной жизни Бухарского эмирата. Что касается таджиков, то за исключением дервишских корпораций, не имевших отношения к производственной сфере, основная тяжесть материального производства, сохранения и развития основных устоев духовной культуры лежала на плечах крестьян-земледельцев, ремесленников и передовой интеллигенции, т.е. являлись уделом оседлого населения, главным образом таджиков.

Следует отметить, что хотя ремесленное производство было распространено повсеместно (включая и села), но города считались главными центрами их средоточия. По примерному определению того же А.А. Семенова, только в городе Бухаре официально насчитывалось тридцать два ремесленных цеха, хотя согласно его мнению их действительно было больше [9, 984]. Если не считать отдельных мастеров, из числа бывших кочевников, этим видом производства в эмирате, в основном занимались таджики.

Таким образом, приведенные аргументы недвусмысленно свидетельствуют об определяющей роли таджиков, как в административном управлении, так и в производственной сфере жизни Бухарского эмирата второй половины XIX – начала XX вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Ахмад Дониш. История мангытской династии. Перевод, предисловие и примечания И.А.Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967.*
2. *Вамбери А. Очерки Средней Азии. – М., 1868.*
3. *Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. - Вып. II. – М., 1872.*
4. *История таджикского народа. Том IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010.*
5. *Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. – Душанбе–Алма-Ата: Ирфон, 1967.*
6. *Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882. –*
7. *Мирза Абдалазим Сами. Таърихи салотини мангития (История мангытских государей). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л.М. Епифановой. – М: Изд-во Восточной литературы, 1962.*
8. *Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. – Выпуск первый. – Ташкент, 1890.*
9. *Семенов А.А. К прошлому Бухары. Послесловье к кн.: Айни С. Воспоминания. Перевод с таджикского языка Анны Розенфельд. – М.-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960.*
10. *Хорошихин А.П.. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. – СПб., 1876.*

БА ТАНЗИМ АБУЛҲАЕВ Рақиб,
ДАРОВАРДАНИ д.и.т., сарҳодими илмии шуъбаи таърихи навтарини
РАВАНДИ МУҲОҶИРАТИ Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ
МЕҲНАТИИ ТОҶИКОН ба номи А.Дониши АИ ҶТ (Тоҷикистон, Душанбе).

РЕГУЛИРОВАНИЕ АБУЛҲАЕВ Рақиб,
ПРОЦЕССА ТРУДОВОЙ д.и.н., главный научный сотрудник отдела новейшей
МИГРАЦИИ ТАДЖИКОВ истории Института истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша АН РТ (Таджикистан, Душанбе).

REGULATION OF THE ABULHAEV Rakib,
PROCESS OF TAJIK Dr. of History, the senior scientific employee newest history
LABOR MIGRATION department of the Institute of history, archeology and
ethnography named after A.Donish under the Academy of
Sciences of Tajikistan Republic (Tajikistan, Dushanbe).

Калидвожаҳо: танзим, муҳоҷирати меҳнатӣ, муҳоҷирати маҷбури, фарҳангӣ, консенсия, мутасаддӣ, ҷараён, итиҳодия, пардохт.

Дар мақола зарурият ва ҷараёни муҳоҷирати меҳнатии тоҷикон ба собиқ Ҷумҳуриҳои Иттифоқи Шӯравӣ ва қабл аз ҳама ба мавзӯҳои мухталифи Федератсияи Русия, ҷойгиришавии онҳо ва ба қор таъмин гаитанашон таҳлил карда шудааст. Инчунин, яке аз масоили муҳим, яъне ба танзим даровардани ин надида ба риштаи сухан кашида шудааст.

Ключевые слова: регулирование, трудовая миграция, вынужденная миграция, культурный, концепция, ответственный, процесс, союзы, платёж.

В статье освещается необходимость процесса трудовой миграции таджиков в бывшие республики Союза ССР и прежде всего в различные регионы Российской Федерации, обоснование и их трудоустройства. Кроме того, в статье освещается одна из важных проблем регулирования процесса трудовой миграции.

Key words: regulation, labor migration, forced, cultural, conception, responsible, process, unions, payment.

The article highlights the need for the process of labor migration of Tajiks in the former Soviet republics, and first of all in different regions of the Russian Federation, the explanation and their employment.

In addition, the article highlights one of the important problems in regulating the process of labor migration.

Маълум аст, ки дар шароити имрӯзаи соҳибистиклолӣ муҳоҷирати меҳнатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон яке аз масоили муҳими иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва сиёсӣ низ маҳсуб мешавад. Ин ҷараён инчунин ба стратегияи сиёсати давлату даламдорӣ дохил мешавад. Дар даврони Иттиҳоди Шӯравӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон барҳақ ба як давлате табдил ёфта буд, ки дар он намоёндогони зиёда аз сад миллату халқиятҳои дӯсту бародар қору зиндагӣ мекарданд. Пас аз пош хӯрдани ин иттифоқ ва баъди ба даст даровардани истиқлолият дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бо даҳолати қувваҳои иртиқои дохиливу берунӣ ҷанги бемаънии шаҳрвандӣ ва ё «бародаркуш» сар зад, ки он ба мо ҳам аз лиҳози иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҳам аз лиҳози илмиву фарҳангӣ хисороти гӯшношунда расонд. Мардуми ҷӣ бумӣ ва ҷӣ омада, ба таҳлука афтада буданд, илочи аз ин бӯҳрони иқтисодиву сиёсӣ баромаданро мечустанд, зеро қорҳонаҳои саноатӣ, қолхозу совхозҳо фалаҷ гардида буданд.

Дар ҷунин шароити ниҳоят муташанниҷ мардуми русзабону рустабор роҳи муҳоҷирати маҷбуриро пеша қарда, аслан ба ҷумҳуриҳои собиқ иттифоқ ва қабл аз ҳама ба мавзӯҳои гуногуни Федератсияи Русия қўч бастанд, зеро ба он ақидае буданд, ки дар солҳои наздик дар Тоҷикистон ҳаёти ошошта барқарор нахоҳад шуд. Бо ҳамин мақсаду маром аз солҳои 90-уми асри XX сар қарда, ҷараёни муҳоҷирати маҷбурии беруна оғоз ёфт. Ба ғайр аз ин қувваҳои қори изофаи дохилӣ, баъд аз воқеаҳои ҳарбӣ-сиёсии дар ҷумҳури руҳдода, ноилоч роҳи муҳоҷирати маҷбурии меҳнатиро дур аз кишвар пеша қарданд. Аз ин рӯ аз ҳамин вақт сар қарда, ҷараёни нисбатан дурударози муҳоҷирати меҳнатӣ ба мамолиқи дигар аз Тоҷикистон оғоз мегаддад, ки он сабабҳои қабл аз ҳама иҷтимоӣ-иқтисодӣ, сиёсӣ ва илмиву фарҳангӣ дошт.

Дар зиндагонии имрӯза мунтазам беҳтару хубтар гардондани ҳаёти иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва илмиву фарҳангии мардум бо ба ҳисоб қардану ба низоми даровардани ҷараёни муҳоҷирати

меҳнатӣ ба даст оварда хоҳад шуд. Ин чараён, имрӯз омиле мебошад, ки баҳри беҳтар ва аз ҳар ҷиҳат мустаҳкамӯ дилпур намудани ҳаёти иҷтимоӣ–иқтисодӣ ва илмиву фарҳангии мардуми заҳматкаши Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамаҷониба кӯмак расонид ва расонида истодааст. Тамоми чунин омилҳои мусбиро ба эътибор гирифта, аз нимаи дуюми солҳои 90–и қарни XX то кунун дар соҳаи муҳоҷирати меҳнатӣ ва ба танзим даровардани ин чараён аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон якҷанд ҳуҷҷатҳои ҳуқуқӣ қабул шудаанд.

Пас аз ба эътидол омадани ҳаёти ҳарбӣ–сиёсӣ Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳанӯз соли 1998 Консепсияи сиёсати муҳоҷирати меҳнатиро коркарда баромада, дар ин ҳуҷҷати боэътимод моҳият ва мавқеи чараёни ин падидаро илман муайян намуд. Соли 2001, баъди муҳокимаи ҳамаҷониба ва маъқул донистани матни он, Консепсия қабул карда шуд. Баъди як сол ба қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муҳоҷират» инчунин тағйироту иловаҳо оид ба танзим даровардани муҳоҷирати меҳнатӣ дар хориҷи кишвар ворид гардиданд. Бояд зикр кард, ки ин қонун бе тағйиру иловаҳо як қизи мавҳум набуд. Зеро мувофиқи дигар шудани вазӯу шароитҳои қору зиндагии муҳоҷирони меҳнати тоҷикони берун аз кишвар, ба ин қонун солҳои минбаъда низ тағйирот ва иловаҳо ворид карда шуданд.

Бо мақсади ба танзим даровардани чараёни муҳоҷират ва таъмини ҳифзи ҳуқуқи меҳнаткашони муҳоҷир чӣ дар хориҷи мамлакат ва чӣ дар дохили он Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар таърихи 31 январи соли 2006 таҳти № 61 «Барномаи муҳоҷирони меҳнати хориҷи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои 2006-2010»-ро қабул кард [3, 7]. Ин ҳуҷҷати боэътимод ташкилотҳои муттасадии ҷумҳурӣ ва берун аз онро ҷиддан вазифадор мекард, ки қору кирдор ва тарзи ҳаёту зиндагии муҳоҷирони меҳнатӣ ва тарбияи оилаву фарзандони онҳо доимо дар мадди назарашон бошад, барои ҳалли ин ва ё он масъалаҳои ба миён омада, дасти ёрӣ дароз кунанд.

Ба ақидаи муовини якуми сардори Хадамоти муҳоҷирати назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон А. Бобоев барои ба танзим овардани масъалаҳои муҳоҷирати меҳнатӣ ва аъзои оилаи онҳо, таъсис додани Шӯрои машваратӣ таҳти роҳбарии Сарвазир дар ҳаёти вазирон ва раисони вазорату идораҳои калидӣ лозим аст. Инчунин, ба андешаи мо ӯ мантиқан ва ҳаёти ақидаронӣ мекунад, ки дар Парлумони мамлакат ташкил кардани Кумитаи алоҳида оид ба баррасии масъалаҳои муҳоҷирати меҳнатӣ шарт ва зарур мебошад. Ҷиҳати мусоидат ва ёрии моддӣ ба муҳоҷирони меҳнатӣ ва аъзои оилаи онҳо, мисли таҷрибаи пешқадами давлати Филиппин, ташкил кардани Хазиначи ҷамъиятию давлатии иҷтимоӣ, Марказҳои иттилоотию ҳуқуқӣ, репатриатсия, реабилитатсия ва реинтегратсия лозим мебошад [2, 93]. Ба фикри мо, чунин тақлифҳои мутахассис барои ба танзим даровардани чараёни қору кирдор ва зиндагии муътадили муҳоҷирони меҳнатӣ мусоидат мекунад ва аз ин лиҳоз аз аҳамияти амалӣ холӣ нест.

Андеша меравад, ки яке аз омилҳои ба танзим даровардани чараёни муҳоҷирати меҳнати тоҷикони берун аз қаламрави кишвар, алоқаи корфармоёни Федератсияи Русия бо қорандони масъули Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб меёбад. Ба чунин фикру андеша мисолу далелҳои зиёд шаҳодат медиҳанд. Масалан, моҳи августи соли 2016 намояндагони Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо ҳамроҳии ашхоси салоҳиятдори Кумитаи меҳнат ва шуғли аҳолии шаҳри Санкт-Петербурги Федератсияи Русия филиали “Маркази машваратӣ оид ба кортаъминкунӣ дар Санкт-Петербург”-ро дар шаҳри Қўрғонтеппа кушода, бо ин Марказ ҳамқории зич барпо карданд. Инчунин, дар дафтари САҲА (ОБСЕ) дар шаҳри Қўрғонтеппа барномаи омӯзишии яқрӯза дар мавзӯи “Волидайн алайҳи терроризм” ва Мизи муддавар дар мавзӯи “Ҳифзи ҳуқуқи муҳоҷирон ва омилҳои рондашавӣ (депортатсия)» баргузор гардид, ки дар ин қорабинӣ шахсони масъули дастгоҳи марказии Раёсат ва баҳши Хадамоти муҳоҷират дар шаҳри Қўрғонтеппа, намояндаи филиали МД “Агентии бақортаъминкунӣ дар хориҷа”-и Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар вилоят иштирок ва фикру андешаҳоишонро иброз намуданд. Чунин қорабинӣ, бечунучаро масъалаи интиҳоби дурусти муҳоҷирони меҳнати тоҷикро на танҳо ба шаҳри Санкт-Петербург, балки ба дигар минтақаҳои Федератсияи Русия ҳаллу фасл намуд.

Оиди масъалаи ба танзим даровардани чараёни муҳоҷирати меҳнати берун аз марзи Тоҷикистон мавқеи диаспораҳо ва ташкилотҳои ҷамъиятии дар ҳудуди Федератсияи Русия таъсис ёфта кам нест. Зеро сол аз сол фаъолияти ҷамъиятии диаспораҳо ва ташкилотҳои оммавии тоҷикон афзуда, алоқаи онҳо натавон бо қорпусҳои Федератсияи Русия, инчунин бо мамолики Аврупо ва ШМА мустаҳкам шуда, масоили муҳимтарини муҳоҷирати меҳнатӣ дар миқёси ҷаҳонӣ мавриди таҳлил қорор мегирад [1,382].

Дигар масъалаи ба танзим даровардани муҳоҷирати меҳнатӣ аз аввал ва то ба охир, ин ба эътибор ва гирифтани доштани тамоми он ҳуҷҷату қонунҳо, ки мамлақати қабулкунандаи қоритали меҳнатӣ пеш гузоштааст, маҳсуб аст. Аз байни онҳо қорти муҳоҷирӣ – ҳуҷҷати зарурӣ ба ҳисоб

меравад, аз ин рӯ онро бо шиноснома якҷоя нигоҳ дошта мешавад. Муҳочирони меҳнатие, ки нав ба мамлакати хоричӣ, яъне ба Федератсияи Русия ва ё дигар ҷумҳурияҳои собиқ Иттифок азми сафар кардан доранд, бояд донанд, ки дар ҳолати пешниҳоди корти қалбақӣ аз онҳо 7000 рубли русӣ ҷарима ситонида мешаваду воридшавӣ ба қаламрави ин мамлакат ба муҳлати 5 сол ва ё ин ки мувофиқи қисми 3 моддаи 327 Кодекси Ҷиноятҳои Федератсияи Русия ба муҳлати то 6 моҳ аз озодӣ маҳрум карда мешаванд [6].

Дигар роҳу воситаи ба танзим даровардани қору зиндагии муҳочирони меҳнатӣ, ба фикри мо, барқарор кардани алоқаи устувору доимии байни намоёндоғони мамлакати содироткунандаи қувваи корӣ ва мамлакати воридкунандаи ин қувва аст. Тавре ки дар боло ишора рафт, ҷӣ дар Тоҷикистон ва ҷӣ дар мамолики муҳочирқабулкунанда дар давраҳои муайян алоқаҳои ба манфиати тарафайн ғоидабахш доир мегардид.

Солҳои тӯлонист, ки мардуми Ҷумҳурии Тоҷикистон пас аз ҷанги бародаркуш ҷун муҳочирони меҳнатӣ барои дарёфти қору зиндагӣ ба шаҳру вилоятҳои мамлакатҳои ИДМ ва қабл аз ҳама ба Федератсияи Русия раҳсипор мешаванд. Масалан, соли 2002 ҳамагӣ 262000 нафар муҳочирони меҳнатии Тоҷикистон ба хорича сафар карда бошанд, пас соли 2011 ин рақам то 750391 нафар зиёд гардид ва ҷунин ҳолат боиси нигаронист, зеро масъалаи дар амал идоракунии равандҳои муҳочират имрӯз афзалияти хоса дорад [2, 92].

Тоҷикистон ҳамҷун мамлакати инкишофёбанда ва дар айни ҳол дар солҳои ҷанги шаҳрвандӣ ва баъд аз он дар ҳама ҷабҳаҳои ҳаёт масъалаҳои ҳалталаб дошта, дараҷаи пасти истеҳсолот ва дар дохили мамлакат дорои дараҷаи баланди бекорӣ буда, садҳо ҳазор муҳочирони меҳнатӣ дар хоричи ҷумҳурӣ қору зиндагӣ мекунанд. Ин ва дигар омилҳо ба он сабаб мегарданд, ки имрӯз Тоҷикистон бетараф наистода, ба ин ҷараён низ ҷалб хоҳад шуд. Дар тӯли 21 соли охир теъдоди аҳолии Тоҷикистон зиёда аз 1/3 маротиба (31, 1%) ва захираҳои меҳнатӣ бештар аз 66,7% афзудааст, дар вақте ки сатҳи шуғл танҳо 9,1% боло рафтааст, яъне афзоиши шуғли аҳоли аз афзоиши захираҳои меҳнатӣ 57,6% ақиб мемонад [2, 48].

Албатта дар Федератсияи Русия қувваҳо, ташкилотҳои ғайридавлатӣ ва гурӯҳҳои буданду то имрӯз вучуд доранд, ба ақидаеанд, ки гӯё муҳочирони меҳнатии Осиёи Марказӣ, аз ҷумла Ҷумҳурии Тоҷикистон барои ин мамлакат ғоидаовар набуда, онҳо баръакс зарари иқтисодӣ ва маънавӣ меоранд. Баробари он дар ин ҷо боз ашхоси соҳибқадру ботамиз ҳастанд, ки дар бораи ба иқтисодиёти Федератсияи Русия баракс ғоидаи зиёд овардани муҳочирони меҳнатӣ ва зарурияти дар ин мамлакат қору зиндагӣ кардани онҳо объективона фикру ақидаронӣ мекунанд.

Доир ба танзим даровардани қору зиндагии тоҷикон дар Федератсияи Русия ва меҳнати софу диловаронаи онҳо Раиси шӯрои Ассамблеяи Русия, собиқ сафири Федератсияи Русия дар Тоҷикистон Рамазон Абдулатипов дар суҳбат бо хабарнигори «Утро. Ру». аз ҷумла ҷунин ақидаронӣ кард, ки «бояд дарк кард, ки дар ояндаи наздик бе муҳочирон қор бароямон душвор мегардад... Аммо, дар баъзе минтақаҳои Русия нисбати муҳочирони тоҷик муносибати бадро раво мебинанд. Аз рӯи рақамҳои баландтарин, ҳар сол аз Ҷумҳурии Тоҷикистон тахмин то якуним миллион нафар шахс ба ҷустуҷӯи қор ба хорича мераванд, ҳарчанд тоҷиконро ба дигар кишварҳо даъват намоёнд ҳам ба Русия меоянд. Муносибати аз ҳама беҳтаринро бо муҳочирони тоҷик ҳукуматдорони ш. Маскав ба роҳ мондаанд. Ман дар соҳтмонҳои ин шаҳр, дар он ҷойҳо, ки тоҷикон қор мекунанд, будам. Дар баъзе иншоотҳо вобаста ба ихтисос моҳонаи онҳо қариб ба ҳазор доллари америкойи мерасид [4, 26, 27].

Дар тамоми гушаву канори Федератсияи Русия ба ҷуз мардон инҷунин занҳои соҳиби қасбу қори гуногун дар тамоми соҳаҳои хоҷагии халқ бомувафакқият қору зиндагӣ мекунанд ва бо меҳнати фидокоронашон ба ин мамлакат манфиати иқтисодӣ ва маънавӣ меоварданд. Масалан, аз соли 2005 занон низ ба муҳочират рафтандро оғоз карданд. Аз рӯи мушоҳидаҳо 57 ғоизи занон ҳамроҳи шавҳаронашон ба муҳочират рафтанд. «Воқеан, вақтҳои охир рафтуомади мустақилонаи занони бешавҳар ва ҷудошуда афзуда истодааст» [4, 43, 44]. Бонувони соҳаи тибби тоҷик на танҳо дар дохили Ҷумҳурии Тоҷикистон, инҷунин берун аз кишвар ба табобату муолиҷаи беморон саҳми арзанда мегузоранд. Ба ин иттиҳодия занон-модарон аз тамоми минтақаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон шомил буда, фаъолияти онро дастгирӣ мекунанд. Бояд зикр кард, ки дар байни онҳо занони қасбу қор ва маълумоту ихтисосҳои гуногун, ба монанди: табибон, муаллимон, ҳуқуқшиносон, иқтисодчиён, бонкирон, тоҷирон, муҳандисон, геологҳо, соҳтмончиён, дӯзандагон, ошпазҳо, ҳатто ронандаи симгард (троллейбус) ва ғайра мебошанд. Дар иттиҳодия ҷанде аз занҳои фаъол ҳастанд, ки номашон қайҳо боз дар байни ҳамдиёрон ва мардуми вилояти Иркутск маълуму машҳур гардидааст. Аз байни онҳо метавон бо хушнудӣ номҳои Бобоева Фотима, Нозимова Садбарг, Юсупова Ҳикматой, Қурбонмамадова Парвина, Азимова Зулайҳо ва бисёр дигаронро ба забон

гирифт [6]. Чунин занҳои кордону хунарманди тоҷик боз дар дигар вилояту мавзёҳои Федератсияи Русия кам нестанд.

Маълум, ки Федератсияи Русия макони асосии муҳоҷирони меҳнатӣ, диаспораҳои иттиҳодияҳои ҷамъиятии мардуми Тоҷикистон маҳсуб аст. Мамлакати дигаре, ки дар он ҷо муҳоҷирони меҳнатии тоҷик қору маскан гирифтаанд, ҳамсои дӯсту ба мо аз лиҳози ҷуғрофӣ наздик Ҷумҳурии Қазоқистон мебошад. Мувофиқи маълумоти омӯӣ шумораи муҳоҷирони меҳнатӣ аз Тоҷикистон дар Қазоқистон дар солҳои 2013-2015 беш аз 20 ҳазор нафарро ташкил медиҳад. Аз ҷумла, тибқи маълумоти рафтуомади шаҳрвандон тавассути гузаргоҳҳои сарҳади давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соли 2015 наздики 11 ҳазор шаҳрвандони кишварамон ба Қазоқистон ба муҳоҷирати меҳнатӣ сафар намудаанд.

Дар Қазоқистон ҳамзамон тоҷикони бурунмарзӣ ҳамчун сокинони муқими ин кишвар қору зиндагӣ менамоянд. Алҳол дар Қазоқистон 8 ҷамъияти тоҷикон расман фаъолият доранд, Вазорати меҳнат ва муҳоҷират ва шуғли аҳолии Тоҷикистон бо онҳо робитаи зич дорад [6].

Тавре, ки дар боло ишора шуд, дар бисёр вилояту шаҳрҳои Федератсияи Русия ва Ҷумҳурии Қазоқистон муҳоҷирони тоҷик қору зиндагӣ карда, диаспораҳои иттиҳодияҳои ҷамъиятии онҳо низ фаъолона амал мекунанд. Аммо факту рақам ва мисолҳои боварибахш шаҳодат медиҳанд, ки на дар ҳама ҷо меҳнати сангини муҳоҷирони меҳнатии тоҷик кадр карда мешавад. Баъзе корфармоён на ин ки музди меҳнати онҳоро саривақт ва қонунӣ медиҳанд, ҳатто ба онҳо бо зурӣ таҳдид карда, аз ҷои қор меронанд. Як иддаи дигар бо ташкилотҳои ҳифзи ҳуқуқи Федератсияи Русия ҳамқорӣ карда, бо роҳҳои фиребу найранг аз муҳоҷири муҳтоҷ пайсаи охиринашро меситонанд. Масалан, нархи ҷаримаи муҳоҷири тоҷик дар шӯъбаҳои №51 – 65 Маскав то 15000 рубл боло рафта буд, дар сурате, ки расман маблағи ҷарима 2000 рубл аст. Ҳафтаҳо онҳоро боздошт менамуданд, то қасе пайдо мешуду бо қарзу қавола онҳоро раҳо мекард. Бо ҷурми маводи муҳаддир низ яҷанд ҷавоноро «подставить» (бо роҳи дар ҷайбашон андохтани миқдоре маводи муҳаддир) мекарданд. Дар ин вазъият шахси пулдор қоре карда худро қалос мекард, вале муҳтоҷон беягон гуноҳ зиндонӣ мешуданд [7]. Албатта, ташкилотҳои салоҳиятдори Тоҷикистон дар Федератсияи Русия низ буда, барои ҳифзи ҳуқуқи муҳоҷирони меҳнатии тоҷик саривақт қораҳои зарурӣ меандешанд. Баъзан ба чунин муносибатҳо худӣ муҳоҷирони меҳнатӣ ба ҳагогиҳо роҳ медиҳанд, хусусан он қисме, ки бе ҳуҷҷатҳои лозимӣ ба Федератсияи Русия рафта, ба таври ғайриошқорӣ дар зери дасти қорфармоёни бераҳму бешавқат қор карда, дар баъзе мавридҳо бе музди меҳнат мекунанду ба таъқиб низ дучор мешаванд.

Аз қониби давлат дар солҳои охир тавассути ба низом даровардани муҳоҷирони меҳнатӣ қорору пешниҳодҳои зиёде оид ба ин масъалаи муҳими рӯз қабул шудааст, ки қисми муайяни онҳо дар ҳаёт татбиқ шуда истодаанд. Байни Федератсияи Русия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон қорору нишондодҳои зиёде қабул шудаанд ва қабул мешаванд, ки онҳо барои иҷрои саривақтии вазифаҳои дар пешистодаи муҳоҷирон ва қаланд бардоштани тарзи зиндагониашон қумак мерасонанд. Аммо дар раванди муҳоҷирати меҳнатӣ қамбудӣ ва норасоӣҳо ҳастанд, ки ба ислоҳи саривақтии онҳо давлат ва ташкилотҳои дахлдор бояд диққат дода, онро барҳам диҳанд. Масалан, тадқиқотҳо нишон медиҳанд, ки ба муҳоҷирати меҳнатӣ бештар ҷавонони мамлакат тавачҷуҳ доранд. Ба ин раванд чунин далел шаҳодат медиҳад, ки ҳатто баъзе наврасон мактаби таҳсилоти миёнаро ҳатм нақарда, роҳи муҳоҷиратро пеш мегиранд. Маълумоте, ки аз қониби Маркази таҳқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод гардидааст, нишон медиҳад, ки бештар аз 70%-и муҳоҷиронро ҷавонони синну солашон 17-29 сола ташкил менамоянд. Тибқи маълумотҳо танҳо дар соли 2012-ум 50 ҳазор ноқилигон ба муҳоҷирати меҳнатӣ рафтанд [5, 5].

Натиҷаҳои тадқиқоти ходимони Маркази таҳқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон медиҳад, ки солҳои охир омилҳои мусоидаткунанда ба афзоиши муҳоҷирони меҳнатӣ тағйир ёфтаанд. Масалан, агар то оғози солҳои 2007–2009 омилҳои муҳими муҳоҷирони меҳнатӣ таъмини амнияти озуқаворӣ дар сатҳи хоҷагиҳои манзилӣ бошад, пас солҳои охир омилҳои асосии муҳоҷирони меҳнатӣ бештар намудани шароити зист ва таъмини фарзандон бо таълими арзишманд маҳсуб аст.

Новобаста аз тарафи Ҳуқумати кишвар ва ташкилотҳои дахлдор андешидани қораҳои зарурӣ оид ба танзим даровардани қорабиниҳои анъанавӣ (тӯй ва маросимҳои азодорӣ) зиёда аз 23% мусоҳибон гузаронидани туйро ба омилҳои асосии муҳоҷирати меҳнатӣ вобаста намуданд. Пардохти қарзҳо низ барои 12% мусоҳибон омилҳои мусоидаткунанда ба муҳоҷирати меҳнатӣ мебошад. Барои қишрҳои қамбизоати аҳоли (24,2%) таъмини оилаҳо бо маводи хӯроқа омилҳои асосии муҳоҷирати меҳнатӣ аст [5, 47].

Яке аз масъалаҳои ба танзим даровардани муҳоҷирати меҳнатӣ сари вақт бастанӣ шартномаи меҳнатӣ бо корфармоён мебошад. Таҷрибаи фаъолияти намояндагӣ, аз ҷумла баррасии аризаҳо оид ба ҳисоб нагирифтани маоши муҳоҷирони меҳнатии Тоҷикистон дар Русия, нишон медиҳад, ки дар бисёр маврид пешаки набастани шартномаҳои меҳнатӣ бо корфармо боиси мушкилоти зиёд дар чараёни пардохти музди меҳнат мегардад. Инчунин набастани шартномаҳои меҳнатӣ ҳангоми пайдо шудани баҳсҳои гуногун дар муносибатҳои байни корфармо ва коргар, аксаран ба зарари коргар аст. Зеро корфармо метавонад бо сад баҳона, аз сифати корҳои иҷрошуда сар карда, то мушкилоти молявии корхона ва муҳлати иҷрои корҳо пардохти музди меҳнатро ба таъхир андозад ва ё пурра пардохт накунад.

Таҷрибаи зиндагӣ баралло исбот кард, ки яке аз омилҳои беҳтар ва бе хавфу хатар кардани кору зиндагии муҳоҷирони меҳнатӣ муносибати доимӣ ва қавии онҳо бо диаспораҳо ва иттиҳодияҳои ҷамъиятии тоҷикон дар мамолики ИДМ ва пеш аз ҳама Федератсияи Русия махсуб мешавад.

Аз 1 то 5 марти соли 2015 вохӯриҳои гурӯҳҳои корӣ ва ҷаласаи 13-уми Комиссияи байниҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия оид ба ҳамкории иқтисодӣ дар шаҳри Маскав барпо гардид, ки дар он якҷанд масъалаҳо оид ба муҳоҷирони меҳнатӣ мавриди муҳокима қарор гирифт. Яке аз ин масъалаҳо ин ба танзим даровардани чараёни муҳоҷирати меҳнатӣ ба ҳисоб мерафт. Аз сабаби он, ки 1 январи соли 2015 ҳуҷҷати «иҷозати кор» аз эътибор соқит карда шуд ва дар ҳудуди Русия танҳо «патент» ягона ҳуҷҷати расмӣ барои амалӣ намудани фаъолияти корӣ мебошад, пас он бояд ҳамчун ҳуҷҷати ивазкуандаи «иҷозати кор» барои шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул карда шавад. Дар ин вохӯриҳои гурӯҳҳои корӣ ва ҷаласаи 13-уми Комиссияи байниҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия, инчунин баҳсу мубоҳиса оид ба расмигардонии (легализацияи) муҳоҷирони меҳнатӣ-шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар қаламрави Федератсияи Русия ба ҳуқуқвайронкунии ночиз роҳ додаанд, суҳан рафт. Федератсияи Русия дар асоси қонунгузориҳои нави худ аз 1 январи соли 2015 дар ҳудуди давлат танҳо ҳуҷҷатҳои тиббии Русия ро қабул менамояд ва шаҳрвандони хориҷиро маҷбур месозад, ки дар муассисаҳои тиббии он аз муоина ва ташҳис гузаранд [7].

Маълум, ки муҳоҷирати меҳнатӣ яке аз самтҳои муҳими даромади иқтисодии қариб тамоми кишварҳои ҷаҳон мебошад, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон низ яке аз онҳо ба ҳисоб меравад. Давлат дар масъалаи ҳимояи ҳуқуқ ва шаъну шарафи шаҳрвандони Тоҷикистон худро масъул мешуморад. Масалан, дар соли 2016 бо мусоидати намояндагии Вазорати меҳнат, муҳоҷират ва шуғли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Федератсияи Русия бештар аз 40 миллион қарздорӣ ба муҳоҷирон баргардонидани шуд. Ин қарздорӣ аз ашхоси ҳуқуқӣ ва воқеӣ рӯндаи шуда, нишон медиҳад, ки ҳимояи манфиати муҳоҷирони меҳнатӣ дар маркази сиёсати давлати Тоҷикистон қарор дорад. Ҳамчунин бо мусоидати намояндагӣ ба зиёда аз 270 нафар, ки ғайриқонунӣ боздошт ва ё депортатсияи шудаанд, кӯмаки ҳуқуқӣ расонида шуда, ҳуқуқхояшон барқарор гардид [8]. Бояд зикр кард, ки дар ин муддат шаҳрванди Ҷумҳурии Тоҷикистон барои вайрон кардани қоидаҳои будубош ва фаъолияти меҳнатии қаблӣ ба ҷавобгарии маъмурий кашида намешавад.

Инчунин шахсоне, ки дар ҳудуди Федератсияи Русия муҳлати будубошашон гузаштааст, метавонанд, ба шуъбаҳои мақомоти муҳоҷирати Федератсияи Русия муроҷиат намоянд ва ба онҳо барои қонунӣ гардонидани будубош корти муҳоҷиратии нав бо нишон додани мақсади вуруд ва қайди муҳоҷиратӣ ба муҳлати 90 рӯз дода мешавад ва онҳо имкон доранд дар ин муддат будубоши худро расмӣ гардонанд. Дар ҳолати гум кардан ва ё надоштани корти муҳоҷиратӣ ба шаҳрвандон корти муҳоҷиратии нав бо ҳуқуқи иқомат ба муҳлати 90 рӯз дода мешавад ва онҳо имкон доранд дар ин муҳлат будубоши худро расмӣ гардонанд [9].

Кормандони Маркази таҳқиқоти стратегӣ назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳар вақт дар байни аҳолии тадқиқотҳои сотсиологӣ бурда, баъзе масъалаҳои иқтисодӣ-иҷтимоиро баъд аз бозгашти муҳоҷирон ба Ватан муайян мекунанд. Масалан, соли 2013 мувофиқи маълумоти онҳо аз шумораи умумии пурсидашудагон 57,5% шаҳрвандон изҳор кардаанд, ки муносибати муҳоҷирон бо тарзи зиндагии маҳаллии истиқомати доимии онҳо пас аз бозгашт аз хориҷа тағйир ёфтааст. Аз ҷумлаи онҳо 70% изҳор карданд, ки ин тағйирот мусбӣ аст ва 30% онро манфӣ арзёбӣ кардаанд [5, 57].

Натиҷаи тадқиқоти сотсиологӣ аниқу равшан кард, ки хонаводаҳои муҳоҷирони меҳнатӣ дар сатҳи мақомоти маҳаллии ҳокимият (кумиҷаҳо ва ҷамоатҳо) ва ҷомеа (кумиҷаҳои деҳот ва маҳаллаҳо) ҳеҷ гуна ёрдаму кӯмак дарёфт намекунанд. Аз теъдоди умумии пурсидашудагон 98% изҳор намуданд, ки онҳо аз мақомоти маҳаллии ҳокимият ҳеҷ гуна ёрӣ нагирифтаанд [5,63]. Тавре, ки аз чунин маълумотҳои сотсиологӣ бармеояд, гарчанде дар қарорҳои дахлдори Ҳукумати

ҷумхури ва ташкилотҳои муттасадӣ оид ба ҳалли мушкилоти оилаҳои муҳоҷирони меҳнатӣ ба таври ҷиддӣ таъкид карда шуда бошад ҳам, дар маҳалҳо ба ин масъалаи муҳими иҷтимоӣ диққати лозима дода намешавад.

Маълум, ки ягон соҳаи хоҷагии халқи Тоҷикистон аз лиҳози молиявӣ давлату ҷамъиятро бе ёрии муҳоҷирони меҳнатӣ пурра таъмин карда наметавонад. Танҳо дар даҳсолаи охир ҳаҷми маблағҳои ба таври расмӣ аз хориҷи мамлакат ба ҷумхури фиристодаи муҳоҷирони меҳнатӣ зиёда аз 27 млрд доллари ШМА-ро ташкил мекарданд, ки ин саҳми беҳамтои онҳо дар инкишофи иқтисодии мамлакат ва устувории ҳаёти ҷамъиятӣ-сиёсии Тоҷикистон мебошад. Аз ин лиҳоз, оиди ин масъалаи рӯз байни ҳукуматдорони Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия бо ҳамешагӣ гуфтушуниди судманд доир мегардад. Масалан, моҳи феввали соли 2017 Асосгузори сулҳу ваҳдат, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар рафти вохӯри бо Президенти Федератсияи Русия Владимир Путин масъалаи ба Русия рафтани муҳоҷирони меҳнатиро мавриди муҳокима қарор доданд. Мувофиқи қарори Вазорати қорҳои дохилии Федератсияи Русия дар зарфи як моҳ, яъне аз 25 март то 24 апрели соли 2017 дар тамоми қаламрави ин мамлакат ба шаҳрвандони Тоҷикистон имконият дода шуд, ки бо роҳи дар ташкилотҳои муҳоҷиратӣ барои ба кори рӯи рост баромадан ва муҳлати дар ин ҷо монданро дароз кардан, масъалаи бақайдгирии онҳо ба роҳ монда шуд.

Рафти мазмуни объективӣ гирифтаистодаи муҳоҷирати меҳнатиро дар миқёси ҷаҳонӣ, аз ҷумла дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳаматарафа таҳлил карда, ба ҳулосаи мантиқие омадан мумкин аст, ки ҳеч гоҳ аз тарафи ягон роҳбари ин ва ё он мамлакат ва ҳизбу ташкилотҳои гуногун ҷараёни босуръати ҷаҳонишавии ин воқеаи иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва сиёсӣ-ҷамъиятиро инкор кардан мумкин нест. Тавре, ки маълум аст Тоҷикистон дар зарфи зиёда аз ду даҳсола ба масъалаҳои мубрами муҳоҷирати меҳнатӣ ва ба танзим даровардани ҷараёни он машғул аст. Аз сабаби он ки ҳар сол дар ин ҷумхури шумораи бекорон ва хусусан аз ҳисоби ҷавононписарону ҷавондухтарон босуръат меафзояд, ба чунин ҳулоса омадан аз эҳтимол дур нест, ки масъалаи муҳоҷирати меҳнатӣ дар мамлақати мо камаш даҳсолаҳо давом карда, барои фаъолияти ҳамешагии ҷамъияти тоҷикони бурунмарзӣ масъалаи муҳими рӯз хоҳад монд.

Факту рақамҳо ва маълумоти оморӣ ба он шаҳодат медиҳанд, ки ҳар сол аз Ҷумҳурии Тоҷикистон ба мамолики хориҷа бо мақсади дарёб кардани ҷои кор садҳо ҳазор муҳоҷирони меҳнатӣ сафар мекунанд ва ҳамаи онҳо ба он ақидаанд, ки ташкилотҳои муттасадии давлатӣ баҳрашон ғамхории доимӣ зоҳир мекунанд. Дар мамолики берун аз кишвар, ки баъзан аз ҷониби роҳбарони қорхонаҳо ва қорфармоёни шахсӣ ҳуқуқҳои иҷтимоӣ ва шаҳрвандии муҳоҷирони меҳнатӣ поймол карда мешавад, ин воқеаро пай бурда, сари вақт аз ҷониби қорқунони вазорату ташкилотҳои дахлдор ба онҳо мадад расонида шавад.

Оиди ба танзим даровардани қору кирдор ва зиндагии муҳоҷирони меҳнатӣ аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамеша диққати ҷиддӣ дода мешавад, чунки ин падида дар ҳаёти ҷамъиятӣ мавқеи калон ва ниҳоят ҳалқунандаро ишғол мекунад. Стратегияи миллии муҳоҷирати меҳнати шаҳрвандони Тоҷикистон дар хориҷи мамлакат барои солҳои 2011-2015 соли 2011 қабул карда шуд. Дар ин ҳуҷҷат таъсири мусбии муҳоҷирати меҳнатиро ба иқтисодӣ дарҷ карда, зарурияти қабул кардани муносибати нав ва ҷиддӣ ба танзим даровардани ин воқеаи имрӯзаи ҷамъиятиро ба пеш гузошт. Стратегияи мазкур қабл аз ҳама баҳри барпо кардани тартиби ҳуқуқии идоракунии муҳоҷират ва ба муҳоҷирону аҳли оилаи онҳо хизмат расонидан аст.

Ҳар як шаҳрванди ҷумхури, ки соҳиби патент мегардад ва ба фаъолияти меҳнатӣ оғоз менамояд, бояд аз қордиҳандаи ҳеш шартномаи меҳнатиро талаб намояд. Ин ба он хотир, ки дар муддати ду моҳе, ки шаҳрванд соҳиби патент гардидааст, вазифадор аст, ки нусхаи шартномаро ба шуъбаи Вазорати қорҳои дохилии Федератсияи Русия оид ба муҳоҷират дар ҷои иқомат пешниҳод намояд. Сокини ҷумхури, яъне муҳоҷири меҳнатӣ бояд дар хотир дорад, ки ҳангоми фаъолияти меҳнатӣ дар кишварҳои Федератсияи Русия қордиҳанда ҳуқуқ надорад, ки шиносномаашро аз дасташ қашида гирад. Муҳоҷири меҳнатӣ тамоми ҳуҷҷатҳои яъне шиноснома, қорти муҳоҷирӣ, қайди муҳоҷирӣ, сертификат ва патентро нусхабардорӣ карда, дар идораи нотариалӣ тасдиқ намояд ва дар ҷои бехатар нигоҳ дорад. Муҳоҷири меҳнати тоҷик бояд бо хоҳиши худ, ҳуқуқ дорад муносибати меҳнатиашро дар вазъияти ногувори ташкилқардаи адои қор, бо қордиҳанда қатъ намояд. Дар ҳолати муомилаи дурушти қордиҳанда, муҳоҷир ҳуқуқ дорад, ки ба мақомоти дахлдори ҳифзи ҳуқуқи Федератсияи Русия хабар диҳад. Инчунин барои соҳиб гардидани қӯмак ба шуъбаи Вазорати қорҳои дохилӣ оид ба муҳоҷират, мақомоти судӣ муроҷиат намояд [10].

Ҳамин тавр, муҳоҷирати меҳнатӣ яке аз воқеаҳои муҳими ҳаёти ҷамъиятӣ буда, имрӯз аз дораи мамлақатҳои алоҳида берун бармада, харктери умумиҷаҳонӣ гирифт. Дар ҳақиқат, ин воқеа дар ибтидои қорни ХХI, махсусан барои он мамолике, ки қувваи қории изофа дошта, аз сабаби

нокифоя будани объектҳои истеҳсоли онро ба таври раціонали истифода бурда наметавонад, ба худ характери объективӣ гирифт. Аз ин лиҳоз аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ташкилотҳои дахлдори дохили кишвар ва берун аз он бояд ба масъалаи ба танзим даровардани ҷараёни муҳоҷирати меҳнатӣ доимо диққат дода, ба таъмини иҷтимоии онлаҳо ва тарбияи насли онҳо омода бошанд.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. *Абулхаев Р.А Из истории трудовой миграции Таджикистана в конце XX- начале XXI в. – Душанбе, 2017. - 382 с.*
2. *Архиви ҷорӣ маркази тадқиқоти стратегии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон.*
3. *Возвращение тарудящихся мигрантов – граждaн республики Таджикистан: проблемы и новые вызовы. (Краткое аналитическое описание ситуации). – Душанбе, 2016. -56 с.*
4. *Муҳоҷирати меҳнатӣ ва мушкилоти он. – Душанбе:Ирфон, 2010. -212 с.*
5. *Муҳоҷироти меҳнатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон:мушкилот, таъсири он ба ҷомеа ва роҳҳои тазими равандҳо. – Душанбе, 2013. - 190 с.*
6. *«Шугл ва муҳоҷират», 5 апрели соли 2015.*
7. *«Шугл ва муҳоҷират», 15 апрели соли 2015.*
8. *«Шугл ва муҳоҷират», 17 феввали соли 2017.*
9. *«Шугл ва муҳоҷират», 17 апрели соли 2017.*
10. *«Шугл ва муҳоҷират», 17 апрели соли 2018.*

**ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНО-
ВОДНОЙ РЕФОРМЫ
В ТРУДАХ ТАДЖИКСКИХ
УЧЕНЫХ В КОНЦЕ ХХ-
НАЧАЛА ХХІ ВВ.**

АБДУРАШИТОВ Фозил Маматович,
д.и.н., главный научный сотрудник отдела
нашей истории Института истории,
археологии и этнографии им. А.Дониша
Академии наук РТ (Таджикистан, Душанбе)

**МАСЪАЛАҲОИ ИСЛОҲОТИ
ЗАМИН ВА ОБ ДАР
ТАДҶИҚОТИ ОЛИМОНИ
ТОҶИК ДАР ОХИРИ АСРИ ХХ-
АВВАЛИ АСРИ ХХІ**

АБДУРАШИТОВ Фозил Маматович,
д.и.т., сарҳодими илмии шуъбаи таърихи
навтарини Институтуи таърих, бостонишиносӣ
ва мардумшиносии ба номи А.Дониши
Академияи илмҳои ҚТ (Тоҷикистон, Душанбе)

**ISSUES OF LAND AND WATER
REFORM IN RESEARCH OF
TAJIK SCIENTISTS IN THE END
XX- AT THE BEGINNING
XXI CENTURIES**

ABDURASHITOV Fozil Mamatovich,
Dr. of History, the senior scientific employee newest
history department of the Institute of history,
archeology and ethnography named after A.Donish
under the Academy of Sciences of Tajikistan
Republic (Tajikistan, Dushanbe)

Ключевые слова: историография, история, аграрное производство, земельно-водная реформа, реорганизация, сельское хозяйство

В статье освещается историография истории земельно-водной реформы, становление и развитие аграрной экономики Советского и независимого Таджикистана в XX – начале XXI вв. В ней анализируются научные труды ученых- исследователей – историков, экономистов, обществоведов и других экспертов аграрного сектора. Особое внимание уделяется фундаментальным исследованиям аграрной истории, в которых характеризуются процессы земельно-водных реформ на разных этапах становления и развития сельского хозяйства Таджикистана.

Калидвожаҳо: таърихнигорӣ, таърих, истеҳсолоти кишоварзӣ, ислоҳоти замин ва об, таҷдид, хоҷагии қишлоқ

Дар мақола таърихнигории таърихи ислоҳоти замин ва об, ташаккул ва руидаи иқтисодиёти аграрии Тоҷикистони Шӯравӣ ва соҳибистиқлол дар асри ХХ- аввали асри ХХІ инъикос шудаанд. Дар он таҳқиқотҳои илмии олимони муаррихон, иқтисодчиён ва ҷомеашиносон зерин таҳлил қарор гирифта шудааст. Таваҷҷуҳи асосӣ ба таҳқиқотҳои таърихи кишоварзӣ, ки дар онҳо раванди ислоҳотҳои замин ва об инъикос шудаанд, дода шудааст.

Key words: historiography, history, agrarian production, land and water reform, reorganization, agriculture

The article covers the historiography of the history of land and water reform, the formation and development of the agrarian economy of the Soviet and independent Tajikistan in the twentieth and at the beginning twenty-first centuries. It analyzes the scientific works of scientists - researchers - historians, economists, social scientists and other experts of the agricultural sector. Particular attention is paid to fundamental research of agrarian history, which characterizes the processes of land and water reforms at different stages of the formation and development of Tajikistan's agriculture.

Аграрный вопрос всегда занимал ключевое место в экономической политике Таджикистана. Реформы Советской власти 20-30-х годов XX века дали толчок длительному процессу ликвидации крупного землевладения в лице феодалов и латифундистов и формирования коллективного хозяйства. Массовое кооперирование в деревне превратило коллективные хозяйства в основную форму организации сельскохозяйственного производства и землевладения.

В конце XX-начале XXI вв. в период политической и социально-экономической трансформации среди всех бывших союзных республик больше всех пострадал Таджикистан. В особо тяжелом положении оказался аграрный сектор. В южных и центральных районах республики, где происходили ожесточенные боевые столкновения, наиболее уязвимой оказалась аграрная инфраструктура. Перестали функционировать сельские социально-бытовые объекты. Были разрушены больницы, школы, детские сады, клубы и библиотеки.

Аграрная реформа, начатая в 90-е годы прошлого столетия, оказала шоковое воздействие на сельское хозяйство. Она породила многочисленные социально-экономические проблемы. Перед таджикским государством и обществом остро встал вопрос о продовольственной безопасности.

С первых дней своего суверенитета в стране стали осуществляться социально-экономические преобразования, создавались правовые и организационные условия для функционирования разных форм собственности и хозяйствования. В аграрном секторе создавалась новая система организационно-экономических отношений между товаропроизводителями и потребителями сельскохозяйственной продукции. Она в корне отличалась от прежней системы, в основном принципами функционирования. По сути, это замена плано-распорядительных механизмов хозяйствования с рыночной системой экономических отношений на основе конкуренции.

В результате проводимой экономической реформы в Таджикистане формировалось новое рыночное отношение в сфере землепользования. В результате структурных реформ возникли разные формы хозяйствования в виде акционерных обществ, индивидуальных, семейных и коллективных дехканских хозяйств.

Необходимость освещения земельно-водной реформы заключается в правильном понимании процессов преобразования в аграрном секторе Таджикистана, его перехода от планового к рыночному производству.

Анализ многочисленных научных исследований и научно-популярных публикаций по аграрной проблеме Советского Таджикистана свидетельствует о том, что в тот период в Союзе ССР, в том числе в Центральной Азии и Таджикистане сельскохозяйственным преобразованиям уделялось достаточно много внимания [17]. Проблема аграрных преобразований была подвергнута глубокому анализу в научной монографии Б.А. Антоненко [5].

В историографии Таджикистана история аграрного строительства и преобразований освещена в коллективных трудах историков, экономистов республики. В них ученые, освещая состояние сельского хозяйства в целом и происходящих в нем реформ в частности, анализировали социально-экономические и культурно-бытовые изменения в жизни таджикского общества [13].

Исследованию процесса аграрных преобразований посвятил один из своих историографических трудов академик Р. М. Масов [17]. Он дал профессиональную, глубоко историческую оценку работам ученых, посвященным аграрным преобразованиям в Таджикистане. Академик Р. М. Масов много внимания уделял проблемам проведения земельно-водной реформы и утверждал, что политика Советской власти в Таджикской АССР заключалась в том, что посредством переселения и расселения, особенно жителей горных районов, обеспечить как можно большее количество крестьян землей и сельскохозяйственным инвентарем. Об этом же писал и Б. А. Антоненко: «...ограничить дальнейший рост крупного земледелия и ввести в хозяйственный оборот имевшиеся ещё в большом количестве свободные земли путем передачи их в пользование нуждающимся дехканам» [5,292].

Далее, Б. А. Антоненко особо подчеркивает, что «...одним из важных направлений аграрной политики Советской власти в Таджикской АССР, являлось переселение дехкан из перенаселенных районов в слабозаселенные, где имелось много свободных земель» [5,204]. При этом, он полностью соглашается с мнением академика Р. М. Масова о том, что переселение не решало основной вопрос земельно-водной реформы.

Р.С. Гимпелевич, в основном специализирующийся на проблемах земельно-водной реформы, утверждает, что, «...исходя из общего понятия, из общего содержания земельной или земельно-водной реформы, как ликвидации крупного феодального землевладения и наделения землей безземельных и малоземельных крестьян, следует прийти к выводу, что в Таджикской АССР, несмотря на то обстоятельство, что здесь не проводилось изъятия излишков земли у баев, комплекс вышеприведенных мероприятий был ничем иным как земельно-водной реформой» [10,70-71].

Исследователь А. Мизарбаев, анализируя вопросы относительно связи земельно-водной реформы и коллективизации, отмечает: «Политика переселения продолжалась и в последующие годы первой пятилетки... переселение в годы коллективизации усилило темпы колхозного строительства» [18,56]. В монографических трудах Р.А. Абулхаева, Т. Р. Каримова и Г. Х. Хайдарова [3] были исследованы предпосылки аграрных преобразований на селе. Эти ученые впервые ввели в научный оборот многие новые документальные материалы по аграрной политике Советской власти в Северном Таджикистане в 20-е годы XX в. Особое внимание ученые уделили анализу проблем земельно-водной реформы, национализации и созданию первых коллективных хозяйств в Северном Таджикистане. Историографический анализ данных исследований показывает, что в них основное внимание уделялось начальному этапу сельских реформ.

Характерной особенностью историографии аграрных исследований являются их практическая

направленность и освещение изучаемых явлений на основе документальных источников.

В 1990-2000-е годы в изучении процессов земельно-водной реформы зародились новые тенденции: а) был открыт доступ к ранее засекреченной информации; б) началась политизация процессов преобразования на постсоветском пространстве, переосмысление исторических фактов, касающихся собственной истории постсоветских суверенных национальных государств; в) история аграрных отношений исследовалась в контексте с изучением экономических преобразований.

Таким образом, в историографии Таджикистана процессы земельно-водной реформы, в основном были исследованы и обобщены в многочисленных трудах историков, экономистов, специалистов сельского хозяйства, других ученых. Все эти работы можно разделить на следующие группы:

1) труды, непосредственно посвященные истории земельно-водной реформы конкретного региона, которые написаны преимущественно в историко-партийном аспекте;

2) публикации исторического, историографического и экономического характера;

3) исследования, которые непосредственно посвящены проблемам развития агропромышленного комплекса и освоения новых земель в Таджикистане;

4) научные и научно-популярные брошюры, в которых освещены некоторые аспекты процессов земельно-водной реформы.

В период социалистического строительства и в современной историографии Таджикистана проблемы социально-экономического развития, история сельского хозяйства и земельно-водной реформы освещались в основном в историко-партийном аспекте [24]. Здесь можно назвать монографию М. Хамроева «Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане (1924-1938 гг.)». Это первая серьезная научная работа, посвященная развитию основ аграрного строительства в Таджикистане в 20-е и 30-е годы XX в. В ней освещаются, в частности вопросы аграрных преобразований, где автор приводит спорный тезис о том, что «...целинные массивы становились главными объектами переселения из уплотненно заселенных районов республики, явившегося своеобразным решением вопросов земельно-водной реформы» [25].

В пятом томе нового издания шеститомной «Истории таджикского народа» [14] в дополненном и обновленном виде отражены основные этапы становления и развития нового общественного строя в таджикском кишлаке и особенности этого процесса.

Вопросы аграрных преобразований в Таджикистане и связанные с ними процессы в исследуемый автором период, затрагивались в монографиях исторического, историографического и экономического характера [21].

Вопросы аграрных отношений в условиях независимого Таджикистана, начиная с 90-х годов XX века, в основном были исследованы и освещены в экономическом аспекте.

Проблемам земельно-водной реформы и в целом перехода аграрного сектора на рыночные отношения особое внимание уделяет Президент РТ Э. Рахмон [20]. Анализируя степень изученности, важно отметить труды ученых, в которых были отражены процессы трансформации аграрного сектора в контексте оценки экономической ситуации. Экономические реформы аграрного сектора в основном были изучены в трудах ведущих отечественных исследователей экономической науки академика Н. К. Каюмова и доктора экономических наук Х.У. Умарова [15]. Различные аспекты экономической реформы в Таджикистане конца XX - начала XXI вв. были отражены в исследованиях ученых-экономистов академиков Р.К. Рахимова, Т.Н. Назарова, докторов экономических наук С.Д. Комилова, С.Х. Хабибова, П. Н. Нурмамадова, Д.У. Урокова, Ф.Н. Факирова [19] и др.

Экономическим аспектам аграрной реформы посвящены труды Ш.Ш. Базарова, И. Шарипова и других [4]. С середины 90-х гг. XX века были опубликованы ряд новаторских и содержательных работ в этой области науки, в которых были освещены первичные результаты аграрных реформ [16]. В них дается достаточно обширная, хотя и не совсем однозначная оценка реформам в аграрном секторе Таджикистана.

Анализ исследований показывает а) о многогранности проблемы; б) противоречивости осуществляемых реформ и в) необходимости новых подходов перехода к рыночной экономике.

В исторических трудах, вопросы аграрных преобразований в целом, земельной и водной реформ в суверенном Таджикистане в частности, освещены в трудах профессоров Р.А. Абулхаева [2,], Н.Б. Хотамова [26], доктора исторических наук Ф.М. Абдурашитова [1] и доцента А.М. Гафурова [9].

В сборнике статей доктора исторических наук, профессора Р. Абулхаева «Вопросы новейшей истории Таджикистана», ученый, анализируя социально-экономическое положение некоторых районов Зеравшанской долины, особое внимание уделяет вопросам рационального использования земельно-водных ресурсов долины в условиях суверенитета и справедливо отмечает, что «...земельные и водные ресурсы Зеравшана должны служить решению продовольственной безопасности страны». В монографии

доктора исторических наук, профессора Н. Хотамова «Социально-экономические преобразования Республики Таджикистан в период суверенитета (1991-2006 гг.)» освещается история преобразований в отрасли промышленности и агропромышленного комплекса, транспорта и дорожного строительства, связи. В ней в историческом аспекте анализируются внутренняя и внешняя торговля, налоги и налоговая система, иностранные инвестиции, банковская и кредитная система, в том числе фьючерские контракты, социальное положение и внешняя трудовая миграция населения, начиная с 90-х годов XX в. до 2006 года. В монографии, при освещении процессов реформ аграрного сектора, автор, впервые вводит в научный оборот многочисленные фактические материалы по реорганизации сельскохозяйственных предприятий, динамике уменьшения количества колхозов и совхозов, созданию дехканских (фермерских) хозяйств.

Различные аспекты аграрных преобразований в Таджикистане освещены в научных трудах И.А. Асророва, Х.Г. Гафурова, Т.Б. Ганиева, Х.М. Саидмурадова [8] и других исследователей. Немаловажное значение имеют научные выводы и оценки Х.У. Умарова, З.С. Зарифовой, Р.К. Рахимова, А.С. Эшонкулова, А. Рауфи, А.А. Мадаминова, Дж. Пириева [23], касательно экономической эффективности или неэффективности аграрных преобразований в Таджикистане.

Первичные сведения по земельной реформе, реорганизации сельскохозяйственных предприятий, деятельности дехканских (фермерских) хозяйств Таджикистана в конце XX – начале XXI вв. в общих чертах, имеются в коллективном труде ученых Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан [13].

В целом, более полный анализ аграрной реформы, проводимой Правительством Таджикистана в конце XX в. изложен в книге Дж. С. Тагаева [22]. В ней характеризуются основные черты, специфические особенности и оценки аграрной политики Таджикистана в период трансформации. Автором определены место и роль государства в реализации аграрной политики в Республике Таджикистан, формы хозяйствования в аграрном секторе, дается оценка роли дехканских хозяйств в развитии аграрной экономики переходного периода. Проблемы становления и перспективы развития дехканских (фермерских) хозяйств до 2000 годов раскрыты в работе К.К. Давлатова [11]. Важно отметить также исследование Р.Т. Джаббарова [12], посвященного основным направлениям налоговой политики и налогового регулирования в Таджикистане.

Таким образом, вопросы земельно-водной реформы Советского Таджикистана исследованы достаточно широко. Что касается исторического аспекта проблемы реформ аграрного сектора республики в условиях суверенитета, то до сих пор в историографии Таджикистана этот вопрос в историческом аспекте комплексно не исследован, и остается малоизученным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Абдурашитов Ф.М. *Земельно-водная реформа в Таджикистане в конце XX - начала XXI вв. (Историко-правовые аспекты)*. – Душанбе, 2015.- 142с.
2. Абулхаев Р.А. *Вопросы новейшей истории Таджикистана. 1-ая кн., Душанбе, 2015, - 213с. и 2 кн. Душанбе, 2016, -190с. Его же: Из истории трудовых мигрантов в Таджикистане в конце XX - начале XXI вв. – Душанбе, 2015. - 360с.*
3. Абулхаев Р. А. *Упрочение Советской власти в районах верховьев Зерафшана. Душанбе, 1972; Он же. Вклад трудящихся советских республик в водохозяйственное строительство и освоение новых земель в Таджикистане (30-е-первая половина 80-х годов XX века). Душанбе, 2006; Каримов Т. Р. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане (апрель 1917-1918гг.). Сталинабад, 1957; Он же Великая Октябрьская социалистическая революция и решение аграрного вопроса в Таджикистане. Душанбе; Хайдаров Г. Х. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане (1917-1923 гг.). – Душанбе, 1966; Он же. История таджикского народа. XX век. – Худжанд, 2006.*
4. *Актуальные проблемы становления и развития предпринимательства в Таджикистане. //Коллектив авторов под общей редакцией д.э.н. профессора Джурабаева Г. – Душанбе: Ирфон, 2003. -94с; Асроров И., Шарипов З. Рыночная экономика и ее модели. – Куляб: Сада, 2002. -51с.; Базаров Ш.Ш. Экономические основы организации технического агросервиса. – Душанбе: ТАСФЕГО, 2000. -195 с.*
5. Антоненко Б. А. *Аграрные преобразования в доколхозном таджикском кишлаке. – Душанбе: Дониш, 1987; Октябрьская революция и борьба за разрешение аграрного вопроса в Таджикистане в 1917 – 1927 гг. // Сб. стат., посвящ. 40-летию Великого Октября. – Сталинабад, 1957 и др.*
6. Антоненко Б. А. *Аграрные преобразования в доколхозном таджикском кишлаке, Дониш, Душанбе-1987. С. 292.*

7. Антоненко Б. А. *Аграрные преобразования в доколхозном...* – Душанбе: Дониш, 1987, с. 204.
8. Ганиев Т.Б. *Аграрная реформа и устойчивое развитие сельского хозяйства Таджикистана*. М.; Диалог-МГУ, 1997. -116 с.; Ашуров И.С., Ганиев Т.Е., Орипова С.У., Джалилова Р.Р. *Рекомендации по реорганизации сельскохозяйственных предприятий в Республики Таджикистан*. – Душанбе: Диловар, -ДДМТ, 1998. -186 с; Саидмурадов Х.М. *Аграрный строй Таджикистана. (Колониальный период)* //АН Респ. Таджикистан. СОПС. – Душанбе: Дониш, 1996. - 89с.
9. Гафуров А.М. *Ревкомы Таджикистана (1917-1923)*. – Душанбе, 2008. -175с. *Его же: Спаситель нации*. – Душанбе, 2012. - 213с.
10. Давлатов К.К. *Дехканские (фермерские) хозяйства: проблемы становления и перспективы развития*. Душанбе: Ирфон, 2003. -150 с.
11. Джаббаров Р.Т. *Направления налогового регулирования в Таджикистане*. – Душанбе: Конуният, 2002. - 156 с.
12. *История таджикского народа Т.6*. – Душанбе, 2011. - 687с.
13. *История Таджикского народа*. Т.3, кн. 2, Москва: Наука, 1965; *Очерки истории колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965 гг.)*. - Душанбе: Дониш, 1968; *Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана*. Изд. 3-е, т.2. – Душанбе: Ирфон, 1984; *Очерки истории народного хозяйства Таджикистана*. – Душанбе: Дониш, 1967; *Из истории колхозного строительства в Таджикской ССР*.
14. Гимпелевич Р. С. *К вопросу о содержании земельно-водной реформы в Таджикистане* // Уч. зап. ТГУ им. В. И. Ленина. Тр. Юрфака. Т. 20. Вып. 9. Сталинабад, 1958. С. 70-71.
15. *История таджикского народа Т.5*. – Душанбе, 2011,- 687с.
16. Каюмов Н. К., Умаров Х.У. *Глобализация экономики и внешнеэкономические связи Таджикистана*. Душанбе.; Деваитич. 2005. С. 192 .. Каюмов Н. К. *Приоритеты и меры по стимулированию экономического развития Республики Таджикистан в переходный период*. //Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2001. №3. -195с.
17. Мадаминов А.А. *Использование маркетинга в аграрном секторе* // Труды экономического факультета Таджикского сельхозинститута. Душанбе,1994. с. 28-34; *Он же. Стратегия устойчивого развития сельского хозяйства* // Душанбе, Кишоварз, ТАУ, 2001. № 1. с. 83-87; *Он же. Предпринимательство основа устойчивого развития сельского хозяйства* // Вестник аграрной науки Узбекистана. Ташкент, 2003. № 3 (13) С. 115-117; Ганиев Т.Б. *Пути устойчивого развития аграрного производства Таджикистана*. Душанбе.1995,-115 с.;
18. Масов Р. М. *Изучение истории социалистического и коммунистического строительства в Таджикской ССР* //История СССР. 1974. № 5. С. 71-88;. Касымов Ф. Х. *Минувший капитализм. Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму*. М, 1980; Масов Р. М. *Историография социалистической реконструкции сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965гг.)*. Душанбе, 1974; *Он же. Историография Советского Таджикистана*. Душанбе, 1978; Антоненко Б. А., Искандаров Б. И. *Развитие исторической науки в Советском Таджикистане*. //Вопросы истории. 1974. № 4. С. 3-19;
19. Мизарбаев А. Я. *Таджикский народ в борьбе за восстановление и реконструкцию народного хозяйства (1924-1970 гг.)*. Душанбе, 1962 С. 56.
20. Рахимов Р.К. *Экономический рост: проблемы и механизмы решения*. // Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2004; Назаров Т. «*Экономическая реформа, сотрудничество и безопасность*» (Душанбе, 2013); Комилов С.Д. *Инновационное развитие и совершенствование антикризисного управления предприятиями (в соавт.на тадж. яз.)*. - Душанбе, 2011
21. Рахмонов Э.Ш. *Таджикистан по пути демократии и цивилизованного общества*. Душанбе.; Ирфон, 1996.-230 с.; *Его же: Десять лет на пути независимости. Экономики Таджикистана: стратегии развития*, 2001, № 4, -с. 12; *Его же :Рахмонов Э.Ш. Задействовать весь потенциал предпринимательства. Доклад на встрече с предпринимателями страны. «Народная газета» 23 июля 2003г., № 57-58 (19352)*
22. Саидмурадов Х. М. *Построение фундамента социалистической экономики в сельском хозяйстве Таджикистана*. Душанбе, 1965; *Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикской ССР*. Душанбе, 1967; Масов Р. М. *Историография социалистического сельского хозяйства в Таджикистане (1927-1967 гг.)*; *Его же. Историография Советского Таджикистана (1917-1975 гг.)*; Рахимов А. *Мелиорация и урожайность*. Душанбе, 1977; Саидмуродов Х. М. *Современное состояние и перспективы развития Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса*. Душанбе, 1980 (на тадж. яз.); *История культурного*

- строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). Душанбе, 1983. Т.2; Социально-экономический расцвет Советского Таджикистана. Душанбе, 1984; Мухтаров С. Общественно-производственная деятельность колхозного крестьянства Таджикистана в 191-1980 гг. Душанбе, 1989; Касимов А., Хамроев М. Развитие и орошение земель Советского Таджикистана. Душанбе, 1985; Абулхаев Р. А. Развитие ирригации и освоение новых земель в Таджикистане. Душанбе, 1988; Его же. Исторический опыт ирригационного строительства и освоение новых земель в Таджикистане (1961-1985 гг.). Душанбе, 1991.
23. Тагаев Дж.С. Аграрная политика Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 2001,- 311 с.
 24. Умаров Х.У., Зарифова З.С., Денежно-кредитные проблемы развития национальной экономики. Изд. . «Ирфон» Минкультуры Республики Таджикистан, г. Душанбе, 2005. -120с; Рахимов Р.К. Некоторые вопросы инвестирования экономического роста //Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2003. №1.- 186 с.; Его же, Экономический рост: проблемы и механизмы решения. // Экономика Таджикистана: стратегия развития. 2004. 186 с.; Пириев Дж. Региональные проблемы сельскохозяйственного развития Таджикистана. М: Макс-Пресс, 2004.- 56с; Мадаминов А.А. Некоторые проблемы устойчивого развития аграрного сектора . // Кишоварз. 2003, №4. - 80 с; Рауфи А. Государственная экономическая политика в переходном периоде. Известия Академии наук Республики Таджикистан, серия: экономика. 2005. -№3-4; Эшонкулов А.С. Активизация инвестиционной деятельности и экономический рост. Экономика Таджикистана: стратегия развития 2006. №2.-С.105-109.
 25. Усманов Р. Компартия Таджикистана и совхозное строительство. Душанбе, 1967 (на тадж. языке); Иркаев М. И., Сафаров П. Роль Коммунистической партии в превращении дехкан в активных строителей социализма. Душанбе, Ирфон. 1968; Хамроев М. Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане (1924-1938 гг.). Душанбе, 1972; Иванов Ф. Н. Из опыта работы Компартии Таджикистана по организационно-хозяйственному укреплению колхозов (1946 – 1966 гг.), Душанбе, 1974; Миронов Н. И. Борьба Компартии Таджикистана за мелиорацию и механизацию в хлопководстве (1945-1965 гг.) Душанбе, 1975; Хамроев М. Развитие ирригации Советского Таджикистана в период упрочения социализма. Душанбе, 1975; Миронов Н., Хамроев М. Осуществление ленинских идей об орошении в Таджикистане. Душанбе, 1970 (на тадж. языке); Ахмедов Х. КПСС в борьбе за интенсификацию хлопководства. Душанбе, 1976; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. (1938-1983). Душанбе, 1984. Т. 2; Гадоев А. Союз и дружба в делах. О деятельности Коммунистической партии Таджикистана по дальнейшему укреплению союза рабочего класса с колхозным крестьянством в ходе осуществления аграрной политики КПСС (1959-1975 гг.). Душанбе, 1990 и др.
 26. Хамроев М. Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане (1924-1938 гг.). Душанбе, 1972;
 27. Хотамов Н.Б. Социально-экономические преобразования Республики Таджикистан в период суверенитета (1991-2006гг). Душанбе, 2006г., -270с.

Д. Л. ИВАНОВ – ХУДОНАЗАРОВ Давлат,
ПЕРВЫЙ РУССКИЙ член Союза кинематографистов
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМИРА Российской Федерации (Россия, Москва)

Д. Л. ИВАНОВ – ХУДОНАЗАРОВ Давлат,
АВВАЛИН ОЛИМИ РУСИ узви Иттифоқи синамогарони
МУҲАҚҚИКИ ПОМИР Федератсияи Русия (Русия, Москва)

D.L. IVANOV - THE FIRST KHUDONAZAROV Davlat,
RUSSIAN EXPLORER member of the Union of Cinematographers
OF THE PAMIRS of the Russian Federation (Moscow, Russia)
E-MAIL: davlatkh@yandex.ru

Ключевые слова: Россия, Таджикистан, Памир, экспедиция, Сарез, Сардым, рисунки, исследование, Бухара, афганцы, война.

Горный инженер Д. Л. Иванов (1846 - 1924 гг.) был первым русским исследователем, кто в 1883 году вошел в контакт с местным населением верховьев рек Гунт и Мургаб, собрал и опубликовал лингвистические и фольклорные образцы Шугнана. Это послужило основой для будущего изучения российскими учеными памирских языков.

Калидвожаҳо: Русия, Тоҷикистон, Помир, эъзомия, Сарез, Сардим, мусаввараҳо, таҳқиқот, Бухоро, афгонҳо, ҷанг.

Муҳандиси кӯҳӣ Д. Л. Иванов (солҳои 1846 - 1924) аввалин муҳаққиқи рус буд, ки бо мардуми таҳҷоии болооби дарёҳои Гунд ва Мурғоб шинос шуда, маводи забониносии ва фольклори Шугнонро ҷамъоварӣ намудааст. Ин таҳқиқот асоси омӯзиши минбаъдаи забонҳои помирӣ аз тарафи муҳаққиқони рус гардид.

Key words: Russia, Tajikistan, Pamir, expedition, Sarez, Sardim, drawings, research, Bukhara, Afghans, war.

The mining engineer D.L. Ivanov (1846–1924) was the first Russian explorer who in 1883 was in contact with the local population of the upper reaches of the Gunt and Murghab rivers, collected and published linguistic and folklore samples of Shugnan. It became the base for future research the Pamirian languages by Russian scholars.

В 1895 году академик К.Г. Залеман¹ издал «Шугнанский словарь Д.Л.Иванова», который стал первым «кирпичом» в фундаменте дальнейшего изучения шугнанского языка и других припамирских языков российскими исследователями. Его автор Дмитрий Львович Иванов (1846 - 1924 гг.) был выдающимся горным инженером, который первым в 1883 году собрал лингвистические и фольклорные образцы Шугнана.

Дмитрий Львович родился в 1846 году в Нижнем Новгороде в дворянской семье подполковника, учился в Московском университете, но на втором году учебы, в 1866 году, был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Он и еще 33 обвиняемых были привлечены к суду после покушения Дмитрия Каракозова на жизнь императора Александра II [6,144].

Сам Иванов был обвинен в недонесении о существовании революционного общества и был приговорен к лишению прав состояния и ссылке в Сибирь, замененной по указу Александра II военной службой рядовым [5, 25].

Несколько лет он провел в Туркестане, где отважно участвовал в военных действиях, дослужился до прапорщика, за личную храбрость был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Смог вернуться в Петербург лишь через 8 лет после осуждения, где окончил Горный институт в 1878 г. и сразу же вернулся в Туркестан. Там он служил чиновником особых поручений при туркестанском генерал-

¹ Карл Германович Залеман (1849-1916) – русский филолог-иранист, академик Петербургской Академии наук (1895), директор Азиатского музея АН (с 1890 г.)

губернаторе (1879-1882), в 1880 г. участвовал в экспедиции И.В. Мушкетова² на Зеравшанский ледник. За эти исследования Иванов был награжден малым серебряной и золотой медалями РГО. В 1885г. он проводил исследования на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, в 1888 г. возглавил Южно-Уссурийскую экспедицию. В 1899 г. был назначен начальником Иркутского горного управления, в ведении которого находилась вся Восточная Сибирь. С 1905 г. Иванов – директор Кавказских минеральных вод, там он впервые организовал геологические и гидрогеологические исследования, при нем была построена сейсмическая станция, налажены метеорологические наблюдения, благоустраивались бюветы и лечебницы. Дмитрий Львович был честен во всем, не брал взятки и не позволял это делать другим. Его активные административные действия и отсутствие какой-либо коррупции привели к серьезному конфликту с царским наместником на Кавказе. В 1907 г. Иванов вынужденно подал в отставку, но продолжал экспертную деятельность в различных комиссиях. С 1919 г. он заведовал научным архивом Геологического комитета в Ленинграде. Автор многочисленных публикаций Дмитрий Львович проявил себя как беллетрист и прекрасный рисовальщик. Часть его рисунков воспроизведена в трудах И. В. Мушкетова «Туркестан» и «Физическая геология» [7].

Летом 1883 года войска эмира Афганистана Абдурахман-хана³, подстрекаемые англичанами, захватили независимые припамирские владения Шугнан, Рушан и Вахан. Господство афганцев продолжалось более десяти лет, в результате чего население Памира сократилось втрое: часть его погибла, часть нашла убежище в Фергане, китайском Туркестане и Северной Индии.

Стремление таджиков припамирских владений оказаться под защитой российского императора реализовалась спустя 22 года. И то, что Россия в начале 1905 года взяла их под свое крыло, стало безусловной заслугой многих офицеров, побывавших на Памире или прослуживших там. Одними из первых свидетелей афганского нашествия стали капитан Генерального штаба Дмитрий Путята⁴, возглавивший в 1883 г. первую официально заявленную российскую экспедицию для военно-географического изучения Памира, горный инженер Д.Л. Иванов и топограф Н.А. Бендерский,⁵ которые вошли в состав данного отряда.

По истечению второго месяца экспедиции у капитана Путяты закончились припасы и в ближайший шугнанский кишлак Сардым были посланы два участника вспомогательной группы из местных жителей Туркестана, которых в отряде называли «джигитами». Они должны были выдать себя за торговцев, обменять товары (ситцы, бусы, халаты и т. п.) на провиант и возвратиться. Однако вымышленные "купцы" недооценили местных жителей - таджиков Сардыма, которые быстро расшифровали их как «русских». Горцы рассказали «купцам» об афганцах, о хане, сообщили, что хлеба в эту пору во всем Шугнани не найдешь ни за какие деньги. «Джигиты» купили пару барашков, несколько чашек сушеной ягоды шелковицы и вернулись назад.

Д. Путята попросил Иванова отправиться в Сардым за провизией, и тот, во время пути зафиксировал интересные сведения о данном регионе: «...теперь здешние населения представляют ничтожный остаток от прежнего. Когда-то здесь стоял целый город с значительным числом домов - 6,660, имевший особого управителя. Этот-то город и назывался "Гунт" ("г" выговор с придыханием, как малорусское). Тогда все мореные склоны были обработаны, разбиты на правильные террасы, орошены каналами. Тут кипела жизнь. Остатки чувствуются всюду и теперь. Можно заметить ясные горизонты основных каналов, многочисленные площадки полей, снесенные в груды с них крупные камни, остатки крепости, оригинальную караулку... В настоящую же минуту весь поселок этих мест (уже называющийся Сардым) состоял из 6 домов, по три на каждой стороне долины, и в них вряд ли было больше десятка мужиков» [3,617].

Скорее всего, речь шла не о городе Гунт, а о горной долине под этим названием, ибо при всем желании 6600 домов трудно было бы поместить в ограниченном, зажатыми горами месте. Однако, возможно, существовало и большое село под аналогичным названием, жители которого были разорены и покинули свои дома.

Перед селением Сардым Иванова встретили несколько горцев во главе с Мирзой, с которым сразу же сложились хорошие, доверительные отношения: «Мирза оказался действительно весьма симпатичным и образованным человеком... был умница и очень добродушный человек. Вести с ним дело было бы приятно где угодно, а здесь, среди наивнейшего горского населения, он был просто

² Иван Васильевич Мушкетов (1850-1902) - русский учёный, геолог и географ, путешественник, исследователь Средней Азии.

³ Абдурахман-хан (1844-1901) - эмир Афганистана (с 1880 г.) жил в изгнании в Самарканде в 1870-1879 гг.

⁴ Дмитрий Васильевич Путята (1855-1915) - генерал-лейтенант, военный агент в Китае (1886-1892), заведующий Азиатской частью Главного штаба (1898-1902), военный губернатор Амурской области (1902-1906).

⁵ Бендерский Николай Александрович (1845-1908) - топограф, начальник съёмочного отделения Туркестанского военно-топографического отдела (с 1899 г.).

находкой» [3,630].

Вскоре Иванов подготовил короткое письмо афганскому беку, правителю Шугнана, о разрешении проехать в Дарваз (хотя бы в сопровождении конвоя из афганцев) и достать провиант, подковы, которое Мирза перевел на таджикский язык. Переводчика же Атабая он послал с письмом к владельцу, но был огорчен, что остался без толмача, поскольку его собственные знания тюркского языка были скудны и годились лишь для обыденного разговора. Теперь, когда он оказался так близок к жизни горцев-таджиков, возможности его общения с населением оказались серьезно затруднены: «...Теперь, имея сравнительный досуг, я запутывался в сложные политические обстоятельства, попадал как бы под арест, без языка и возможности приглядеться к мелочам народного быта» [3,634].

В ответном письме, которое Иванов получил 10 дней спустя, бек вежливо посоветовал ему возвратиться обратно, [3,57] но до Иванова уже дошли слухи, будто афганцы подготовили засаду русским, а горцы-таджики из нижерасположенных кишлаков вооружаются, чтобы русских защитить. В такой ситуации Иванов решил вернуться на Памир, чтобы не провоцировать афганцев и не осложнять положение экспедиции.

На другое утро привезли от бека груз (два пуда муки, фунтов 30 рису), а жители по приказанию бека доставили пять барашков, несколько чашек масла и в кожаном мешке кислое молоко. Иванов щедро расплатился с жителями, к их большой радости. Ему было очень жаль уходить из Шугнана, хотелось исследовать эту малоизвестную и оригинальную страну, но обстоятельства вынуждали покинуть порог этого заветного для него уголка.

По пути на Тукуз-Булак он обратил внимание на следы недавней культуры, на ряд заброшенных и недавних поселений, расположенных вдоль реки. В Ак-Тайлаке были ясно видны остатки домов, фундамент кургана, следы оросительных арыков. Причину этого разорения Иванов видел в жестокости правителей и в многолетних мелких войнах, как междоусобных между таджиками разных частей Шугнана, так и вызванных набегами киргизов. Выше по реке встретились горячие источники «горячие ключи», которые когда-то славились своей целебной силой с мазаром, местом ночлега для проезжающих. Теперь от всего этого остались едва заметные, жалкие следы. Только ключи, по-прежнему горячие, били по-старому... Но все вокруг них было затянуто тиной, никто уже не приходил к ним лечиться... Не было мира, прочного мира, на границе "высокой крыши".

Вечером второго дня их догнал афганец, привезший письмо от бека, которому было поручено проводить Иванова. Подъем шугнанцы называли «сарад» в отличие от таджикского слова «сархад», означавшего границу, горцы под этим словом подразумевали переход природный – от их глубоких, зажатых высоченными горами ущелий на некое высокое степное плато «Помер», совершенно нелюдимое, где тяжкие природные условия не позволяют жить человеку.

Караван поднялся на перевал Куитезак, где Иванов обратился к сопровождавшим его людям: «Здесь, на этом перевале, кончается граница Шугнана, далее идет божий Памир. Хозяин на нем тот, кто пришел раньше. Я пришел сюда первый, и этот Памир мой. Как вы мне не позволили пройти через шугнанские владения, так и я запрещаю вам ехать далее. Вы должны возвратиться. Владелец Памира – я» [3,73]. Затем Иванов по просьбе афганца дал ему записку для бека, подтверждающую, что его проводили до границы Памира.

Два дня спустя ему на пути встретились Миразиз, один из переводчиков Путятты, с погонщиком, от которых он узнал, что группу русских в Вахане постигла неудача: отряд оказался обессиленным, лошади подбиты, большинство из них без подков, хлеба никакого, продовольствие поддерживается охотой. Путятта направил Миразиза с погонщиком в Сарез для покупки хлеба. Иванов же, помня, как Миразиз в Сардыме выдавал себя за «кашгарского купца», решил отправить его обратно, передав ему письмо для Путятты. Сам же, не теряя времени, свернул на дорогу в сторону кишлака Сарез, куда предстоял как минимум девятидневный тяжелый путь.

Иванов и его люди от истоков реки Мургаб ехали верхом, затем чаще шли пешком и, наконец, проделав 100 км пути, оказались недалеко от таджикского кишлака Сарез, маленького и никому неизвестного поселения, который 28 лет спустя в 1911 году станет жертвой девятибалльного землетрясения. Завал горы перекроет русло реки Мургаб и селение окажется под водой, так же как и половина пути, проделанного Ивановым. Но тогда в 1883 году Иванов, усталый, изможденный долгой и очень трудной дорогой, приблизился к кишлаку и увидел, что навстречу ему идут люди. Это была первая встреча жителей Бартанга, самого труднодоступного памирского ущелья, с русским человеком.

Дмитрий Львович выразительно описал свою встречу с жителями кишлака: «Вскоре из селения к тополям двинулась партия горцев человек в двадцать пять. Впереди шли старики, настоящие «белобородые» (аксакалы), в новых светлых суконных чапанах и с чистыми салля на головах. По бокам двигались огромные деревянные чашки. Депутация шла не торопясь, сохраняя восточную

напыщенность. На лугу разостлали в два ряда войлоки: один для меня, другой для депутации. Встреча вышла вполне радушная.

- Вы не поверите, как мы рады вашему приезду, - заговорил старшина. - Такого гостя мы никогда не думали видеть в Сарезе.

Я ответил подходящей приветственной фразой. Мы уселись. Против меня выставили несколько плоских чашек с диаметром около аршина. В каждой из них было местное, чисто горское кушанье. Из наиболее характерных укажу на тонкие (в 2 мм.) во всё чашку лепешки, легко скатывающиеся в трубку; такие же большие лепешки, но пышные, напоминающие наш деревенский «сочень», с подливой из масла и сметаны; густую крупную лапшу из тонких четырёхугольных кусочков с такой же подливой; понятно, что без простокваши не могло обойтись ни одно угощение.

- Теперь, когда вы приехали к нам, мы считаем уже себя русскими подданными, - продолжали старики свою скорую политику, - теперь уже мы не боимся афганов! Дайте нам только от себя записку, чтобы никто не смел нас трогать.

Я никак не ожидал такого решительного оборота от светских деликатностей прямо к подданству и, признаюсь, весьма стеснялся присутствием такой массы народа, перед которой велись подобные откровенные речи. Быть дипломатом с простым народом вещь самая тяжёлая, а мне казалось, что положение моё теперь исключительно дипломатическое.

- Любезные друзья мои! - повёл я свою дипломатию, - Я должен благодарить вас за радушный приём и, надеюсь, сумею отплатить вам своим расположением. Но ехал я сюда простым учёным, который интересуется камнями, горами, реками и ледниками: не моё дело вмешиваться в жизнь населения.

- Мы это понимаем, - ответили мне, - у вас так много своего дела! Но мы просим вас, сами просим взять нас под покровительство России.

- Вы живёте здесь вдаль от большой жизни, - продолжал я, - и знаете, что подобные вещи делаются, не так просто, как вы думаете. Принять вас в подданство никто не может помимо воли самого Белого Царя.

При этом я тонко намекнул, что вести такие разговоры вряд ли удобно им так публично.

- А! Относительно этого мы не боимся, - оживились старики, - у нас предателей нет! Здесь одна семья, с одной душой. Каждый из нас думает одинаково: все, как один, и один, как все. У нас один враг - авган!

Такая искренность сразу позволила мне отказаться от дипломатической тяготы и повести простые речи с этим простым народом. Я делался только советчиком их, разъяснителем неизвестных им порядков. Я указал, каким путём они могут действовать: через русское начальство (ферганского губернатора), хотя не скрыл, что их изолированное положение в горах, отделённых от Ферганы Алаем и Памиром, ставит большие трудности в смысле осуществления их желаний о подданстве России» [3, 84-85].

Позже, через 10 лет после встречи Иванова с жителями Сареза, полковник М.Е.Ионов⁶, оказавшийся в этом же Бартангском ущелье, встретился с местным населением, услышал те же жалобы на афганцев и испытал то же чувство неловкости. Он, начальник памирских походов, был готов освободить их немедленно своей малой военной силой, однако ему в Петербурге в категорической форме приказали не ввязываться в военное столкновение с афганцами. Ему ничего не оставалось, как обещать жителям Бартанга, что он сделает все зависящее от него, чтобы освободить их от афганского гнета [2,223-236]. Свое обещание полковник Ионов выполнил год спустя: афганцы были изгнаны с правого берега реки Пяндж, но их место вскоре заняли не менее ненавистные чиновники бухарского эмира.

Когда Иванов в 1883 году советовал жителям бартангского села Сарез обратиться к бухарскому эмиру, они ему уже тогда ответили, что им совсем не хочется переходить под его власть: «Ну, а как же афганцы? - спросил я.

- Авган к нам не попадёт, мы его не пустим.

- Нет, он к нам не пройдёт! - уверенно добавил кто-то. После переговоров насчёт моих заказов я пожелал осмотреть Сарез.

- Для вас нет ничего запретного. Вы, как наш начальник, можете видеть всё, - ответил любезно старшина. - Только едва ли найдёте что-нибудь интересное - мы так бедны» [3, 224].

⁶ Ионов Михаил Ефремович (1864-1924) - генерал от инфантерии, участник туркестанских походов, наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Командовал экспедициями русских войск в 1891-1894 годах, освободил Памир от афганских и китайских постов.

По просьбе Иванова ему показали дом одного из зажиточных горцев, который показался ему темным, нагроможденным всякими печурками и перегородками. Когда же он взгляделся, то увидел смысл во всей этой нелепости: «Но когда я просидел с полминуты, привык к темноте и постепенно стал

уяснять себе значение каждой подробности - странное дело! - хата как будто становилась светлее, из-за тесноты выглянула уютность и хозяйственность, высокий потолок с серединой, построенной по индийскому типу, давал простор воздуху. Кругом меня на нарах и на ступеньках очага живописно разместились горцы в их неделанных, свободных позах. Русая голова мальчугана торчала с полатей, другая выглядывала из-за столба, поддерживающего крышу.

Д.Л. Иванов. Сарез.

Простые лица, русые головы, непринужденная болтовня, искреннее, но сдержанное любопытство к моему живописанию, моему платью, моим вопросам почему-то вдруг напомнили мне нашу глухую деревню. Что-то было схожее, давно знакомое, родственное, хотя все детали были другие. Чем дальше я взглядывался во все окружающее, на меня всё крепче веяло миром. Мне казалось, что этот народ возбуждает во мне не одно простое любопытство своей оригинальностью, как интересная новость, а что в нем есть что-то симпатичное, понятное моему чувству, хотя и неуловимое по новости впечатления. Было ли это делом субъективным, случайной волной некоторой излишней сентиментальности, или впечатление меня не обманывало? Моё пребывание среди этого народа было слишком кратко, чтобы можно было твердо ответить на поставленный мною вопрос. Но встретившись вскоре с родственным хозяину горцем Дарвазом, и стараясь проверить себя в этом отношении, я должен был признать, что первые впечатления меня не обманули. И теперь, оглядываясь назад, я думаю также, что припамирские горцы-таджики, действительно, народ, имеющий в своей натуре много глубоко симпатичных свойств, способных невольно расположить к себе с первых же дней знакомства с этим народом» [3, 88-89].

Далее он писал: «...Ночлег я устроил в версте от Сареза, внутри небольшой загородки, которую было обнесено единственное здесь крошечное поле люцерны и единственное абрикосовое дерево. И то и другое представляли забаву — не больше, прихоть любителя: люцерна с этой площадки с каменистой почвой получалась низкая, редкая и снималась только один раз в лето, а урюк не давал плодов и шёл очень туго. Ко мне набралась, конечно, масса народу и облепила забор, как воробьи. К вечеру сделалось довольно свежо, и резкий ветер, от которого нас спасала стенка, донял даже горцев, бывших снаружи: они разбрелись по домам.

При мне остался только один молодой красавец Рахматулла Ляльбек, обладатель прекрасного грудного тенора и замечательный знаток местных песен. Как только взошла луна, он не вытерпел и предложил что-нибудь спеть. Я, конечно, согласился. Он принес свой «сетор» (трехструнная гитара) и оказался большим мастером на этом несложном инструменте с очень длинным грифом.

Пел он прекрасно, выразительно, чему помогал его высокий нежный голос. Аккомпанементом на сеторе он владел в совершенств. Но что меня поразило в его пении - это мотивы песен. Привыкши в Туркестане слышать горловые, натянутые голоса сартов и необыкновенно дикие и однообразные мотивы, я ждал чего-нибудь подобного же и здесь. И вдруг передо мной зазвучал какой-то хорошо мне знакомый романс, точно отрывок из какой-то оперы... Понятно, что это не было ни то, ни другое, но вместе с тем что-то положительно знакомое, понятное, слышанное. Звучный оригинальный язык Шугнана еще более вводил в обман. Точно какая баркарола, народный напев итальянца.

Молодой, полный голос пел без всяких усилий, модулировал свободно, пел с чувством и умением. Песня за песней, мотив за мотивом проходили передо мной, показывая богатство и разнообразие горской народной музыки. Мы все невольно заслушались неутомимого Рахматулло, который чуть не до полуночи распевал свои любимые мотивы» [3, 92].

Дмитрий Львович провел в Сарезе неполные сутки. Маленький немощный кишлак старался помочь ему всеми силами: крохотная водяная мельница готовила муку до его отъезда, кузнец работал всю ночь, чтобы к утру подготовить подковы и половину из заказанных к ним гвоздей. Хлеб для русских пекли чуть ли не во всех очагах, а когда Иванов уезжал, ему несли из разных концов селения горячие лепёшки разных видов и величины. Жители Сареза очень понравились Дмитрию Львовичу, и он снова пожалел, что обстоятельства не позволяют ему ближе и дольше взглядеться «в жизнь этого интересного во всех отношениях народа» [3, 93].

Спустя 135 лет особый интерес вызывают памирские статьи, очерки, путевые заметки и рисунки Д.Л. Иванова⁷. Невольно возникает вопрос: как он мог собрать за такое короткое время такие обширные «полевые» сведения, ведь он пробыл в Сардыме максимум 10 дней в ожидании ответа афганца на свое письмо, а в Сарезе - менее суток. Находился он постоянно в одном кишлаке, в лучшем случае мог совершить поездку в пару других селений, расположенные ниже Сардыма вдоль реки Гунт. К тому же отсутствие толмача сильно ограничило его в изучении и собирании этнографических и исторических сведений о горцах-таджиках. Однако за такое короткое время он увидел в жизни населения этих гор всё главное - как говорится, путь местного человека от рождения до смерти.

Иванов, благодаря своему таланту художника-рисовальщика, хорошей памяти и знанию жизни горцев, запечатлел разные пласты бытия человека на этой изолированной от мира скалистой земле. Еще в 1870 году, будучи вольноопределяющимся в отряде генерал-майора Абрамова, он принял участие в экспедиции к верховьям Зеравшана и озеру Искандер-Куль и впервые увидел таджиков-горцев, проявил интерес к укладу их жизни и зарисовал местные ландшафты.

В свой очерк о Шугнанах он занес информацию о том, что едят памирцы, во что одеваются, чем заняты мужчины, чем женщины, постарался понять характер их жизни и взаимоотношений, отметил даже меру свободы женщин Памира, их отличие от таджичек долины. Иванова интересовало жилище памирцев: тип и структура их дома, его интерьер и экстерьер, роль и место крыши дома в жизни людей; мастерское умение строить дома из камня. Его привлекало расположение полей и то, что надо делать, чтобы легче оросить их водой, приоритет пашен, под которые отводились лучшие участки, а тесные, негодные для возделывания места - для жилья. Иванов высоко оценил рациональное использование пространства, отведенного как людям, так и домашним животным, записал, как строятся селения на кручах, скалах, у края обрывов и т.д.

Иванов представил картину жизни горцев в контексте исторического времени. Важную часть очерка занимают исторические сведения о приходе к власти афганского эмира Абдурахман-хана, о

взаимоотношениях Шугнана и Афганистана. Колоритно выписан образ Юсуф-Али Хана, властолюбивого правителя Шугнана, ставшего жертвой своей алчности и жестокости. Интересны размышления Иванова о том, как сложилось население высокогорья, как оно уберегло древние черты своей культуры в условиях природной изолированности, не смешалось с культурой завоевателей, как это случалось на равнинных просторах Средней Азии. Предки горных таджиков сохранили, передавая из поколения в поколение, пласты и фрагменты традиционной этнической культуры: «Какие бури и грозы, какие потоки крови угнали сюда, в тесные ущелья припамирских стран, то население, которое мы встречаем здесь в настоящее время? Ничего мы не знаем. Но вглядываясь в этих людей, знакомясь с их мировоззрением, характером, бытом, с их культурой, мы встречаем так много своеобразного, глубоко любопытного, наконец, симпатичного...» [2, 326].

Д.Л. Иванов. Горец.

Иванов писал и о внутреннем культурном единстве горцев, изменениях в их традициях, быте и повседневной жизни под влиянием городов, мусульманских центров. Он понял, что по мере спуска от изолированных гор к равнине за века поменялся этнический облик таджиков. Близость к городам меняла равнинных жителей, ведь на уклад разных этнических групп населения наслоились общемусульманские традиции, пришедшие из арабского мира. Он писал: «Уже одно то, что припамирский горец-таджик-ариец, останавливает на себе внимание. В Средней Азии таджиков много, но таких, как шугнанец, очень мало. Знакомые нам туркестанские таджики так давно ассимилировались с другими народностями, приняли столько общих характерных черт культурной мусульманской полосы, что мы не всегда можем выделить их из общей массы, из того общего, хорошо нам знакомого типа, который я условно называю «туркестанским». Туркестанец поглощает в себе одинаково и таджика, и узбека, и персиянина, и киргиза. В центрах культурных оазисов Туркестана мы имеем крайне однообразный, средний тип населения. Здесь все сливается, нивелируется, теряет свои индивидуальные черты, затирает народности,

⁷Список публикаций Д. Л. Иванова по Памиру: Памирские экспедиции 1883 г. // Изв. РГО, 1883. - Т. 19. Вып. 4. - С. 332-340; Экспедиция на Памир // Туркестанские ведомости, 1883; Орографический характер Памира // Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ., 1884. - Том 20, Вып. 3. - С. 252-268; Памирская экспедиция 1883 г. // Восточное обозрение, 1884. - № 96; Путешествие на Памир // Изв. РГО, 1884.- Т. 20. Вып. 5.- С. 209-252; Ivanov D.L. Expédition russe au Pamir // C.R. Soc. Géogr. - Paris. 1884. -N 6.- P. 163-166; Что называть Памиром? // Изв. РГО. 1885.- Т. 21. Вып. 2. - С. 131-145; Памир (Пуп Земли). - Новь, 1885, № 23. - С. 315-340; № 24. - С. 475-500.

язык и вырабатывает ту среднюю господствующую величину, которая называется "сарт". Бесспорно, что на стороне таджика вся сила славной истории Туркестана, который культивирован и спасен только благодаря ему, мирному земледельцу, садоводу и промышленнику. Бесспорно, что и теперь в Туркестане мы встретим такие районы, в которых будет преобладать таджик или узбек; мы разглядим их отличительные свойства, подметим ту или другую особенность. Но, отойдя от них, мы все-таки унесем в своем представлении их общий портрет; так много уже встретится в них неразделимого, сходного, такая тяжелая печать нахожена на них однообразием мусульманства и других жизненных условий.

Не таков горец. Если мы, приняв центром Памир, очертим несколько концентрических окружностей, то довольно легко представим себе приблизительную этнографическую схему Туркестана. Первый центральный круг придется на пустынное степное плато Памира. Далее, широкое и самое богатое пространство будет занято "туркестанцем" или сартом. Внутренняя часть этого пространства будет густо закрашена таджикской краской, но по мере приближения к внешней окружности, сила ее будет постепенно ослабевать, пока не сольется с другим широким тоном огромного внешнего кольца монгольских народностей - киргизов, казаков, туркменов и т. п., создающих царство кочевья.

Таким образом, таджик-горец является как бы припертым к Памирской выси, загнанным до предела, ибо за его беднейшими поселениями уже "нет ничего" - одна "крыша мира". Понятно, что добровольно уйти туда едва ли бы он решился. Он уступил какой-то силе, какой-то злой судьбе, сладить с которой сил не хватало, покориться - душа не вытерпела. Соблюдая эту душу, заветы отцов, все, что принесено им, быть может, из далекой свободной страны, горец и забрался сюда в неприветные, дикие горы, которые своей труднодоступностью обеспечивали ему дорогую для него свободу совести, сохранение его бытового строя. Сюда принес он свою религию, сюда привел не закутанную женщину, здесь стал петь свои душевные песни, продолжал говорить на своеобразном наречии» [3,644-646].

Иванов без труда определил этническое родство двух таджиков, жителя Сардыма и своего джигита Ахуна, горца-«гальча» с верхнего Зеравшана, во многом сходным с здешними, но уже считавшим себя столично-образованным (бывал даже в Ташкенте и имел золотую медаль!) по сравнению «с диким шугнанцем» [3, 628].

В своем очерке он делает акцент на том, как среда, в данном случае высокогорье, оказывает воздействие на весь склад человеческой жизни: «Смелый, выносливый, не знающий роскоши, страстно привязанный к своим горам охотник, суеверный обожатель грандиозной природы высоких гор, искренний поэт, горец, прежде всего, дышит независимостью, уверенностью в самом себе; он чересчур ревнив ко всему своему, родному, нажитому в уединенных, диких, но прелестных и дорогих горах... Но не надо забывать, что мы говорим о горце-таджике, принесшем к Памиру прочную культуру земледельца, что коренным образом отличает его от горного киргиза-кочевника. Основную черту натуры горского таджика составляет необыкновенная любовь к оседлости, к земле, к хозяйству, к семье. Добрый семьянин, мирный пастух и земледелец, он в своих мелких горных гнездах является невольным хранителем патриархальных традиций и обычаев» [3, 648-650].

Именно Иванов первым использовал термин «памирец», ставший ныне особенно популярным среди трудовых мигрантов в России из Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Ни в 1883 году, ни 80 лет спустя в Шугане, Рушане, Ишкашине никто не называл себя памирцем, да и не могли назвать, ибо все знали, что Памир (Помер) расположен там, на востоке, где их родные ущелья и высоченные горы переходят в длинное, безлюдное, безжизненное плато. У Иванова об этом сказано предельно просто: «Поезжайте в долину Гунта или Шохдары и спросите: Здесь Памир? - Нет, - ответят вам, - здесь Шугнан, а Памир на востоке...» [4, 132].

В один из дней на Памире Дмитрий Львович, усталый после долгого перехода по «Крыше мира», по бесконечной Аличурской степи, лежа у костра, написал в своем дневнике о себе как об «одичавшем памирце» [3, 624]. Таким образом, Иванов был первым, кто назвал себя памирцем. Не случайно, когда он поднялся после Шугнана на перевал, и перед ним открылся хорошо ему знакомое просторное плато, он заявил:

«Я пришел сюда первый, и этот Памир мой...» [3, 624].

Нет сомнения, что в последующие годы высшие должностные лица (прежде всего офицеры или дипломаты), причастные к принятию тех или иных важных решений по Памиру, были знакомы со статьями и отчетами Иванова и Путяты. Одними из первых среди них были военный министр Ванновский⁸ и начальник Главного штаба России генерал Обручев⁹, сторонники освобождения

⁸ Ванновский Пётр Семёнович (1822-1904) - генерал от инфантерии, военный министр (1881-1898), министр народного просвещения (1901-1902), почетный член АН (с 1888 г.).

припамирских ханств от афганцев во время первых походов полковника ИONOBA. Им противостояли высшие должностные лица министерства иностранных дел. Военный министр даже отправил своего 24-летнего сына, штабс-капитана Ванновского¹⁰ по следам ИONOBA, которому летом 1893 года было поручено тяжелейшее задание – произвести рекогносцировку Бартангского ущелья Рушана и сопредельной части Дарваза [2, 134-152].

Хотя Иванов был геологом-естествоиспытателем, членом военной экспедиции, в круг обязанностей которого, безусловно, входили также разведывательные и топографические исследования, однако известным он стал благодаря своему писательскому таланту - своим документальным очеркам, в том числе своим историческим и этнографическим зарисовкам про таджиков Памира. Таким образом, горный инженер Иванов оказался русским исследователем, первым написавшим про повседневную жизнь горцев, их фольклор.

Конечно, это не было предметом его профессиональных исследований – он просто проявил глубокий интерес к человеческому бытию в очень трудных природных условиях. Любознательность ИONOBA определялась его стремлением как можно ближе познать жизнь другого народа. В отличие от многих прошлых и будущих путешественников, российских и европейских, побывавших на Памире, он присматривался к людям другой культуры, отбрасывая барьеры, разделяющие людей. Ему были интересны именно местные люди с их тяжелой судьбой, и он относился к ним дружески, с сочувствием и уважением.

Статьи ИONOBA о Памире около 20 лет были единственными полноценными источниками информации о жителях верховьев реки Пяндж и смогли стать «настоящими» для каждого, кто в последующие годы по служебным делам направлялся на Памир. Д. Л. Иванов был первым русским, соприкоснувшимся с местным населением верховьев рек Гунта и Мургаба. Его встречи с таджиками, их взаимные симпатии друг к другу выявили важность человеческого фактора, который, как мне думается, сыграл важную роль в присоединении Памира к России. Дмитрий Львович Иванов, поистине свершивший подвиг вместе со своими товарищами по экспедиции, сделал все возможное, чтобы привлечь внимание властей и общественности России к бедственному положению горцев-таджиков в верховьях реки Пяндж.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Залеман Г.К. Шугнанский словарь Д.Л.Иванова // *Восточные заметки*. - СПб, 1895. - С. 269-320
2. Лужецкая Н.Л. Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева) // «Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.) // *Письменные памятники Востока*, 2005. № 2(3). - С.134-152.
3. Иванов Д.Л. Шугнан: Афганские очерки // *Вестник Европы*, 1885. -Т. 3.Кн. 6.- С. 617.
4. Иванов Д.Л. Что называть Памиром? // *Изв. РГО*, 1885. Т. 21. Вып. 2. - С. 132.
5. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. - М.Л., 1937. - С.25.
6. Шилов А.А., Корнаухова М.Г. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Том 1, часть 2. - М., 1928; - С. 81, колонки 143-144.
7. <http://rusmin.narod.ru/D09.html>

⁹ Обручев Николай Николаевич (1830-1904) - генерал от инфантерии, начальник Главного штаба (1881-1897). Один из главных деятелей военных реформ вооружённых сил императорской России 60-х годов XIX века, профессор Николаевской Академии Генерального штаба.

¹⁰ Ванновский Сергей Петрович (1869-1914) - генерал-лейтенант, герой Первой мировой войны. С мая 1893 года по январь 1894 года был прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа, принимал участие в Памирских походах полковника ИONOBA, был в перестрелках с афганцами, в июле-октябре 1893 года совершил самостоятельную экспедицию в район реки Бартанга.

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
В СУДЬБЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

**АҲАМИЯТИ ТАЪРИХИИ
ЭЪЛОМИЯИ ИСТИҚЛОЛИЯТИ
ДАВЛАТИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР
ТАҚДИРИ ХАЛҚИ ТОҶИК**

**THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF
THE DECLARATION OF STATE
INDEPENDENCE OF THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN IN THE FATE
OF THE TAJIK PEOPLE**

ШАРИФЗОДА МаҳинаТолиб,
научный сотрудник отдела новейшей
истории Института истории, археологии
и этнографии имени А.Дониша Академии
наук РТ (Таджикистан, Душанбе).

ШАРИФЗОДА Маҳина Толиб,
ходими илмии шуъбаи таърихи навтарини
Институди таърих, бостонишиносӣ ва
мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ ҶТ
(Тоҷикистон, Душанбе).

SHARIFZODA Mahina Tolib
scientific secretary of the Institute of history,
archeology and ethnography named after
A.Donish under the Academy of Sciences of
Tajikistan Republic (Tajikistan, Dushanbe).

Ключевые слова: Таджикистан, конституция, декларация, сессия, государственность, независимость, общество, собственность, Верховный Совет.

В статье анализируется процесс приобретения независимости, принятие Декларации о государственной независимости Республики Таджикистан, необходимые документы, которые официально оформили государственную независимость Республики Таджикистан, изучена историческая значимость 16-ой сессии Верховного Совета Республики Таджикистан.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, конституция, эълomia, иҷлoсия, давлатдорӣ, ҷомеа, созишнома, истиқлолият, қонун, моликият, Шӯрои Олӣ.

Дар мақола раванди ба даст овардани истиқлолият, қабули Эълomiaи истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, санадҳои лoзима, ки истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистонро ба расмият даровардаанд, аҳамияти таърихии Иҷлoсияи 16-уми Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва тағйиру иловаҳо ба конституцияи амалкунанда мавриди таҳлил қарор гирифтанд.

Key words: Tajikistan, Constitution, declaration, session, statehood, peace, society, agreement, legislative, supreme council, political system, independance, droit, propriété.

The article was analyzed in the process of achieving independence, the adoption of the necessary documents that formally formalized the state independence of the Republic of Tajikistan. The article examines the historical significance of the 16th Session of the Supreme Council of the Republic of Tajikistan.

Современная история таджикского народа неразрывно связана с обретением государственной независимости Республикой Таджикистан. Независимость является основой и фундаментом современного состояния таджикской нации, в которой проявляются ее главные национальные идеи и цели народа.

В начале 90-х годов XX века в новейшей истории мира произошли глобальные перемены. Прежде всего, это было обусловлено распадом СССР, одного из могущественных держав на планете и исчезновением из мировой геополитики социалистической системы. Как следствие, фактически во всех республиках СССР начался процесс объявления суверенитетов. Первым шагом на пути к подлинной независимости таджикского народа стала Декларация о суверенитете Таджикской ССР, принятая в самый разгар политических противостояний 24 августа 1990 года на 2-ом заседании Верховного Совета (двенадцатого созыва) Республики Таджикистан.

Один из феноменов обретенного суверенитета таджикского народа в том, что провозглашенная независимость декларировалась еще в составе СССР. Нормы и положения принятой Декларации предусматривали, что Республика Таджикистан могла самостоятельно решать политические, экономические, социальные и культурные вопросы, за исключением тех, которые непосредственно входили в компетенцию СССР. Декларация возлагала на республику обязанность признавать и уважать суверенные права союза ССР и союзных республик, а граждане Таджикистана одновременно являлись гражданами СССР.

Несмотря на это, Декларация 1990 года является первым документом, предвещавшим Таджикистан к достижению подлинной независимости. Данный документ, утвердив независимость Таджикистана, одновременно предусматривал вопросы о правах человека, что является основополагающим началом для дальнейшего построения демократического и правового государства.

Впервые в политической истории страны в Декларации были отражены такие понятия, как законодательная, исполнительная и судебная власть, было объявлено о равноправии всех политических партий, общественных организаций и массовых движений, действующих в рамках Конституции Республики Таджикистан [3, 293].

Однако Декларация, несмотря на требование норм Конституции Советского Союза устанавливающей приоритет союзных законов над законами союзных республик, предоставляла Верховному Совету Республики Таджикистан право приостановления действия актов СССР, противоречивших праву неприкосновенности Республики Таджикистан, а также предусматривала идею о добровольном выходе союзных республик из состава СССР [3, 292].

В течение одного года после принятия Декларации о независимости, Таджикистан, наряду с бывшими советскими республиками вновь обратил внимание на содержание своего суверенитета. Экономический кризис, политические реформы, демократизация и плюрализм не только обусловили активное отношение людей к происходящему, но и ускорили начавшийся процесс глубокого национального самопознания.

Общественно-политическая обстановка менялась стремительно, союзные республики одна за другой стали объявлять свой подлинный суверенитет и самостоятельность. Теперь появилась весомая необходимость внесения изменений и дополнений в Декларацию о независимости от 1990 года.

Нельзя отрицать и тот факт, что неудавшийся путч ГКЧП ускорил процесс суверенизации национальных республик. 19 августа 1991 года «в связи со сложившейся критической ситуацией» в СССР было объявлено чрезвычайное положение сроком на 6 месяцев [2, 8]. 25 августа Президент Таджикской ССР К. Махкамов выступая по республиканскому телевидению, отметил, что «...в стране разворачиваются очень сложные, противоречивые процессы. В считанные часы коренным образом меняется политическая ситуация». Уже 30 августа на сессии Верховного Совета К. Махкамов подал в отставку с поста Президента республики [2, 15-22].

В процессе общих стремлений союзных республик к суверенитету Республика Таджикистан с пониманием необходимости внесения изменений и дополнений в Декларацию 1990 года стала принимать серьезные решения для достижения подлинного суверенитета.

Как отмечалось в заявлении Верховного Совета Республики Таджикистан «О государственном суверенитете Республики Таджикистан», принятом на внеочередной сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (двенадцатого созыва) 9 сентября 1991 года: «...принимая во внимание революционные преобразования в СССР и уважая стремление входящих в него суверенных республик к новым взаимоотношениям, исходя из права народов на самоопределение и сознавая ответственность за судьбу народов, населяющих Таджикистан, стремясь к созданию демократического правового государства, в соответствии с принятой от 24 августа 1990 года Декларации о суверенитете Таджикской ССР, Верховный Совет провозглашает государственную независимость Республики Таджикистан» [4, 208].

После данного заявления Верховный Совет Республики Таджикистан принял специальное Постановление «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» и одобрил текст Декларации о государственной независимости Республики Таджикистан.

Эти документы, прежде всего, выражали серьезное намерение республики к установлению подлинной независимости. Как отмечается в предисловии Декларации 1991 года: «Верховный Совет Республики Таджикистан в качестве органа, выражающего волю народов, населяющих Таджикистан, осознавая историческую ответственность за судьбу народа Таджикистана и государства, учитывая неприкосновенность права каждого народа в определении собственной судьбы, признавая, что свободное и равноправное объединение советских наций в составе обновленного Союза Советских Социалистических Республик, является гарантом их всестороннего развития и ради обеспечения права достойного проживания каждого человека, провозгласив независимость Республики Таджикистан, выразил намерение создать демократическое правовое государство» [3, 291].

Непосредственно, принятие этих исторических документов привело к необходимости усовершенствования Декларации о государственной независимости Республики Таджикистан. Прежде всего, Таджикистан был объявлен суверенным, демократическим и правовым государством, было исключено выражение «помимо вопросов добровольно переданных к полномочиям СССР», что фактически ставило Таджикистан в зависимость от Советского Союза.

Анализируя, историко-правовые аспекты принятой Декларации, важно констатировать, что часть первая 5-й статьи Декларации гласила, что «...на территории Республики Таджикистан устанавливается верховенство Конституции Республики Таджикистан и законов Республики Таджикистан», из нее также были исключены фразы «Верховный Совет Республики Таджикистан приостанавливает действие документов Союзов ССР, противоречащих неприкосновенным правам Республики Таджикистан» и «Разногласия между Республикой Таджикистан и Союзом ССР о законности либо незаконности документов разрешаются в соответствии с установленным порядком», что свидетельствовало о возникновении подлинно самостоятельного таджикского государства [3, 209].

В историческом заявлении есть два важных момента, ясно выражающих твердую решимость Таджикистана на обретение полной независимости страны. Во-первых, стремление суверенных республик к восстановлению отношений взаимного сотрудничества; во-вторых, дополнение понятия «независимость» термином «государственная», имеющее международное значение и ценность. Опора данного заявления именно на такую позицию представила Таджикистан в качестве субъекта международного права [4, 208].

После мирного развода на пространстве СССР параллельно шел процесс экономической суверенизации республик. Признание собственностью Таджикистана предприятий и учреждений, государственных организаций, в том числе предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения, основных средств производства и не производства, обращение фондов и иного имущества, транспорта, энергетики, республиканской картографии и геодезии укрепили комплексный процесс превращения страны в независимое государство.

Требование Таджикистана о самостоятельной добыче, переработке и хранении золота, алмазов и других драгоценных камней и металлов, и самое главное, о его доле в золотовалютном резерве СССР было настоящим и справедливым оправданным требованием, что свидетельствует о факте реализации идеи государственной независимости Таджикистана.

Таким образом, 9 сентября 1991 года на внеочередной сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (двенадцатого созыва) была провозглашена Государственная независимость Республики Таджикистан. В тот же день в Основной закон Республики Таджикистан были внесены соответствующие изменения и дополнения. А поистине историческим и судьбоносным стал 9 сентября 1991 года, когда был объявлен праздничным днем - Днем государственной независимости Таджикистана.

Объявление подлинного суверенитета Таджикистана стало важным событием и главным достижением в новейшей истории таджикского народа. Таджикистан стал независимым, правовым, демократическим государством и самостоятельным международным субъектом.

Исторический феномен Декларации о независимости заключается в том, что она внесла новизну и обозначила новые направления в дальнейшую деятельность государственных структур. В итоге принятого данного судьбоносного документа в Таджикистане начался новый процесс политических, правовых, экономических и социальных реформ, общественных отношений, а также новый современный этап истории независимого Таджикистана. Для молодого таджикского государства началась новая эпоха, как во внешнеполитической, так и во внешнеэкономической сфере.

Как отмечает наш Президент Эмомали Рахмон: «Независимость является величайшим и ценнейшим достижением таджиков в деле построения государства и государственности в XX веке. Независимость - это свидетельство признания мировым сообществом полноправного и суверенного государства таджиков, самостоятельно строящего свою государственную систему, внешнюю и внутреннюю, экономическую и социально-культурную политику» [5, 132].

Без преувеличения государственная независимость народу Таджикистана досталась нелегко. После обретения независимости под влиянием некоторых внутренних и внешних деструктивных сил наша страна была втянута в пучину гражданской войны, которая стала причиной огромных человеческих жертв, неизмеримого экономического, социального и духовного урона, парализовала все институты и основы государственного строя, породила в стране беззаконие и хаос.

Судьба вновь испытывала таджикский народ. Перед старым новым политическим руководством Таджикистана стояла весьма непростая задача - самостоятельно решать свои проблемы, а таджикскому народу предстояло преодолеть более серьезное испытание - сохранить и укрепить это самое дорогое завоевание - независимость [1, 78-79].

Знаменательным и судьбоносным в период гражданского противостояния стала 16-я сессия Верховного Совета Республики Таджикистан, которая состоялась 16 ноября 1992 года во Дворце «Арбоб» города Худжанда. Эта историческая и судьбоносная сессия заложила основу законного Правительства и государственной власти в Таджикистане, которая изменила ход происходящих событий и процессов. На сессии Верховный Совет с большой ответственностью принимал важные и

судьбоносные для таджикского народа решения, тем самым укрепил и восстановил структуры власти и деятельность Правительства.

Спустя чуть более четверть века, 27 летняя история развития государственной независимости Республики Таджикистан свидетельствует о том, что Заявление Верховного Совета Республики Таджикистан «О государственном суверенитете Республики Таджикистан», принятом на внеочередной сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (двенадцатого созыва) 9 сентября 1991 года и решения, принятые на 16 сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, определили дальнейшую судьбу таджикского народа и развитие республики как независимого, демократического и правового государства.

Четверть века для суверенного государства - это небольшой срок для истории. Но это своеобразный этап в новейшей истории Таджикистана и страница нации во Всемирной истории. За этот короткий исторический период у таджикского народа сформировался фактически новый суверенный взгляд на свою историю. А у молодого, несоветского поколения таджиков своя новая психология. Именно благодаря суверенитету наступил кардинальный перелом в общественном сознании народов Таджикистана.

Безусловно, прошедшие события в процессе развития государственной независимости оставили свой след в истории таджикского народа. Эти годы стали трагическим и судьбоносным периодом для выживания Таджикистана, обеспечения мира и безопасности, единства и согласия, а также укрепления основ государственности.

Декларация о государственной независимости Республики Таджикистан сыграла ключевую и решающую роль в судьбе таджикского народа. К счастью, сегодня наше независимое государство активно и заметно развивается и обладает достаточно устойчивой внешней и внутренней политикой, что является гордостью таджикской нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абдурашитов Ф.М. Феномен таджикского суверенитета. – Душанбе, 2017. -147с.*
2. *Назриев Д., Саттаров И., Республика Таджикистан: история независимости. Год 1991-й (хроника событий). – Душанбе, 2002. -336с.*
3. *Основа новейшей государственности. – Москва, 2002. - 414с.*
4. *Признанный миром таджик. – Душанбе, 2011. - 371с.*
5. *Таджикистан - 20. – Душанбе, 2011. - 371с.*

**ИНТЕНСИВНОЕ
ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

ШАРИПОВ Нахтулло Айнуллоевич,
к.и.н., заведующий кафедрой права Таджикского
государственного педагогического университета
им. Садриддина Айни (Таджикистан, Душанбе)

**СОХТМОНИ БОСУРЪАТИ
РОҶ ВА ТАРАҚҚИЁТИ
НАҚЛИЁТ ДАР НИММАИ
ЯКУМИ АСРИ ХХ**

ШАРИПОВ Нахтулло Айнуллоевич,
н.и.т., мудири кафедраи ҳуқуқи Донишгоҳи
давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи
Садриддин Айни (Тоҷикистон, Душанбе)

**INTENSIVE ROAD
CONSTRUCTION
AND DEVELOPMENT OF
TRANSPORT IN THE FIRST
HALF OF THE XX CENTURY**

SHARIPOV Nahtullo Aynulloevich,
candidate of historical sciences, head of the
Department of right of the Tajik State Pedagogical
University Sadriddin Aini (Tajikistan, Dushanbe)

Ключевые слова: Таджикистан, Куляб, строительство дорог, магистраль, транспорт, организация, развитие, хозяйство.

В статье на основе источников и литературы освещаются вопросы улучшения деятельности дорожного хозяйства и строительства новых дорог в Кулябской области в указанный период времени. Автор основное внимание уделяет строительству дорог местного значения и их роли для развития экономики региона. Статья базируется в основном на архивных источниках. Преобразование Таджикистана от автономной в союзную республику обязывало установление и развитие промышленности и сельского хозяйства. Для решения этих неотложных задач строительство путей сообщения стало главным и связующим звеном в их реализации. Причем необходимо было не только строительство железной дороги, но и автомобильных дорог.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, Кӯлоб, сохтмони роҳҳо, шоҳроҳ, нақлиёт, ташиқлот, тараққиёт, хочагӣ.

Дар мақолаи мазкур муаллиф дар асоси сарчашмаҳо ва адабиёти илмӣ масъалаҳои беҳтар намудани вазъи хочагии роҳҳо ва сохтмони роҳҳои навро дар вилояти Кӯлоб мавриди таҳқиқ қарор додааст. Муаллиф диққати асосиро ба сохтмони роҳҳои аҳамияти маҳаллӣ дошта ва нақши онҳо барои тараққиёти иқтисодии минтақа равона намудааст. Мақола дар асоси маводҳои бойгонӣ навишта шудааст. Гузариши аз ҳолати мухторият ба ҷумҳурии шуравӣ, Тоҷикистонро вазифадор менамуд, ки саноат ва хочагии кишелоқи худро тараққӣ намояд. Барои ҳал намудани вазифаҳои таъхирнопазир сохтмони роҳҳо яке аз ҳалқаи асосӣ ва пайваस्तкунанда барои амалӣ намудани онҳо ба ҳисоб мерафт. Дар ин маврид натавонанд сохтмони роҳҳои оҳан балки сохтмони роҳҳои мошингард низ лозим буд.

Key words: Tajikistan, Kulyab, road construction, highway, transport, organization, development, household.

In the article, on the basis of sources and literature, are covered the issues of improving the activity of road facilities and construction of new roads in the Kulyab region in a specified period of time. The author focuses on the construction of urban values; their importance for the development of the regional economy. The paper is mainly based on archival sources. The transformation of Tajikistan from autonomy to a union republic obliged the establishment and development of industry and agriculture. To solve these pressing tasks, the construction of the communication lines has become the main connecting link in their implementation and besides, not only the construction of the railway was necessary, but also roads.

В советское время дорожное строительство на территории Таджикской ССР осуществлялось в несколько этапов. Первый этап интенсивного дорожного строительства начался с момента установления советской власти в Таджикистане и продолжался до 1929 г. Он характеризовался строительством новых грунтовых дорог на основных, наиболее важных направлениях, а также реконструкцией выючных троп для пропуска колесного транспорта. Во второй половине 20-х и в начале 30-х гг. XX века строились только грунтовые колесные дороги без покрытия и зачастую по направлению основных выючных троп. В то время перед молодой, экономически еще не развитой республикой стояли большие и трудные задачи по возрождению и развитию народного хозяйства, в том числе транспорта, дорожного хозяйства и т.д.

Республика получала помощь от РСФСР и других братских республик. В основном помогали квалифицированными кадрами, специалистами разного профиля для всего народного хозяйства, в том числе для сферы дорожного хозяйства и транспорта.

Преобразование республики от автономной к союзной обязывало установлению и развитию промышленности и сельского хозяйства. В решении этих неотложных задач строительство путей сообщения считалось главным и связующим звеном для их реализации. Так же необходимо было не только строительство автомобильной дороги, но и железных дорог.

В тот период грузы в Таджикскую АССР обычно поступали из Термеза по Амударье и по грунтовой дороге из Ферганы в Гарм, а также по направлениям Самарканд – Пенджикент, Гузар – Душанбе, Урсатьевская – Истаравшан (Ура-Тюбе) – Обурдан, Термез – Кабадиан – Джиликуль – Сарай Камар – Файзабад-Кала – Куляб.

Поскольку большинство территории республики составляли горы, то о нормальной или современной дороге не могло быть и речи. Поэтому, одной из первоначальных задач Компартии в данный период было строительство дорог, которые обеспечивали бы эффективное развитие для всех отраслей народного хозяйства в республике.

В ноябре 1925 г. в городе Душанбе состоялся первый расширенный Пленум оргбюро КП (б) Узбекистана в Таджикской АССР, который особо отметил необходимость усиления темпа строительства дорог. К участию в строительстве дорог в основном были привлечены непосредственно заинтересованные торгующие и кооперативные организации, части Красной Армии, трудящиеся и частные лица.

В 1925-1927 гг. была построена дорога Душанбе – Термез–Сарай Камар–Куляб.

С ростом сети автомобильных дорог развивался автомобильный транспорт. В условиях Таджикистана, где свыше 93 процентов территории покрыто горами, автомобильный транспорт играет решающую роль. В 1926 г. в республике было 138 км дорог, годных для проезда автомобилей, 1354 км выючных троп и 201 км колесных дорог [16, 18]. Протяженность государственных автомобильных дорог республики в конце года составила 1337 км, а дорог местного значения – 648 км [9, 2].

Ревкомом Таджикской АССР 13 сентября 1926 г. было принято постановление «Об обследовании почтовых трактов Душанбе – Курган-Тюбе – Джиликуль – Сарай – Куляб». Также усилились работы на дорогах Куляб–Сарай Камар и постановлением Ревкома от 9 июля 1926 г. срок окончания работ был установлен таким образом: Куляб–Сарай – первое апреля; Термез – Кабадиан – Джиликуль – Куляб – первое октября 1926 года [10, 292]. После выполнения этого плана многие тропы были превращены в колесные дороги. В Таджикской АССР дорожно-строительная техника в ограниченном масштабе впервые была применена на строительстве дороги Джиликуль – Сарай Камар – Куляб, протяженностью 240 км [11, 200]. Дорожно-строительные работы велись, главным образом, местными рабочими [3, 36].

Выход к дорогам республиканского значения до Пянджа обеспечивался вновь организованными районами пароходства до Термеза. Проездными путями по направлению Куляб–Сарай-Камара составляли дороги: Бальджуан–Куляб, Кангурт–Куляб, а также часть дороги Джиликуль–Сарай Камар, и местные подъездные дороги Кулябского района от хозяйственных пунктов правобережья Пянджа [13, 512]. Дорога в Куляб через Файзабад также в то время имела стратегическое значение. Дорога Куляб–Файзабад протяженностью 117 верст была включена в план. Путь проходил частично по карнизам до 1 аршина шириной, углы подъёмов достигали 30°.

Постановлением Совета народных комиссаров Таджикской АССР от 20 января 1927 г. отмечалось, что фактически дорожное хозяйство в Таджикистане начало своё развитие с 1927 г., когда вопросы автотранспорта в связи с общим развитием и экономическим ростом Таджикской АССР стали приобретать доминирующее значение [3, 35].

В 1926-1927 гг. впервые был создан ряд благоприятных условий для дальнейшего развития дорожного хозяйства - внедрение в производство проектных изысканий, приобретение техники, создание аппарата. 1 февраля 1927 г. в Таджикской АССР было сформировано дорожно-строительное управление (ДЭУ).

10 февраля 1927 г. в Таджикской АССР было организовано дорожно-строительное управление САЗОМЕСа (Среднеазиатское окружное управление местного транспорта) [2, 122]. Только за первый год работы дорожно-строительного управления, протяженность дорог республики увеличилась более на 50 процентов, которая возросла до 1592 км, в том числе годных в сухое время под автомобильное и колесное движение 504 км, под выючное движение - 1088 км.

План работ на 1926-1927 гг. был утвержден СНК Таджикской АССР 23 марта 1927 г. На дорожное строительство планом предусматривались ассигнования из бюджета НКПС (Народный комиссариат путей сообщения) в сумме 564991 рублей и из бюджета республики – 630 тысяч рублей. Сверх того,

НКПС отпустил 16 тысяч рублей на приобретение новых машин. В первую очередь намечалась к постройке колесно-автомобильная дорога Куляб–Сарай и Душанбе–Куляб. Дорога Куляб–Сарай на всем протяжении обеспечивала грузовым колесным движением в 1-й год и автомобильным – в сухой период времени года [5, 35].

В связи с этим было начато производство работ по приведению дороги Куляб–Сарай Камар в состояние, годное для автомобильного движения, протяженностью 110 верст и грузооборотом линии 280 000 пудов. В то время дорога была необходима для соединения Кулябской области с водной магистралью по Пянджу. Ввиду большого экономического значения Кулябской области в будущем при развитии грузооборота, возможно, потребовалась прокладка узкоколейки от Куляба на Сарай Камар [14, 525].

В 1927-1928 гг. основные средства уже были направлены на строительство дороги Душанбе–Сарай–Пархар–Куляб. Строительство дорог в основном велось примитивными способами. Расчистка полотна, верхнего слоя, профиля, углов поворотов, утрामбовка и все это производилось вручную.

Первые землепашные и грузовые машины в Кулябскую область были привезены в 1928-1929 гг. Первые машины из Душанбе в Куляб прибыли 2-го октября 1928 г.

4 октября 1928 г. грунтовая автомобильная дорога Душанбе–Сарай Камар–Пархар–Куляб полностью была открыта. Это дорога соединяла Душанбе с важнейшими хлопковыми центрами южной части республики. Автомобили проходили эту дорогу в течение трех дней. В этот день в г. Куляб приехала первая однотонная машина марки «Форд» из хлопковой компании города Душанбе с пятью пассажирами, пройдя за 30 часов 400-километровую дорогу по маршруту Душанбе–Курган-Тюбе–Джиликуль–Сарай Камар–Пархар–Гулистон–Куляб. В этом же году была проложена новая дорога до реки Кызыл-Су [17, 17]. 10 октября 1927 г. закончилось строительство дороги Куляб–Сарай Камар протяженностью 125 км [8, 2].

Основное внимание было уделено строительству автомобильной дороги южного кольца республики: Душанбе – Курган-Тюбе – Джиликуль – Калининская МТС – Бауманабад – Пархар – Курбан-Шаит–Куляб–Кызыл-Мазар – Кангурт–Туткаул–Нурек–Янги-Базар–Душанбе с протяженностью 490 км. Эта дорога, пролегавшая через зерновые и хлопковые районы вдоль государственной границы, имела исключительно важное стратегическое и экономическое значение [4, 18].

На строительство дороги Янги-Базар–Куляб было выделено в начале 70 тыс. руб. К строительству Таджикглавдортранс приступил 1-го мая 1929 г. Поэтому работа всё время шла форсированными темпами, ежедневно на стройке было занято в среднем около 2200 человек. Учитывая важность этой трассы, было предложено строительство дороги закончить до 1 декабря 1929 г., а сумма ассигнований была увеличена до 1395 тыс. руб. [5, 68]. 5-го октября 1929 г. завершилось строительство дороги Душанбе–Куляб через Янги-Базар–Туткаул–Кангурт [1, 17]. Уже 5 ноября 1929 г. путь до Куляба был открыт. Таким образом, сошлись северная и южная партии строителей грунтовой автодороги Сталинабад–Куляб, по улучшенной грунтовой дороге первая машина сделала впервые пробный пробег [18, 33].

К концу 1929 г. намечалось закончить строительство дорог Куляб–Курган-Тюбе и Янги-Базар–Куляб–Файзабад–Кала–Джиликуль. Наряду с этим в 1931 г. началось строительство автодороги республиканского значения: Дангара–Курган-Тюбе и Ховалинг–Саргазан [12, 53].

19 февраля 1932 г. СНК Таджикской ССР принял постановление «О плане дорожного строительства на 1932 год», в нём было утверждено по союзному бюджету строительство дороги Янги-Базар (ныне Вахдат)–Куляб и Сталинабад–Курган-Тюбе [5, 77]. Медленными темпами шло строительство дороги Куляб – Янги-Базар.

Во второй пятилетке главное внимание было уделено на строительство автогужевых дорог. В конце 1933 г. началось строительство и реконструкция дороги Душанбе–Курган-Тюбе–Джиликуль–Пяндж–Кировабад–Пархар–Куляб–Дангара–Нурек–Орджоникидзебад [17, 19].

С ростом грузооборота основных действующих хозяйственных магистралей Орджоникидзебад – Нурек–Куляб–Пархар–Бауманабад–Джиликуль–Сталинабад (южное кольцо) также стала необходимость строительства и реконструкции этих дорог. Кроме указанных дорог, в третьей пятилетке была намечена к строительству трасса Курган-Тюбе–Куляб [15, 12].

В январе 1930 г. Народный Комиссариат торговли СССР выделил для Таджикской ССР 20 грузовых автомобилей. В том же году по дороге между Сталинабадом и Янги-Базаром начали работу транспортные средства по перевозке пассажиров [7, с.23].

Согласно третьему пятилетнему плану (1938-1941 гг.) по ремонту и строительству дорог перед трудящимися Таджикистана была поставлена задача, чтобы в короткий срок провести реконструкцию

всей дорожной сети республики. Наряду с этим намечалось строительство дороги Курган–Тюбе–Куляб и др. Так же было предусмотрено сооружение десятков больших и малых мостов.

В конце 30-х годов на дороге Орджоникидзебад–Куляб через реку Иляк был построен новый мост постоянного типа, на строительство которого было выделено 36 тыс. руб. Впервые в Калаи-Лябиобском районе на реке Сурхоб была сооружена паромная переправа. Надо отметить, что раньше переправа проводилась на бурдюках.

В конце 1940 г. закончилось строительство автомобильных дорог Сарай Камар–Пархар–Куляб–Кангурт–Душанбе и Душанбе–Курган–Тюбе. Но не все районы Кулябской области в этом году выполнили план. Например, в начале 1941 г. председатели совета кишлаков Лагмон и Пахтакор начали строительство дороги Дахана–Куляб, но из-за халатности председателя совета кишлака Лагмон Курбонова Н. строительство данной дороги было выполнено всего на 10% [3, 3].

5-го мая 1941 г. состоялся выход колхозников Кулябской области на строительство автомобильной дороги Куляб–Сталинабад. Строительство дороги в основном шло на двух главных участках: Куляб–Саманчи и Орджоникидзебад–Туткаул. На строительстве обоих участков работали около 16 тыс. колхозников из двух районов Сталинабадской и восьми районов Кулябской областей.

На строительном участке Орджоникидзебад–Туткаул работали более 13 тыс. человек. Участок дороги проходил между высоких Вахшских гор. Задолго до начала строительства были проведены подготовительные работы. Завершение строительства дороги на этом участке было рассчитано на два месяца.

До начала войны было реконструировано более 40 км дороги по направлению Кулябской области, причем при этом разрабатывался труднейший Чормагзакский перевал [7, 3].

Несмотря на трудности, в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) дорожное строительство в республике не было прекращено. В начале 1941 г. работники приступили к реконструкции автомобильной дороги Душанбе–Куляб. К началу Великой Отечественной войны в Таджикистане было 9203 км автомобильных дорог, из которых 1560 км преимущественно имели гравийное покрытие. В тяжелые годы Великой Отечественной войны, хотя темпы строительства дороги сократились, но продолжительность сети автомобильных дорог республики увеличилась на 695 км [18, 22]. В военное время было завершено строительство дорог в ранее непроходимые горные районы Ховалинг и Сари Хосор.

В период войны дорожное строительство проходило в тяжелых условиях. В первые дни войны на фронт ушли лучшие кадры механизаторов, инженерно-технических работников и рабочих-дорожников.

Война заставила сократить широкий размах дорожного строительства. Основные усилия и материальные возможности в период войны были направлены на поддержание хотя бы в минимально удовлетворительном состоянии автомобильной дороги Орджоникидзебад–Куляб.

С целью своевременного завершения строительства дороги Сталинабад–Куляб–Джиликуль–Курган–Тюбе–Сталинабад (южное кольцо) глава управления Главдорупра заданием №331 от 1 октября 1941 г. приказал начальнику строительства дороги Куляб–Сталинабад Умарову Алексею Александровичу организовать на дистанции тракта от Куляба до Орджоникидзебада ещё три дорожно-строительных участка [17, 133].

В 1942 г. дорожное управление №3 (Орджоникидзебад–Куляб) имело четыре ДЭУ и один участок для строительства мостов и дорог. Строительство в основном велось по направлению дороги Орджоникидзебад–Куляб – Кировабад – Джиликуль – Курган–Тюбе – Сталинабад с протяженностью 516 км и дороги Туткаул–Дангара–Саманчи, Курган–Тюбе–Дангара–Кангурт. ДЭУ-817 отремонтировало дорогу Джиликуль–Шахритус–Айвадж до границы Узбекистана протяженностью 194,5 км.

В 1943 г. в управление тракта Куляб входили пять ДЭУ, которые обслуживали 754,4 км дорог.

После окончания войны дорожное хозяйство за короткий срок было восстановлено и достигло уровня развития довоенного периода [6, 100].

В 40-е годы началось восстановление запущенных участков дорог. Главное внимание уделялось строительству тех дорог, которые имели твёрдое покрытие, а также строительству долговечных мостов. Для восстановления запущенных участков дорог в основном привлекали колхозников. По период 1946-1950 гг. на дальнейшее развитие дорожного хозяйства и транспорта в нашей республике предусматривался объем капиталовложений за счет местных капиталовложений в сумме 51 млн. рублей. Объем капитальных работ на пятилетие по хозяйству местного и республиканского подчинения определялся в сумме 27,6 млн. рублей [12, 4].

27 марта 1946 г. Народный комиссариат автотранспорта был преобразован в Министерство автомобильного транспорта Таджикской ССР. В Таджикистане развернулась массовая реконструкция автомобильных дорог с устройством покрытий из гравийных и щебёночных материалов, обработанных

тяжёлой нефтью. Протяженность дорог с таким покрытием в 1956 г. возросла в 22 раза [18, 24]. По автогужевым дорогам республиканского значения главное внимание было обращено на продолжение строительства основных дорог республики, в том числе дороги Орджоникидзебад–Куляб–Джиликуль [12, 4].

Развернулась реконструкция автомобильных дорог с устройством твердых покрытий из щебеночных и гравийных материалов, обработанных нефтью со смещением слоя на дороге. В то же время эти покрытия хорошо зарекомендовали себя в эксплуатации, так как они не давали пыли и допускали повышение скорости автомашин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арефьев И. А. Деятельность Компартии Таджикистана по развитию транспорта в период развертывания строительства коммунизма (1956-1965 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 1970. - 183 с.
2. Каримов Б. Дороги: связь времен. - М., 1998. - 268 с.
3. Мирзоев Х. Необходимо усилить контроль над строительством дороги Куляб – Дагана // Кулябская правда, 1940, 30 марта (на тадж. яз.)
4. Назруллаев С. Из истории дорожного строительства и развития транспорта в Таджикистане (1917-1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Душанбе, 1973. - 29 с.
5. Назруллаев С. Дорожное строительство и развитие транспорта в Таджикистане в 1917-1941 гг. - Душанбе, 1979. - 167 с.
6. Назруллаев С. Из истории транспорта и дорожного хозяйства Таджикистана (1917-2013 гг.). Краткая история. – Душанбе, 2013. - 109 с.
7. Садулаев М. Пятилетний план восстановления народного хозяйства Таджикской ССР на 1946-1950 гг. // Коммунист Таджикистана, 1946, 9 авг.
8. Файзалиев Ш. История Пархара. - Куляб, 1992. - 151 с. (на тадж. яз.).
9. ЦГА РТ. Ф. 20. Оп.1. Д. 14. Л. 2.
10. ЦГА РТ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 33. Л. 291-292.
11. ЦГА РТ. Ф. 19. Оп.1. Д. 519. Л. 200.
12. ЦГА РТ. Ф. 20. Оп.2. Д. 807. Л. 4, 53.
13. ЦГА РТ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 41. Л. 512.
14. ЦГА РТ. Ф.9. Оп.1. Д. 41. Л.525.
15. ЦГА РТ. Ф.18. Оп.1. Д.2001. Л.12.
16. ЦГА РТ. Ф.894. Оп.3. Д.53. Л.133.
17. Шарифов А. Архитектура автомобильных дорог Республики Таджикистан (пути совершенствования). - Душанбе: Граф-полиграф, 2010. - 244 с.
18. Шарипов С. М. История транспорта и профессионального союза работников транспорта Республики Таджикистан. - Душанбе, 2008. - 96 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ - ПРИОРИТЕТ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН **КЕНДЖАЕВА Муътабардҷон Максудҷоновна**, соискатель кафедры отечественной истории ХГУ им. акад. Б.Г.Гафурова (Таджикистан, Худжанд)

НАВСОЗИИ СОҶАИ МАОРИФ – САМТИ АФЗАЛИЯТНОК ДАР СИЁСАТИ ҲУКУМАТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН **КЕНЦАЕВА Муътабарҷон Мақсудҷоновна**, унвонҷӯи кафедраи таърихи Ватани ДДХ ба номи акад. Б.Г.Гафуров, (Тоҷикистон, Хуҷанд)

MODERNIZATION OF THE EDUCATION SECTOR-A PRIORITY IN THE SOCIAL POLICIES OF THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN **KENJAEVA Mutabarjon Maqsudjonovna**, applicant of the department of the national stories Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov, (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: mkendzhaeva@mail.ru

Ключевые слова: республика Таджикистан, социальная защита, образование, восстановление, модернизация, кризис, гражданская война, социальная сфера.

В статье рассматривается состояние сферы образования в Республики Таджикистан в годы независимости. Автор на основе конкретных источников, документов анализирует состояние образовательных учреждений и процессы их восстановления. Используя подтверждающие материалы, автор указывает на причины, приведшие к ухудшению системы образования в 90-е годы XX века приводит примеры из восстановленного процесса. Также автор характеризует деятельность Правительства страны по преодолению кризисных моментов и показывает динамику улучшения сферы образования в 2000-е годы.

Калидвожаҳо: Ҷумҳурии Тоҷикистон, маориф, мактаб, бухрон, ҷанги шаҳрвандӣ, азнавсозӣ, соҷаи иҷтимоӣ, таназзул.

Дар мақола вазъи соҷаи маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи истиқлолият нишон дода шудааст. Муаллиф дар асоси маълумотҳои дақиқ, аз он ҷумла оморӣ, вазъи соҷаи маорифи ҷумҳуриро таҳлил намуда, сабабҳои таназзул ва душвориҳои ин соҳаро дар солҳои 90-уми асри XX ошкор намудааст. Инчунин истифодаи аз манбаҳои далелнок ғайолияти Ҳукумат малакатро оид ба беҳтар намудани мактаб, сиёсати пешгирифтаи роҳбариятро оид ба рушди беҳтаргардонии маориф дар солҳои 2000-ум тадқиқ намудааст.

Key words: Republic of Tajikistan, social protection, education, rehabilitation, modernization, crisis, civil war, the social sphere.

The article examines the state of education in the Republic of Tajikistan s independence. The author based on the specific sources and documents analyzes the state of educational institution and processes of recovery. Using the supporting material indicates the reasons which led to the deterioration of the education system in 90 years? Gives examples of the recovery process. Also, the author describes the activities Government of the country to overcome the crisis moments and shows the dynamics of improving education in the 2000e.

Политическая и экономическая нестабильность начало 90-х годов XX века нанесли огромный ущерб сфере образования. Это затронуло всю Центральную и Юго-Восточную часть Таджикистан, которые были охвачены огнем гражданской войны. В республике полностью вышло из строя 126 учебных заведений. Было разрушено не только административно-социальная инфраструктура, большее всего это задело людей, больше всего безвинных. Более 25 тысяч семей остались без кормильцев и 58 тысяч детей остались сиротами [1]. Драматичность ситуации в сфере образования заключалось в том, что в подвергшихся военным действиям регионах страны практически перестали функционировать высшие и средние учебные заведения. В 1992-1995 годы более 20 тысяч преподавателей уехали в другие страны, а часть учителей, учащихся и студентов стали беженцами.

Несмотря на многочисленные экономические трудности, Правительство Республики из года в год увеличивало объем капиталовложений в сферу образования за счет государственного бюджета и иностранных инвестиций. Заботясь о будущем поколении Правительство Республики Таджикистан,

приняло ряд важных решений об основании школ-интернатов для детей-сирот, специальных лицеев и гимназий для одаренных детей и установлении льгот для работников сферы образования.

Президент страны и Правительство Таджикистана уделяли постоянное внимание этому приоритетному направлению социальной сферы. И практически во всех выступлениях Президент страны особо акцентировал внимание общества на важность здравоохранения для населения. Так, выступая на торжественном заседании, посвященном 15-летию государственной независимости Республики Таджикистан и празднованию Года арийской цивилизации он отметил: «...Для сравнения достаточно привести один пример. Общий объем капиталовложения за счет государственного бюджета для развития сферы образования в 2000 году составил 42 миллиона сомони, а в 2006 году эта сумма достигла 336 миллионов сомони. То есть за пять лет объем капиталовложения в сферу образования увеличился ровно в восемь раз. Кроме того, объем средств, привлеченных на сегодняшний день за счет иностранных инвестиций в рамках 10 проектов, составил 745 миллионов сомони, а до 2008 года будут реализованы еще четыре других программ на сумму 280 миллионов сомони. Другой пример: в 1992-1993 учебном году в Таджикистане функционировало 3320 общеобразовательных школ. В настоящее время их число достигло 3910».

Таким образом, в течение 15 лет независимости число школ в нашей республике увеличилось на 590, а количество учащихся выросло более чем на 400 тысяч, достигнув 1 миллиона 700 тысяч человек. Сейчас в стране функционирует 76 гимназий и 55 лицеев, в которых обучаются 55 тысяч одаренных.

В годы независимости было создано 25 новых университетов и институтов, и сегодня число высших учебных заведений достигло 38. В них обучаются 123 тысячи студентов, что больше по сравнению с 191 годом на 53 тысячи, то есть в два раза [2].

В период независимости в социальной сфере, в особенности в области высшего образования были достигнуты немалые успехи. И это в тяжелейших условиях нехватки финансирования, бюджета и современных высококвалифицированных кадров. В республике были открыты новые учебные заведения, в том числе академия Министерства внутренних дел, Военный институт Министерства обороны, Высшая школа Министерства безопасности, Пограничный институт. Кроме того в начале 2000 годов появилось два новых вуза – Институт геологии и горного дела и металлургический институт, что было важным и необходимым шагом в подготовке национальных кадров.

Сотрудничество Таджикистана со странами ближнего и дальнего зарубежья, расширение и укрепление этих отношений создают благоприятные условия для подготовки высококвалифицированных кадров, обучения нашей молодежи зарубежом.

В настоящее время более 5000 представителей таджикской молодежи обучают в России, Америке, Канаде, Китае, Японии, Турции Индии, Египте, Украине, Чехии, Словакии, Австралии и других странах мира (3). Другой немаловажный фактор – это создание в 2006 году специального фонда Президента Таджикистана. Данный фонд предназначен поддержке одаренной молодежи и подготовки кадров для нужд республики в учебных заведениях за рубежом.

В период независимости в Таджикистане почти в два раза увеличилось количество учреждений высшего профессионального образования. Если в начале 90-х годов число этих учреждений составило 13, то в 2000-2001 учебном году их количество выросло до 30 свидетельствует о том что несмотря на пережитую гражданскую войну и хаоса в экономике начала 90-х годов, в стране средней-специальному и высшему профессиональному образованию было уделено особое внимание. А количество студентов в них было в 1991-1992 учебном году 69,3 тыс., а в 2000-2001 учебному году эта цифра составило 77,7 тыс. [4, 110].

С приобретением независимости, с внедрением политики мира и согласия, при поддержке Президента страны Эмомали Рахмон в Республике Таджикистан начали формироваться качественно новые отношения. Это все отражено в Конституции страны и в действующих законах, и в других нормативно-правовых актах.

Основные положения развития образования на ближайшую перспективу нашли своего отражения в законах РТ «Об образовании», «О начальном профессиональном образовании», «О высшем профессиональном образовании», «О физическом воспитании и спорте» и др. Законодательством страны были определены основные нормативно правовые акты, регулирующие вопросы образования. За годы независимости несколько раз были внесены изменения в Закон Республики Таджикистан об образовании: от 17 мая 2004 года (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 г., №5, ст. 345; 2005 г., №12, ст. 655; 2006 г., №12, ст. 546; 2008 г., №6, ст. 465, Закон Республики Таджикистан «О внесении дополнения в Закон Республики Таджикистан «Об образовании» от 26 марта 2009 г., № 488) [5, 112].

За этот период правительство РТ приняло «Концепцию национальной школы», «Концепцию воспитания», «Концепцию профориентации», «Концепцию национального образования» «Государственные стандарты образования», «Инструкцию учебных учреждений» и другие акты и документы, направленные на развитие образования и социальную защиту работников образовательной сферы.

Невзирая на все экономические трудности, Правительство РТ из года в год увеличивает затраты на образование за счет средств государственного бюджета и зарубежных инвестиций.

В 1990-1992 учебный год в стране функционировали 3178 общеобразовательных учреждений: 6 начальных школ, 634 школы обязательного среднего образования, 1906 общеобразовательных школ, гимназий и 14 школ-интернатов для детей-инвалидов, детей с психическими отклонениями. Это цифра в 2010г. возросла до 3747 школ: 540-начальных, 678-обязательных и 2311-общеобразовательных. За этот период количество школ увеличилось на 518 единиц [6, 195].

За период независимости в сфере образования, с целью создания новых учебных заведений, реконструкции и восстановления существующих школ, произошли большие изменения. При непосредственной поддержке государства на территории страны было построено и сдано в эксплуатацию 1200 современных школ на 311 тысяч посадочных мест.

Открытие новых современных школ и введений активных методов преподавания различных кардинально изменили ситуацию в сфере образования. Если в 1991-1992 гг в стране функционировали 11 школ нового типа (гимназия), то в 2010 г. численность таких учреждений достигла 157, в их числе 89 гимназий (61 государственных гимназий и 28 негосударственных), 59 лицеев (53 государственных лицей, 6 негосударственных) и 12 частных школ с охватом 70 030 учащихся, из них 21 965 составляли девочки [7,1].

Таким образом, политика Президента и правительства, нацеленная на восстановление и модернизации социальной сферы в целом и образования сегодня многократно оправдывает себя. В течении короткого исторического для молодого государства периода было созданы современные учреждения-лицей, президентские школы. Среди них Президентские лицей-интернат для одаренных детей Республики Таджикистан в г. Душанбе, государственное учреждение «Президентская школа для одаренных детей» в г. Чкаловск, государственное образовательное учреждение «Президентский лицей имени Абуабдулло Рудаки для одаренных детей» в г. Турсунзаде. Так, это стало тем достижением сферы образования, которое могло быть достигнуто только в независимом государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. *Речь Президента РТ Эмомали Рахмон на торжественном заседании, посвященном 15-летию государственной независимости Республики Таджикистан и празднованию Года арийской цивилизации* <http://www.president.tj/>
2. *Из послания Президента РТ Эмомали Рахмон к Маджлиси намояндагон ва Маджлиси Милли Толькистон* <http://www.president.tj/>
3. *Речь Президента РТ Эмомали Рахмон на торжественном заседании, посвященном 15-летию государственной независимости Республики Таджикистана и празднованию Года арийской цивилизации.* <http://www.president.tj/>
4. *Стат. сборник Агентства статистики Республики Таджикистана. 2014. – С. 110.*
5. *Ахбори Маълуми Оли. – 2017. № 2. - С. 112.*
6. *Шарифзода А., Асадов А. Таджикистан-20. – Душанбе: Ирфон, 2011. – С. 195.*
7. <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/162>.

**ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛИЗМА В
НОВОЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ
ТРАКТАТА «СУФИЙСКОЕ ПОСЛАНИЕ
О СВОБОДЕ ДУХА» ИНАЙАТ ХАНА)**

КАРИМОВА Рухайё Назимовна,
к.и.н., старший преподаватель
кафедры культурологии
РТСУ (Таджикистан, Душанбе)

**МАСЪАЛАҶОИ АҚЛГАРОӢ ДАР
ДАВРАИ НАВ (ДАР МИСОЛИ
РИСОЛАИ «ПАЁМИ СУФИЁНА ОИД
БА ОЗОДИИ РУҲ»-И ИНОЯТХОН)**

КАРИМОВА Рухайё Нозимовна,
н.и.т., омӯзгори калони
кафедраи маданиятшиносии
ДРТС (Тоҷикистон, Душанбе)

**RATIONALISM QUESTIONS IN
NEW EPOCH (TREATIES
«SUFİ MESSAGE ON SPIRIT
LIBERTYBY» İNAYAT KHAN)**

KARIMOVA RUHAYO NOZIMOVNA
candidate of historical sciences,
Senior Lecturer, Department of
Cultural Studies, RTSU (Tajikistan,
Dushanbe), **E-MAIL:** ruhayo@mail.ru

Ключевые слова: *Инайят Хан, рационализм, суфизм, познание, сознание.*

В настоящей статье автор попыталась рассмотреть вопросы рационализма в наследии одного из представителей суфизма, индийского музыканта и философа Инайят Хана. В своей теории познания он исходит из объективности мира, возможности его познания и познания его чувствами и разумом человека. В этом случае, познание мира или Бога выступает как самопознание.

Калидвожаҳо: *Иноятхон, ақлгароӣ, тасаввуф, фикр, идрок.*

Дар мақола муаллиф кӯшиши кардааст, ки масъалаҳои ақлгароиро дар мероси яке аз намояндагони ҷараёни тасаввуфӣ, мусиқшинос ва файлсуфи Ҳиндустон Иноятхон баррасӣ намояд. Дар назарияи тафаккурии худ ӯ аз объективӣ будани ҷаҳон истифода бурда, имконияти азхуд намудани онро ба воситаи эҳсосот ва ақли одамӣ дида мебарояд. Дар ин ҳолат, омӯхтани ҷаҳон ё Худо ҳамчун худшиносӣ доништа мешавад.

Key words: *Inayat Khan, rationalism, Sufism, mind, cognition.*

The author of this article tried to consider the issues of rationalism in the heritage of one of the representatives of Sufism, an Indian musician and philosopher Inayat Khan. In his theory of knowledge, he proceeds from the objectivity of the world, the possibility of cognition of the feelings and mind of man. In this case, cognition of the world or God appears as self-knowledge.

Рационализм на Востоке имеет длительную историю развития, развивался он в борьбе с иррационализмом. Уже в начале торжества ислама в идеологии, он проявлялся в выступлении ханафитов, которые с позиций разума, логики подвергли критике ряд догм ислама и его мистические измышления о пророке. В эпоху господства веры борьба теологов, в частности, сторонников хадиса со сторонниками науки, логики и философии носила непрерывный характер. Она сказалась и на развитии гносеологических воззрений, как профессиональных философов, так и различных суфийских течений (хуруфизм, накшбандия и т.д.) и определила постановку и решение ими основных проблем теории познания.

При этом, в своей логике они исходят из познаваемости мира, т.к. творец, единство сущего познаются только через познание творений. Особое значение в процессе познания эти течения придают разуму, часто мистически сводя его к слову, букве и т. д. Благодаря разуму и речи, умению мыслить и говорить, человек познает себя и мир, и единство себя и мира с богом. Это постижение ступенчато. Высшие ступени его, как правило, связаны с божественным озарением, вдохновением.

Проблемы рациональности в Новое время связаны с противоположным толкованием рационализма и сенсуализма. Вопросы рациональности особо остро на рассмотрение поставил И. Кант, который различал рассудок и разум как два уровня мыслительной деятельности. На Востоке же философия рассматривается не просто как рационализированная форма мысли, но включает в себя и иррациональное. В отличие от западноевропейской средневековой и более поздней философии, суфизм признает как рациональное, так и чувственное, иррациональное познание. Они сосуществуют как равнозначные пути познания действительности. Рациональное служит средством углубления и доказательства истинности иррационального.

Суфийская литература изобилует яркими образцами сочетания мистики и рационализма. Обратимся к проблеме познания в наследии одного из представителей суфизма, индийского музыканта и философа конца 19-нач. 20 вв. Инайят Хана.

Хазрат Инайят Хан (5 июля 1882 – 5 февраля 1927) проповедовал суфизм в западных странах и России. Его многочисленные труды по суфизму и теории музыки переведены на многие языки. Наиболее известная его работа – трактат «Суфийское послание о свободе духа», который сам автор определил как введение в суфизм.

Как пишет Хазрат Инайят-Хан, религиозные люди считают суфиев весьма свободомыслящими, тогда как холодно мыслящие философы смотрят на них как на очень набожных людей, ибо суфии, чтобы возвысить душу, руководствуются в жизни более высокими принципами, нежели те, которым могла бы следовать материалистическая логика.

В «Суфийском послании о свободе духа» автор пишет, что с детства его волновал вопрос познания Бога. В ответ на вопросы внука, дед Инайят Хана Мулла Бэхш, процитировал суру из Корана: «Мы покажем им наши знамения по свету и в них самих, пока им не станет ясно, что это есть истина»-и добавил, что Бог виден в мире, а мир - в человеке [2; 14].

Это повлияло на всю дальнейшую жизнь Инайят Хана. В дальнейшем он в теории познания исходит из объективности мира, возможности его познания и познания его чувствами и разумом человека. В этом случае, познание мира или Бога выступает как самопознание. В суфизме мистическое стремление к Богу равносильно стремлению познать бытие, а человек – это отражение Вселенной, человек – это микрокосмос, который содержит в себе, в своей душе, в своем уме весь мир, который можно познать, познав самого себя.

Эти идеи прослеживаются в философии древних греков. Один из семи великих мудрецов Древней Греции Хилон эту мысль развивал так: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную»¹¹. Впоследствии Сократ сделал это выражение весьма популярным, широко используя в своих беседах и выступлениях. Сократ призывал человека заниматься углубленным познанием самого себя, выявляя свою нравственную позицию. Призыв: «Познай самого себя!» стал для Сократа следующим девизом после утверждения: «Я знаю, что ничего не знаю». Вечное самопознание, поиск самого себя в мире – в этом и состоит подлинный смысл жизни человека [1; 538].

Римский философ-стоик Сенека говорил: «То же место, что в этом мире бог, занимает в человеке душа; что в мире материя, то в нас - тело» [3]. Тело - это только внешняя форма, скрывающая наше истинное и невидимое «Я», его оболочка. Человек - это не только тело, он есть дух, воплощенный в материю.

Стоит отметить, что в восточной философии подобные концепции, в которых устанавливается связь между строением живого организма и космосом, распространены достаточно широко. Так, в трактате «Суфийское послание о свободе духа» Инайят Хан пишет: «Если вы станете изучать ваше тело, вы увидите, что это - механизм, сделанный в виде модели художественного мирового механизма. И ваше искусство и знание окажутся слабыми, ничтожными перед искусством и знанием, вложенным в него. Возьмите для примера ваши глаза. Как драгоценны и необходимы они для вас, как искусно вставлены они в орбиты и как мудро защищены веками от пыли и разных посторонних тел. Веки смыкаются и закрывают глаза, чтобы защитить их, прежде чем зависимо от того, бодрствуете или спите вы успеете подумать, что это необходимо. Так как уши и нос... Как удивительно по форме и устройству своему соответствуют они той цели, для которой созданы. И, наконец, весь механизм вашего тела... Как умело и искусно он устроен! Он работает непрестанно, независимо от того бодрствуете или спите вы, и дает вам силу для жизни. Это явное доказательство мудрости природы» [2; 27].

Таким образом, разум является одной из ступеней в суфийском постижении бога, в постижении его тождественности с миром и человеком.

«Различные религии, - пишет Инайят Хан, - дают различные правила для жизни. Но для суфия высшим руководящим началом является его воля. Он - слуга, подчиняющийся правилам, но в то же время он - господин, предписывающий себе эти правила» [2; 23]. Эти его слова означают, что обстоятельства, в которых мы находимся, предопределены законом кармы, однако мы наделены свободной волей и разумом для того, чтобы выбирать, как поступить в конкретной ситуации.

В суфизме весьма четко прослеживается ориентация на личностное развитие человека. Только на этапе тарикат достигается стоянка совершенствующегося человека, которая характеризуется растворением «я», слиянием субъекта с объектом познания. Субъект познания в данном случае -

¹¹ Gnothi se auton (Познай себя) – надпись на стене храма Аполлона в Дельфах, оставленная «семью великими мудрецами» Фалесом, Питтаком, Биантом, Солоном, Клеобуллом, Мисоном и Хилоном (VI в. до н.э.)

индивидуальный человек, тогда как объект - Бог. И хотя суфийский мистический пантеизм предполагает существование Бога как абсолютного бытия, в концепции познания суфизма речь может идти о постижении кроме Бога, лишь самого себя, субъекта, но отнюдь не реального мира, с которым суфизм не связывает достижение цели познания - сущности.

В Новое время суфизм привлек внимание западных ученых, нередко делались попытки исследовать его эволюцию, письменные памятники, верования и практику орденов. Ввиду особенностей Нового времени предпринималась попытка исследования рационального и иррационального в суфизме. «Будучи организованным внедрением религиозного опыта, суфизм не является философской системой, хотя и развивался как система. На самом деле это «путь», путь очищения» [4; 18].

Подводя итоги, можно утверждать, что рационализм суфиев заключается в поиске Бога, достижении целостности, гармонии - единства в многообразии (где единство – это Бог, а многообразие – это мир). Для того чтобы личность человека развивалась, необходимо учиться познанию самого себя – своего истинного Я и уничтожению ложного Я, что приведет к свободе личности. Как считал Инайят Хан, гармоничность жизни и деятельности - это есть достижение высшей степени свободы индивидуума. Именно эти его идеи нашли воплощение в его трактате «Суфийское послание о свободе духа».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зиммель Г. *Об истории философии*/ Зиммель Г. *Избранное. Т.1. Философия культуры.* М., 1995. – 672 с.
2. Инайят Хан. *Суфийское послание о свободе духа.* – Москва, 1914. – 96 с.
3. Сенека Л.А. *Нравственные письма к Луцилию. Письмо 65.* М., «Наука», 1977. – 576 с.
4. Тримингэм Дж. С. *Суфийские ордены в исламе.* - М., 1989/ - 328с.

БАЛУЧИСТОН ДАР МУНОСИБАТҲОИ РУСИЯИ ПОДШОҲӢ ВА ҲИНДИ БРИТАНИЯВӢ **Муҳайиддин МАҲДИ,**
унвонҷӯи Маркази мероси хаттии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (Тоҷикистон, Душанбе)

БЕЛУДЖИСТАН В ОТНОШЕНИЯХ ЦАРСКОЙ РОССИИ И БРИТАНСКОЙ ИНДИИ **Муҳайиддин МАҲДИ,**
соискатель Центра письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан, Душанбе)

BALUCHISTAN IN THE RELATIONS OF TSARIST RUSSIA AND BRITISH INDIA **Muhayiddin MAHDI,**
Applicant for the Written Heritage Center under the Academy of Sciences of Tajikistan Republic (Tajikistan, Dushanbe)

Калидвожаҳо: Балучистон, Русия, Англия, дуррониҳо, Дӯстмуҳаммадхон, Эрон, Шоҳ Шучоъ, Наполеон Бонапарт.

Мақола ба масъалаи рақобати Русияи подшоҳӣ ва Ҳинди Британиявӣ барои Балучистон бахшида шудааст. Таъкид шудааст, ки ин рақобатҳо таърихи тӯлонӣ доранд. Таҳлилҳо нишон доданд, ки дар авҷи қудрати Наполеон Бонапарт Русия ва Англия муттаҳид шуданд. Зеро Наполеон на танҳо дар Аврупо барои ин ду давлат таҳдид буд, балки ӯ талош мекард бо бастанӣ иттиҳод бо шоҳи Эрон Фатҳалишоҳи Қочор ва подшоҳи Афғонистон -Замонишох бар дорониҳои Ҳинди Британиявӣ даст ёбад.

Аммо аз саҳна берун шудани Наполеон на танҳо боиси коҳиши дӯстӣ иттиҳод миёни Русияву Британия гардид, балки барои рӯёриӣ ва рақобати шадиди ин ду қудрати бузург дар қарни XIX замина ба миён омад.

Британия аз Русия бим дошт, ки ба мустамликаҳои ҳиндустони вай таҳдид хоҳад намуд ва яке аз роҳҳои убур ба Ҳиндустон аз тариқи Эрон Балучистону Афғонистон буд. Муаллифи мақола ба хулосае омадааст, ки Англия бо вҷуди ночиз будани аҳамияти иқтисодии Балучистон ҳифзи онро дар авлавият қарор дод. Ба ҳар андоза, ки русҳо дар Осиёи Миёна ва Қафқоз пеширавӣ мекарданд, ба ҳамон андоза англисҳо ба фикри истеҳкомоти хатҳои дифоии Ҳинд мешуданд.

Ба хотири дур нигоҳ доштани русҳо англисҳо кӯшиши намуданд Русияро ибтидо бо Эрон, сипас бо Туркияи Усмонӣ масруфи ҷанг созанд. Аммо ин ҷанг бар хилофи интизори англисҳо, зуд анҷом ёфт.

Муаллиф ба хулоса омадааст, ки тайи сӣ сол, стратегияи дифоии Англия аз Ҳинди Британиявӣ дигаргун гашт. Агар Британия қаблан Эронро девори мустаҳками дифоии Ҳиндустон мешумориданд. Инак, ин хат дар Афғонистон дар қаламрави дуррониҳо ва борикзойиҳо, ки шомили Балучистон низ мешуд, дар назар гирифта шуд. Аммо мушкиле, ки дар миён буд, ин буд, ки аввалан Дӯстмуҳаммадхон имконоти моддии фаровон мехост. Сониян, бародарони ӯ маъруф ба сардорони Қандаҳорӣ, мутамоил ба давлати Эрон буданд. Савум, шаҳзодаи дурронӣ Комрон (писари Шоҳмаҳмуд) ҳукмрони Ҳирот ва Ёрмуҳаммадхон вазири ӯ, беш аз Дӯстмуҳаммадхон ба Эрон вафодор буданд. Нуктаи ахир ин, ки дар атрофи Дӯстмуҳаммадхон касоне гирд омада буданд, ки ангезаи исломӣ ва ҷиҳодӣ алайҳи куффор доштанд ва ҳозир набуданд мутеи як давлати масеҳӣ гарданд.

Ключевые слова: Белуджистан, соперничество, Россия, Англия, Дуррани, Дустмухаммад-хан, Иран, Шах Шуджа, Наполеон Бонапарт.

Статья посвящена соперничеству между Царской Россией и Британской Индией за Белуджистан, которая имела длинную историю. Анализ событий начала XIX века свидетельствует, что в период, когда Наполеон Бонапарт находился на пике своего могущества, Англия и Россия объединили свои силы против него. Так как Наполеон Бонапарт угрожал не только интересам двух Европейских стран, но и стремился, подписав договор с Иранским шахом Фатхалишахом Каджаром и афганским королем Заманишахом, найти пути к богатствам Британской Индии. Однако, как только Наполеон потерпел поражение ушел с политической арены, отношения между Великобританией и Россией ухудшились, и усилилось соперничество между ними, продолжавшаяся на протяжении всего XIX века.

Великобритания опасалась угрозы своим Индийским владениям со стороны России, и одним из путей выхода к Индии была дорога через Иран, Белуджистан и Афганистан. Автор считает, что

Англия, несмотря на незначительное экономическое значение Белуджистана, его защиту считал одним из приоритетов своей политики. По мере продвижения русских в Среднюю Азию и Кавказ англичане укрепляли оборонительные рубежи в Индии. С целью отдаления русских от Британской Индии в начале англичане стремились поддержать в состоянии войны Россию с Ираном и Османской Турцией. Однако вопреки ожиданиям англичан война закончилась быстро. Автор приходит к выводу, что в течение 30 лет оборонительная стратегия Британии изменилась. Если раньше Великобритания думала, что Иран будет укрепленной линией защиты Индии, то теперь эта линия переместилась в район проживания дураннийских и баракзайских племен Афганистана. Вместе с тем существовало несколько проблем в отношениях с Дустмухаммадханом. Во-первых у Дустмухаммадхана были большие экономические требования. Во-вторых его братья, известные как Кандагарские сердары имели близкие отношения с Ираном. Кроме того в округе Дустмухаммадхана собрались люди, имеющие исламские и джихадистские взгляды и были против сотрудничества с христианским государством.

Keywords: *Baluchistan, rivalry between tsarist Russia and England, Durrani, Dostmohammad-Khan, Iran, Shah Shuja, Napoleon Bonaparte.*

The article is devoted to the rivalry between Tsarist Russia and British India for Balochistan. It is noted that this rivalry has a long history. The emergence of the events of the beginning of the nineteenth century shows that during the period when Napoleon Bonaparte was at the height of his power, England and Russia united. Since Napoleon Bonaparte threatened the interests of the two countries not only in Europe, but also sought to sign a treaty with the Iranian Shah Fathalish Kajar and the Afghan king Zamanshah in order to find ways to the wealth of British India. However, as soon as Napoleon was defeated from the political arena, the relations between Britain and Russia deteriorated, the rivalry between the two powers intensified, which continued throughout the nineteenth century.

Britain was threatened by the threat to its Indian possessions by Russia and one of the ways to reach India was through Iran, Balochistan and Afghanistan. The author comes to the conclusion that England, despite the insignificant economic importance of Balochistan, considered his defense one of the priorities of his policy. As the Russians moved in Central Asia and the Caucasus, the British strengthened the defensive lines of India. With the goal of alienating the Rus from British India in the beginning, the British sought to support Russia in the state of war with Iran and Ottoman Turkey. However, contrary to the expectations of the British, the war ended quickly. The author comes to the conclusion that within 30 years the defensive strategy of Britain has changed. If earlier the United Kingdom thought that Iran would be a strengthened line of defense for India, now this line has moved to the area of the Duranni and Barakzai tribes of Afghanistan. At the same time, there were several problems in relations with Dostmohammadkhan. First, Dostmohammadkhan had big economic demands. Secondly, his brothers, known as the Kandahar serdars, had close relations with Iran. In addition, the people who had Islamic and jihadist views and who were against cooperation with the Christian state gathered in the impoverishment of Dostmohammadkhan.

Зухури Наполеон Бонапарт дар Аврупо, Русияву Англияро муттаҳид сохт, зеро императори Фаронса ҳавои ҳукумати ҷаҳонӣ дар сар дошт. Наполеон Маскавро дар соли 1812 ишғол кард, ҳарчанд ӯ дар ин ҷанг шикаст хӯрд, аммо кинаи амиқе дар дили Александри II ба ҷо гузошт.

Аз сӯи дигар, Наполеон талошҳои бесамаре барои иттиҳод бо шоҳи Эрон Фатҳалишоҳи Қочор ва Замоншоҳ – подшоҳи Афғонистон ба қор бафт, то аз ин тариқ битавонад бар дороиҳои Ҳинди Бритониявӣ даст ёбад.

Нопадид гардидани Наполеон аз саҳнаи сиёсати ҷаҳонӣ, на танҳо боиси коҳиши дӯстию иттиҳод миёни Русияву Британия гардид, балки арсаҳои ҷадида барои рӯёриии ин ду қудрати бузург дар се рубъи қарни XIX ба миён омад. Ин бор мавзӯи асосӣ ҳифзи Ҳиндустон аз ҳамлаи Русия ба ин сарзамин, аз роҳи Эрон ба Балучистону Афғонистон буд. Карло Терензио дар ин бора менависад: «Соҳили Шатт-ул-араб то Балучистон дархӯри таваҷҷуҳи хос мебошад. Зеро ин ноҳия борҳо ба василаи русҳо ба унвони яке аз ҳадафҳои наздик ва қобили дастрасӣ ба дарёи озод таъйин шудааст»[9, 6].

Англия бо вучуди ночиз будани аҳаммияти иқтисодии Балучистон ҳифзи онро дар авлавият қарор дод. Ба ҳар андоза, ки русҳо дар Осиёи Миёна ва Қафқоз пешравӣ мекарданд, ба ҳамон андоза англисҳо ба фикри истехкоми хатҳои дифоии Ҳинд меафтанд.

Дар қадами аввал пеш аз соли 1829 англисҳо кӯшиданд Русияро ибтидо бо Эрон, сипас бо Туркия Усмонӣ масруфи ҷанг созанд. Чунонки ҷанги Русия ва Туркия дар соли 1828 шуруъ шуд ва соли 1829 ба поён расид. Ин дар ҳоле буд, ки англисҳо интизори поён ёфтани ҷанг миёни он ду

кишварро ба ин зудӣ надоштанд. Илова бар ин, на танҳо чанг ба зудӣ поён ёфт, балки дӯстие низ байни давлатҳои Рус ва Эрону Туркия барқарор шуд [7, 376].

Ин дар замоне буд, ки амир Дӯстмуҳаммадхон фақат дар Кобул ҳукумат дошт. Аз ин рӯ англисҳо барои маҳор кардани ин иттиҳод ба фикри густариши қаламрави Дӯстмуҳаммадхон бар Қандаҳор ва Ҳинд низ баромаданд. Ин ҳақиқатро аз номаи мистер Джон МакНейл (сафири Англия муқими Эрон) ба Александр Бернс (дар Кобул) ба даст меоварем [17, 330].

Бад-ин сурат, тайи сӣ сол, стратегияи дифоии Англия дигаргун гашт. Давлати Британия сӣ сол қабл Эронро девори мустаҳками дифоии Ҳиндустон фикр мекард. Инак ин хат дар Афғонистон дар қаламрави дуррониҳо ва борикзойиҳо, ки шомили Балучистон низ мешуд, дар назар гирифта шуд. Мушкиле, ки дар миён буд, ин буд, ки аввалан Дӯстмуҳаммадхон имконоти моддии фаровон мехост. Сониян, бародарони ӯ маъруф ба сардорони Қандаҳорӣ, мутамоил ба давлати Эрон буданд. Савум, шахзодаи дурронӣ Комрон (писари Шоҳмаҳмуд) ҳукмрони Ҳирот ва Ёрмуҳаммадхон вазири ӯ, беш аз Дӯстмуҳаммадхон ба Эрон вафодор буданд. Нуктаи ахир ин, ки дар атрофи Дӯстмуҳаммадхон касоне гирд омада буданд, ки ангезаи исломӣ ва чиҳодӣ алайҳи куффор доштанд ва ҳозир набуданд мутеи як давлати масеҳӣ гарданд. Аз ин рӯ, англисҳо тарҷеҳ доданд ба фикри Шоҳшучоъ, ки аз солиёни мутаомодӣ бад-ин сӯ дар Лудиёна вазирахори Англис буд, бияфтанд. Ва чунин девореро тавассути ӯ ба вучуд оваранд [17, 335].

Англисҳо Ранчит Синг ҳокими Панҷобро муттаҳиди дигари хеш ёфтанд ва ғараз ҷалби назари ӯ барои иттиҳод бо худ ва Шоҳшучоъ дар 13 майи 1838 Вилиям Макнотенро ба Лохур фиристоданд. Мавзӯи музокироти савуми марти онон «ҳамлаи Эрону Рус ба Ҳиндустон буд». Ва ин ки Дӯстмуҳаммадхон дӯсти вафодори Эрон аст, бояд аз тахти Кобул поин кашида шавад. Ин музокирот ба муоҳадаи маъруфи Лохур анҷом ёфт (26 июни соли 1838). Шоҳшучоъ се пешшарт матраҳ намуд: Аввал, ин ки ҳайате мувофиқатномаи фавқро ба Комрон бирасонад, то ӯ дилгарм гашта, то расидани қувваҳои муштарак, муқовимат кунад. Дувум, ин ки салтанат дар хонаводаи ӯ ҳамешагӣ боқӣ бимонад. Севум, ин ки ӯ ҳаққи пайвастанӣ Балх, Сиистон, Балучистон ва атрофу навоҳии Кобулу Қандаҳорро ба қаламрави ҳукмронии хеш дошта бошад [5]. Шоҳшучоъ дар мавриди ҳаққи ҳокимияташ бар Балучистон, ду бор ба фармонфармои Ҳиндустон нома навишт, вале фармонфармо аз эътироф ба ин амр худдорӣ кард.

Фармонфармои кулли Ҳиндустон, ҳадафи ин сафари чангиро ду чиз вонамуд месохт: мафтух гаштани киштиронӣ дар рӯди Синд «...ва дар зимн ҳам дар Осиёи Марказӣ барои миллати англис нуфузи машруъе, ки ба воситаи молу тичорат, табъан ба вучуд меояд ҳосил гардад» [2, 380]. Дар ҳақиқат ин лашкаркашӣ, ки ба баҳонаи омадани Муҳаммадшоҳи Қочор ба Ҳирот ба роҳ афтод, се ҳадафи зайлро дунбол мекард: «Тасарруфи мамлақати Синд ва ишғоли Афғонистон ва мусаллаҳ намудани мамолики Осиёи Марказӣ алайҳи давлати Эрон, ки дар ин таърих ба воситаи наздикӣ бо давлати Рус сабабҳои норухати хаёли авлиёи умури англисро, чӣ дар Ҳинд ва чӣ дар Лондон, фароҳам намуда буд [10, 270]. Ин ҳамла, ки Сер Персӣ Сайкс онро ғайриоқилона мехонд [11, 276], аз бими муносиботи Дӯстмуҳаммадхон бо Русия ба роҳ андохта шуд, то Шоҳ Шучоъро, ки ҳамон Сайкс дар ҳамон сафҳа «султони нолоик» мехонд бар тахти Кобул нишонд. Дӯстмуҳаммадхонро фирории Бухоро ва Қуҳандилхон ва сардорони қандаҳориро паноҳандаи давлати Эрон сохт.

Аммо дар соли 1842 дасти кормандони сиёсии Англис аз Эрон, қаламрави Усмонӣ, Афғонистон ва Туркистон ба кулӣ кӯтоҳ шуд ва мардони сиёсӣ ва низомии Англия барои муддате аз сахнаи сиёсати ин мамолик канор монданд. Вале ду сол баъд, соли 1844 зимни даъват аз Николаи I, императори Рус ба Лондон, бо пазирой ва ташрифоти фавқуллода ӯро фирефтанд ва ба кумаки Наполеони III, Русияро дар Қрим шикасти фоҳиш доданд (1854). Русҳо ин шикастро бо аз миён бардоштани Шайх Шамил аз Қафқоз чуброн карданд ва бад-ин тартиб роҳи худро ба сӯи мамолики Осиёи Миёна боз намуданд ва ба ин бовар буданд, ки баъд аз дафъи Шайх Шамил, дар муқобили русҳо, барои расидани онҳо ба Ҳиндустон монеае вучуд надошт [7, 843].

Афтодани бандари маъруфи Красноводск воқеъ дар соҳили шарқии Баҳри Хазар, ба чанги русҳо, дар нигоҳи англисҳо, ба унвони дувумин маркази амалиёти чангии онҳо барои ҳамла ба Ҳиндустон талақӣ мегардид.

Ба назар мерасад, ки дар ин давра, ки рақобат миёни Рус ва Англис дар минтақа чараён дошт, ҳар ду ҷониб ҷосусоне бо унвонҳои тоҷиру сайёҳ ва ғайра ба Осиёи Миёна ва Афғонистон мефиристоданд [1, 313]. Аз ин лиҳоз, муҳимтарин сафар дар нимаи дувуми қарни XIX, сафари капитан Марш (J. T. Marsh) аст. Ӯ бо қисми низомии савораи ҳаждаҳуми Бангол дар соли 1872 аз бандари Анзалӣ вориди Эрон шуд ва аз он ҷо аз роҳи Техрон, Машҳад, Қандаҳор ва Яъқубобод (Ҷоқубобод) воқеъ дар канори рӯди Синд, расид. Ва дар аввали сентябри 1872 дар бандари Потӣ, канори баҳри Сиёҳ пиёда шуд ва ба чашми сар дид, ки русҳо машғули сохтани роҳи оҳани Тифлис буданд. Ин иқдомот, ки ниҳоят ба фатҳи Қафқоз шуд, чандон нигароние ба англисҳо пеш наёвард. Вале вақте онҳо соҳилҳои шарқии баҳри Хазарро тасарруф намуданд (1869), англисҳо мутаваҷҷеҳ

шуданд, ки мақсади онон аз тасарруфи ин навоҳӣ сохили чануби шарқии Хазар, ин аст, ки аз роҳи Астаробод, Машҳад, Ҳироту Қандаҳору Балучистон худро ба Ҳинд бирасонанд. Капитан Марш ҳине, ки дар киштӣ нишаста буд, аз русҳо мешунид, ки онон ҳавои берун кашидани Ҳиндро аз тасарруфи давлати англисҳо доранд. Эътирозоти саҳти давлатҳои Эрону Англия боис шуд, ки русҳо аз пешравӣ дар ин қисмат худдорӣ карда, ба шимоли шарқ мутаваҷҷеҳ шаванд. Марш, ки ба мамониати амир Шералихон барои сафар ба Кобул мувоҷеҳ шуд, ноғузир аз роҳи Қветтаи Балучистон ва тангнои Булон ба Ҳиндустон рафт. Дар ин замон ханӯз англисҳо Қветтаро ишғол накарда буданд ва он ҷо ҷузъи мутасаррифоти хони Калот ба ҳисоб меомад.

Ишғоли Астаробод, ки баъд аз ҷанги шадид бо туркманҳо муяссар гардид, изтиробе дар Лондон ба вучуд овард. Чун аз замони Наполеон ба баъд, ин нуқта ҳамчун як маркази муҳимми низомӣ барои ҳамла ба Ҳиндустон махсуб мегардид. Русҳо бар Эрон фишор оварданд, ки руди Атрекро, ки аз навоҳии Марв сарчашма мегирад ва ба дарёи Хазар мерезад, ба ҳайси сарҳад ба расмият бишиносад. Онон дар қиболи ин хост қасд доштанд, ки дар тӯли рӯди мазкур истехкоми низомӣ барпо кунанд, то дар мавқеи муносиб Ҳиротро, ки дарвозаи Ҳиндустон ба ҳисоб меомад, ишғол намоянд [7, 875]. Бикар, нависандаи китоби «Тирағҳои Шарқ» нахустин касе буда, ки дар соли 1873 хатари ҳамлаи русҳоро аз тариқи Аҳал (шаҳре дар чануби Марв) ба Ҳирот ва баъд ба Ҳиндустон мутазаккир шуд [4, 238-239].

Миёни солҳои 1873 ва 1875 русҳо шарқу ғарби Туркистонро мутеъи худ сохтанд ва зоҳиран, ҳамон тавре, ки Абдурахмонхон низ мутазаккир мешавад, чунин вонамуданд, ки мехоҳанд дар баҳори соли 1876 ба Ҳинд ҳамла намоянд [7, 930]. Бо тақмили футухоти Русия дар Осиёи Миёна, фикри лашкаркашӣ аз роҳи Эрон ба Ҳинд, барои ҳамеша канор гузошта шуд. Аммо Англия, ҳамчунон, мутаваҷҷеҳи Эрон буд, зеро медонист, ки дар ҳар сурат, эронӣ русҳоро дар ҳамла ба Ҳинд кумак хоҳанд намуд. Аз ин рӯ, тавачҷуашон бештар ба он вилояти Эрон маътуф буд, ки ҳамсарҳади Ҳиндустон буданд: Сиистон, Балучистон ва Халиҷи Форс. Марги амир Дӯстмуҳаммадхон дар соли 1863 боиси эҷоди нифоқ миёни писаронаш бар сари ҷонишинӣ гардид. Шералихон бо сиёсати англисҳо мувофиқ набуд, бо он ки онон дар қазияи ҳақамияти Сиистон ба нафъи Афғонистон амал намуданд. Ин иқдоми давлати Англия бо вучуди иддаои раҳбарони Эрон ва хилофи гузориши Ревлинсон буд, ки мегуфт: «Сокинони Сиистон аз наҷоди афгон нест. Дар миёни саканаи Сиистон, афгонӣ вучуд надорад. Дар замони Аҳмадхони Абдолӣ то ҳаде нуфузи Афғонистон дар он иёлат пайдо шуда, вале сокинони Сиистон аз наҷоду мазҳаби Эрон ҳастанд ва иддаи каме аз балучҳо ба он иёлат муҳоҷират кардаанд. Дар ҳақиқат Сиистон ҷузъи мамлақати Эрон аст [18, 104]. То ин замон, ки давлати Англис нисбат ба эътирозоти Эрон эътиное нишон надода буд, яқбора остин боло зада, ворида майдон шуд ва ба давлати Эрон иттилоъ дод, ки «...давлати Англис ҳалли ихтилофро ба ҳақамияти шамшерҳои тарафайн ҳавола мекунад ва худ ҳеҷ навъ даҳолате дар ин мавзӯ надорад» [5, 388]. Маҳмуди Маҳмуд муътақид аст, ки лутфу меҳрубониҳои шаҳриёри Эрон нисбат ба сардор Яъқубхон (писари Шералихон ва волии Ҳирот) ва муҳолафати ғайрипинҳони Шералихон нисбат ба Англис, омили ин тасмим буд. Дӯстии Шералихон бо Эрон давом накард, Шералӣ тайи сафаре ба Симла ба паймони хеш бо Эрон пушти по зад [5, 234]. Сафаре бо ҳила тартиб шуда буд, то эътимоди Русия ва Эронро нисбат ба Шералихон ҳадшадор созад. Зеро бо нигориши ҷумалоти чандпахлӯ ба забони англисӣ, ки бо тарҷумаи форсии он фарқ дошт, хоҳири амирро розӣ ниғаҳ дошта ўро мураҳхас намуданд [7, 904]. Фатҳи Бухоро ба дасти русҳо дар соли 1868, ки боиси наздик шудани русҳо ба марзҳои Ҳиндустон гардид, паёмдаҳои дугонаи зайлро ба дунбол дошт: давлати Эрон ва амири Кобул мавриди тавачҷуи давлати Англис қарор гирифтанд. Асоси сиёсати давлати Англис дар ин айём рӯи ин поя устувор буд, ки аз таҷовузоти давлати Рус пешгирӣ шавад ва нуфузи он ба сарҳадоти Ҳиндустон нарасад, дар маҳалҳое, ки бояд кӯшуни англис аз русҳо дифоъ кунад, Афғонистону Сиистону Балучистон аст. Ба қавли Маҳмуди Маҳмуд, бинобар ҳамин сиёсат «Афғонистон таҳрик мешавад, ки ба иёлати Сиистон иддао кунад. Хони Калот таҳрик мешавад ба Балучистон таҷовуз кунад, дар дарбори Эрон низ бояд касе мақоми садоратро дошта бошад, ки дастнишондаи ҳуди давлати Англис бошад» [16, 247].

Г. Смит, ки дар ибтидо масъули кашидани хатти телеграф миёни Ҷосак ва Карочӣ буд, сипас раёсати ҳақамияти тақсимоти сарҳадии Сиистону Балучистонро ба уҳда дошт дар муқаддимаи китоби «Шарқи Эрон» навишта, ки иллати тавачҷуи англисҳо ба ин масъала он буда, ки баъд аз пайвастании Синду Панҷоб ба қаламрави Ҳинди Бритониявӣ «...мамлақати Афғонистону иёлати Балучистон, ҳар ду бо Ҳиндустон ҳамсарҳад шуданд. Ва ин ҳамсарҳадӣ биттабъ дар байн, манофеъи муштарак эҷод мекунад». Ва низ ў мутазаккир мешавад, ки иллати фавол шудани Англис дар ин марҳалаи замонӣ он аст, ки «...илова бар тамоми инҳо як ҳақиқати боризро, ки бояд мавриди тавачҷу қарор дод, ин аст, ки ҳар равиши кореро, ки дар саҳнаи сиёсати мамолики Осиёи

Марказӣ барои худ интихоб кардем, бояд барои анҷому итмоми он низ ҷиддияти кофӣ бинамоем. Зеро амалиёту бозии мо дар солҳои гузашта ба қадре сусту кунд ва ғайриҷиддӣ муаррифӣ шудааст ва ба қадре сустиву саҳлангорӣ дар ин бозӣ аз худ нишон додаем, ки дунёи хорич чунин тасаввур намудаанд, ки аслан мо дар бозӣ нестем ва хорич шудаем» [7, 932]. Г. Смит дар ҷои дигари ин муқаддима, бо ишора ба мавзӯи Сиистон, эътироф менамояд, ки «...аз он ҷое, ки русҳо алоқаманд буданд (то таъриху ҷуғрофияи Сиистонро бидонанд), ёддоштҳои лозимро аз ин навиштаҷот бардоштаанд, чунки донишмандони таъриху ҷуғрофияи ин навоҳӣ бехтарин васоили анҷоми мақсуд ба шумор аст ва маълум аст, ки Петербург ба андозаи Калкатта, аз ин ҳайсоҳа ақиб набудааст» [7, 921].

Баъд аз ташкили иттиҳоди сегона миёни кишварҳои Рус, Олмону Австрия дар соли 1872 Англия маҷбур шуд, ки истиқлоли амали русҳо дар Осиёи Миёнаро бипазирад. Аз он сӯ, аз давлати Рус қавл гирифт, ки пас аз тасарруфи Хева қувваҳои давлати Рус ба ҳудуди Афғонистон таҷовуз накунад (1873). Аммо ҳар ду тараф ба ин қавл розӣ набуданд, русҳо ба Хева басанда намекарданд ва англисҳо намехостанд русҳо ба сарҳадоти Ҳиндустон наздик шаванд [12, 166]. Бо тавлиди тирағӣ дар муносиботи Олмон бо Русия, англисҳо тавонистанд ҷилави пешравию русҳоро дар Аврупо ва Осиё бигиранд. Фаротар аз ин, англисҳо як бори дигар мутаваҷҷеҳи аҳаммияти Афғонистон гашта, мусаммам ба таъйини ҳудуди он шуданд, то аз таҷовузи рус ба он ва наздик шуданашон ба марзҳои Ҳиндустон ҷилавгирӣ карда бошанд. Дар ин миён Лорд Кларендон аввалин касе буд, ки ба фикри эҷоди як мамлақати бетараф миёни мутасаррифоти ду императорӣ афтод ва онро ба иттилоии вазири мухтори давлати императории руси муқими Лондон расонид. Русия аз давлати Англич нақшаи сиёсии мамлақи моварои сарҳадотро хост. Давлати Англия низ аз раиси Анҷумани ҷуғрофияи воломақом тақозо намуд нақшаеро, ки ахиран оқои Ч. Вилерс тарсим намуда буд, барои давлати Рус ирсол дорад. Ин нақша иборат буд аз нақшаи кишвари Эронро Афғонистону Балучистон, ки дар 1868 таҳия шуда буд. Дар ин нақша ҳудуди шимоли Афғонистон иборат буд аз Қафқози Ҳиндустон (Ҳиндукуш)[15, 930] ва тамоми Туркистони Афғонистон, ки байни руди Чайхун силсилақӯҳҳое, ки аз Бадахшон дар Шарқ шуруъ шуда то нуқтаи Маймана дар ғарб идома дошт ва ба ранги зард мушаххас шуда буд, ба унвони як иёлати мустақил фарз намуда буданд. Русҳо инро пазируфтанд, ки шимоли Афғонистон Қафқози Ҳиндустон бошад, то битавонанд шимоли Афғонистони кунуниро минтақаи нуфузи хеш созанд. Аммо англисҳо бо он муҳолафат карданд. Дар муқобил, Лорд Маио фармонфармои Ҳиндустон пешниҳод кард, ки давлати Рус, монанди давлати Англия, дар сарҳадоти ҷанубии хеш як идда давлатҳои мустақил, мутобиқ ва дар радифи давлатҳои мустақиле, ки онҳо дар тамоми дарозии сарҳадоти шимолии тахти тасарруфи худ эҷод намуда буданд, эҷод кунанд.

«Дар Ҳиндустон ҳозир буданд таслими ин сиёсат шуда аз истиқлоли мамлақати Калот, Афғонистону Ёрканд дифоъ кунанд. Ва моил буданд давлати Рус низ даъват бишавад ҳамин равијро таъқиб кунад ва мамлақи Хеваву Бухорову Хуқандро мустақил нигоҳ дорад» [6, 78]. Муддате ин мавзӯ ба таъхир афтод, то он ки русҳо ҳозир шуданд аз мудохала дар умури Афғонистон (тибқи нақшаи Вилерс) сарфи назар кунанд. Горчаков исрор дошт, ки амири Кобул наметавонад бар тибқи нақшаи мистер Вилерс, ба он навоҳию атроф, ки байни қӯҳистони мазкур ва рӯи Чайхун воқеъ аст, иддаое дошта бошад. Чунки соқинони онҳо ё ўзбек ҳастанд, ё эронӣ. Бинобар ин, Бадахшон, Кундузу Балх лузуман бояд замимаи Бухоро гардад. Вагарна худ як давлати мустақил ташкил диҳанд. Русҳо дар ин амр се сол пофишорӣ карданд, то он ки Туркистони ҷудогонае барои афғонҳо ба вучуд омад ва вуруди Чайхун марзи табиӣ байни нуфузи Англичу Рус шинохта шуд. Навоҳии Чорҷӯ, Керкӣ ва тамоми дашти Хева дар замони Шералихон аз қаламрави Афғонистон ҷудо шуд [8, 123]. Марв андаке баъдтар дар 1871 мутобиқи мувофақатномаи дигаре миёни Русу Англич дар муқобили Маймана ва Андхӯй ба русҳо вогузошта шуд.

Қарордоди сарҳадӣ миёни русу англич, дар соли 1873 мунташир гардид ва шодии зудгузареро дар давоири давлатӣ ва парлумони Британия ба вучуд овард. Аммо русҳо ин қарордодро чунин тафсир карданд, ки ҳар чи дар шимоли ин хатти марзӣ қарор дорад, аз онҳо хост. Аз ин рӯ, русҳо баъд аз ишғоли Хева ба самти ҷануб ҳаракат карданд ва ҷихати худро ба ҷониби Ҳирот моил сохтанд. Ва бо дур кардани идданомае аз ҷониби хони Хева, ба сӯи Марв ба ҳаракат афтоданд. Англичҳо пиндоштанд, русҳо пушти девори Ҳиндустон расидаанд. Қӯшиш аз ҳар ду ҷониб ин буд, ки милатҳо ва давалатҳоеро, ки дар ду сӯи ин марз қарор доштанд, бо худ дошта то яке худро то пушти девори Ҳиндустон бирасонад, дигарӣ, минтақаи ҷудокунандае миёни девори Ҳиндустон ва марзи мазкур эҷод кунад. Барои англисҳо, Балучистон, Афғонистон ва тавоифи шимоли ғарбии Ҳиндустон ин вазифаро ба уҳда доштанд. Намояндаи Русия Лобанов тайи сафаре, ки ба Лондон дошт, хости давлати Русия дар бораи туркманҳоро ин тавр баён кард: «ӯ маъмурият дошт ба сарпарастони давлати Англич машхӯд намояд, ки ҳамон мақсаде, ки давлати Англич дар бораи тавоифи афғон дар ҳамсоғии Ҳиндустону Балучистон дошта, давлати Рус ҳам ба айни ҳамон

мақсадро нисбат ба туркманҳо дар назар дорад, яъне мехоҳад амнияти мутасаррифоти худро мустақкам намуда ва хифзи оромии осоиш дар ростои ҳудуди худ бинамояд» [6, 123].

Беъътимодӣ миёни ду сӯ идома дошт, эътирозоти англис чилави мудохалаи русҳо дар Афғонистон ва навоҳии ҷануби Хеваро нагирифт, то он ки ба ибтиқори Бисмарк садри аъзами Олмон, кунгураи Берлин (1877) баргузор шуд ва русҳоро дучори надоштани мудохала дар умури Афғонистон намуд [2].

Аммо аз он сӯи дигар, муносиботи амири Афғонистон Шералӣ бо Англис ба тирагӣ гаронд. Дар шаш модда аз шикоеъти амири Афғонистон нисбат ба Англис, ки тавассути намояндаи сиёсии он кишвар Навоб Атомуҳаммадхон, ба Симла бурда шуд (1876), банди ҷаҳорум дар мавриди Балучистон буд: «Ҷаҳорум, иқдомоти ҳукумати Ҳиндустон дар Калот мувофиқи майли амир Шералӣ набуда, зеро ҳукумати Ҳиндустон саъй менамуд қаламрави хони Калотро то наздики Қандаҳор баст диҳад» [10, 123]. Дар ин ҳол, яке аз бадгумониҳои асосии англис нисбат ба Шералихон, равобитӣ ӯ бо Русия буд. Ин ки Шералихон аз пазириши намояндаи Англис дар Кобул худдорӣ менамуд ва далел меовард, ки дар он сурат ногузир аст тақозои русро низ дар мавриди мушобеҳ пазирад, барои англис қобили қабул набуд [7, 1056].

Англисҳо ҳақ доштанд дар мавриди ниёти амир бадгумон бошанд. Чун амир муоҳадае бо генерал Столетов ба имзо расонид, ки ҳукми эълони ҷанг бо Ҳинди Бритониявиро дошт [14, 76]. Дар ин муоҳада қавли пас гирифтани Балучистон (ба иловаи манотиқи дигар) аз ҷониби русҳо ба амир Шералихон дода шуда буд. Зоҳиран ин охири боре аст, ки аз ҷониби як ҳокими Афғонистон, иддаои мулкият бар Балучистон матраҳ мегардад: «[Давлати Рус] баъд аз фатҳи Ҳинд мамолики ҷанубӣ ва шарқии Афғонистонро, ки дар аҳди Аҳмадшоҳ ва Темуршоҳи Садузой замимаи Афғонистон будаанд, чун Кашмиру Панҷобу Синду Балучистон ҳамаро ба Амир Шералихон супурда, дар умури мамолики мазкур ва мамлақати Афғонистон ва Туркистон то рӯди Ҷайхун ҳеч мудохалат раво надорад [13, 206].

Аммо чунон ки медонем, англисҳо на танҳо нагузоштанд ин муоҳада амалӣ шавад, балки зимни муоҳадаи мавсум ба «Гандумак», бахшҳои дигареро аз бадаи қаламрави амир ҷудо карданд, ки бархе аз онҳо ҷузви Балучистон буданд: Пишин ва Сибӣ [13, 380].

Дар воқеъ, ҳеч як аз муоҳадот миёни Рус ва Англис, монети хусумати онон алайҳи ҳамдигар нагардид. Гумони англис бар сиёсати рус нисбат ба Ҳиндустон, моёи аслии ин хусумат буд [8, 63]. Дар ҳоле, ки аз рӯи он чи сафири англис дар Санкт-Петербург аз қавли сафири Русия дар Лондон менависад, чунин дармеёбем, ки дар соли 1884 кишвари Русия фаёолиятҳои ҳарифи хеш дар Балучистонро ба дидаи иғмоз менигариста: «...дар ин муддат чанд сол, ки давлати Англис пайваста дар Афғонистон ва Калоту Балучистону Сиистон машғул ба тавсияи арсаи мудохала ва тасаллути худ буда ва пеш мерафтааст, раҳбарони давлати Рус ҳаргиз напурсидаанд, дар он сафаҳот чӣ мекунед?» [11, 272]. Ҷолиб ин ҷост, ки П. Сайкс бо ишора ба ҳамин солҳо, давлати Ҳинди Бритониявиро дар қиболи ҳаводиси Балучистон беъътино мехонд: «Дар ҳудуди бист соли пеш (соли нигориши китоб 1902) барои аввалин бор Р. Сандеман, ки аз шахсиятҳои мубарриз ва фавқуллодаи Инглистон аст ба Панҷгур фиристода шуд, вале ҳукумати Ҳиндустон чун намехост барои маъмурини минтақа маҳоричи зиёде мутаҳаммил шавад... ва ба маҳзи ин ки маъмурини фиристодашуда аз ин ноҳия хорич мешуданд, балучҳо боз ошуб барпо мекарданд ва вазъи мулукуттавоифии худро аз сар мегиританд» [9, 115, 148]. Карло Терензио яке аз роҳкорҳои рақобати Русия ва англисро кашидани хатти оҳан ва хатти телеграф медонад: англисҳо хатти оҳанро аз Балучистон ба марзи Эрон мерасониданд, русҳо аз сарзамини Туркман ба марзи Эрон наздик мешуданд ва садри аъзами Эрон имтиёзи як ришта хатти телеграфиро, ки аз Машҳад, яъне марзи Русия ба Сиистон, яъне марзи Афғонистону Балучистон кашида мешавад, ба русҳо эъто кардааст» [6, 123].

Ин сӯизан миёни ду тараф боқӣ буд, фақат зуҳури қудрати навпои Олмон дар саҳнаи сиёсати Аврупо ва ҳузураш дар Шарқи Миёна (бо кашидани хатти оҳани Бағдод) ва ҳатто Эрон, боис гардид, ки тавачҷуҳи Русия бештар ба Ғарб маътуф гардад. Ва Англис бо ҳаёли нисбатан роҳат, то ним қарни дигар дар Шибҳақораи Ҳинд ва дар Балучистон ҳукмравой кунад.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. *Вамберӣ Арменишос. Дарवेशи дуруғин / тарҷумаи Фатҳалихоҷаи Нуриён/ Арменишос Вамберӣ. – Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва наиши китоб, 1343 (1964).*
2. *Доктор Яворский. Сафорати Русияи подшоҳӣ ба дарбори Шералихон дар солҳои 1878-1879/ тарҷумаи Абдулғафури Баршино/ Яворский Доктор. - Кобул, 1347 (1968).*
3. *Дюкоф Аргайл. Масъалаи афгон аз 1841 то 1878 /тарҷумаи Муҳаммадсиддиқи Фарҳанг/ Аргайл Дюкоф. -Кобул, 1336-1337(1957-1958).*

4. *Зиёу-л-милла ва-д-дин Амир Абдуллаҳмонхон. Тоҷу- т-таворих. Ҷ.2./ Амир Абдуллаҳмонхон Зиёу-л-милла ва-д-дин. –Машиҳад-Пешовар, 1996.*
5. *Лорд Чон Рассел. Зиндагии Лорд Рассел/ Рассел Чон Лорд. - Техрон, 1846.*
6. *Мавлавӣ Нурмуҳаммади Нурӣ. Гулиани аморат / Нурӣ Нурмуҳаммади Мавлавӣ. -Кобул, 1336(1957).*
7. *Маҳмуд Маҳмуд. Таърихи равобити сиёсии Эрону Англис дар қарни нуздаҳум. Ҷ. 1/ Маҳмуд Маҳмуд. –Техрон, 1353 (1954).*
8. *Мурасалот дар боби Осиёи Марказӣ (муқотиботи сафири Англис дар Санкт-Петербург бо Лондон ва маъмури англисӣ дар Эрон дар мавриди сарҳадоти Афғонистон, Русия ва Эрон дар 1884/ Бо кӯшиши Муҳаммад Ҳасан Ковусии Ироқӣ. - Техрон: Маркази мутолиоти Осиёи Марказӣ ва Қафқоз, 1373 (1994).*
9. *Пиё-Карло Терензио. Рақобати русу англис дар Эрону Афғонистон. Тарҷумаи доктор Аббос Озарин/ Пиё-Карло Терензио.- Техрон, 1359 (1980).*
10. *Сайид Қосими Риштиё. Афғонистон дар қарни нуздаҳум / Бо кӯшиши Фуломсаҳӣ Ғайрат / Риштиё Сайид Қосим.- Кобул, 1388(2009).*
11. *Сафарномаи генерал Сер Перси Сайкс. Тарҷумаи Ҳусайн Саодатнурӣ, чопи дувум. - Техрон, 1336(1957).*
12. *Сафарномаи Клавихо/ тарҷумаи Масъуд Раҷабниё.- Техрон 1337(1958).*
13. *Файзмӯҳаммади Котиб. Сирочу-т-таворих. Ҷ. 2/ Котиб Файзмӯҳаммад. – Техрон, 1372 (1993).*
14. *Фридрих Робертс. Чихилу як сол дар Ҳиндустон. Ҷ. 2/ Робертс Фридрих.- Б.ч., 1897*
15. *Шарқи Эрон. Ба нақл аз Таърихи сиёсии Эрону Англис дар қарни нуздаҳум. - Б.ч., 1953.*
16. *Charlz Tomas Mervin. Reconnoitering Central Asia, Pioneering adventures in the region lying between Russia and India.-London, 1884.*
17. *John William Kaye, History of the war in Afganistan (3vol.), London, 1851 vol.1.*
18. *Henry Rawlinson. England and Russia in the east 1875.-London, 1962.*

**ПРИЧИНЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
СОСТОЯТЕЛЬНОГО СЛОЯ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ХУДЖАНДА В 30-Х ГОДАХ
XX ВЕКА ИЗ ТРАДИЦИОННЫХ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ**

**САБАБҲОИ КҶЧИШИ ТАБАҚАИ
ДОРОИ АҲОЛИИ
ШАХРИ ХУЧАНД ДАР СОЛҲОИ
30-ЮМИ АСРИ XX АЗ ВОҲИДҲОИ
АНЪАНАВИИ ҲУДУДИ**

**REASONS FOR MOVING THE
WEALTHY POPULATION OF KHUJAND
IN THE 30 YEARS
OF THE 20TH CENTURY FROM
TRADITIONAL TERRITORIAL UNITS**

ПУЛАТОВА Адолат Исраиловна,
преподаватель кафедры всеобщей истории ГОУ
Худжандского Государственного университета
им. акад. Б. Гафурова (Таджикистан, Худжанд)

ПУЛОТОВА Адолат Исроиловна,
муаллимаи кафедраи таърихи умумичаҳони
МДТ Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи
акад. Б.Ф.Гафуров (Тоҷикистон, Хучанд)

Pulatova Adolat Israilovna, lecturer of General
history department of the faculty history and law of
Khujand State University named after academician
Bobojon Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: adolatjon@list.ru

Ключевые слова: состоятельный слой населения Худжанда, муниципализация, контрибуция, раскулачивание, кулак.

Статья написана на основе архивных документов, полевых записей автора, мемуаров и научной литературы. В ней рассматриваются причины перемещения состоятельного слоя населения Худжанда, в другие регионы в 30-х годах XX века. Данное явление непосредственно было связано с постановлениями, принятыми Советской властью с целью внедрения нового социалистического хозяйства, а также с целью очищения нового советского социалистического общества от чуждых для него враждебных классов. В ходе коллективизации сельского хозяйства с целью уничтожения частной собственности был объявлен лозунг «ликвидация кулачества как класса», что способствовало вытеснению состоятельных людей и выселению их за пределы насиженных мест. Этот вопрос до настоящего времени не подвергался всестороннему изучению. В статье использованы архивные материалы, рассказы респондентов, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Калидвожаҳо: табақаи дорои аҳолии Хучанд, муниципализация, контрибуция, кулаккунӣ, кулак.

Мақола дар асоси ҳуҷҷатҳои бойгонӣ, сабтҳои саҳроии муаллиф, ёддоштҳо ва адабиёти илмӣ навишта шудааст. Дар мақола сабабҳои кҷчиши табақаи дорои аҳолии шаҳри Хучанд ба минтақаҳои дигар дар солҳои 30-юми асри XX дида мешавад. Ҳодисаи мазкур бо қарорҳои қабулкардаи давлати Шӯравӣ бо мақсади тоза намудани ҷамъияти нави ишӯравӣ-социалистӣ аз синфҳои ба он бегона ва муқобил, инчунин ҷорӣ намудани хоҷагии нави социалистӣ вобаста буд. Дар рафти коллективонии хоҷагии қишлоқ бо мақсади нест намудани молиқияти хусусӣ шиори «бартараф кардани кулак ҳамчун синф» эълон шуда буд, ки ба танг намудани одамони доро ва берун намудани онҳо аз воҳидҳои анъанавӣ-ҳудудӣ мусоидат намуд. Дар мақола ҳуҷҷатҳои бойгонӣ, нақлҳои респондентҳо истифода гардидаанд, ки аксари онҳо дар илм аввалин маротиба таҳқиқ мешаванд.

Key words: the wealthy group of Khujand population, municipalization, dekulakization, kulak.

This article is written on the basis of archival documents, author field notes, memoirs and scientific literature. It analyses the reasons for moving the wealthy group of Khujand population in the other regions in the 30 years of the 20th century. This occurrence was connected to resolution of Soviet Union with the aim of introducing a new socialist economy purification of the new soviet socialist society from foreign hostile classes. In the course of the agriculturalization of agriculture with the aim of destroying private property the slogan was obligatory “Elimination of the kulaks as a class” what contributed to the replacement of wealthy people and evicting them beyond the bounds of their homes. This issue today has not been thoroughly studied. In article used archival documents, stories of respondents most of which are first introduced into scientific circulation.

Таджики – самый древний народ Средней Азии (ныне Центральной Азии). Испокон веков они вели оседлый образ жизни. Основной их деятельностью являлись ремесло, пашенное земледелие и стойловое скотоводство. Как свидетельствует история, на территорию таджиков, в том числе и на территорию

Худжанда, в разное время нападали правители соседних и дальних государств. Разрушали город Худжанд до основания греко-македонские войска, арабские завоеватели, татаро-монгольские орды, степняки-кочевники. Не раз опустошали город походы кокандских и бухарских ханов.

Но только мужество и жажда жизни, безграничная любовь к родному краю не позволяли худжандцам покинуть свои родные места и переселиться в другие неосвоенные и необжитые края.

Однако в 30-х годах XX столетия когда в советской стране шло социалистическое строительство, началось массовое переселение некоторой части населения Худжанда в другие регионы. Часть населения Худжанда тоже начала пересекать границы города и стала перемещаться в близлежащие сельские районы, в другие города и даже края. Начало переселяться не только малоимущее население. Перемещались и богатые люди, ремесленно-торговые работники и безземельные дехкане. Какова же причина такого массового переселения худжандцев в другие регионы в 30-х годах прошлого столетия?

Данную статью мы хотели бы посвятить актуальной теме – теме переселения имущего слоя населения Худжанда в другие регионы в 30-х годах XX столетия и выявить причину их перемещения.

О переселении некоторых слоев населения Худжанда нами уже были опубликованы статьи в отечественных журналах [7,54].

Как известно, советская власть с самого начала своего существования начала борьбу против имущих слоев общества. С приходом Советов к власти сразу же были упразднены бывшие царские и местные органы управления, звания, должности.

После установления Советской власти Худжандский Совет обратился к имущим слоям населения с просьбой о добровольном сборе средств для покрытия организационных работ, появившихся в связи с переходом власти к Советам. Приблизительная сумма расходов власти была определена в 100 тысяч рублей. Указанную сумму необходимо было собрать не позднее 14 марта 1918 г. [27]. Но не все состоятельные люди пошли навстречу просьбе властей, в связи с чем постановлением Исполнительного Комитета (Исполком) Худжанда такие богачи города, как Пулат Хаджи Алибаев, Кари Мариф Кари Абитов, Таджибай Мулла Миров, Абдурахмед Насруллаев и др., отказавшиеся от добровольной уплаты, были оштрафованы и посажены на домашний арест [29].

Кроме того, по решению Худжандского Исполкома на имущие слои туземного населения города, согласно составленным спискам, налагалась денежная сумма в больших размерах, которая и должна была покрывать расходы на организационные работы Советской власти. Уклоняющихся от взноса, согласно постановлению заключали под стражу не только самих, но и налагали арест на их недвижимое имущество [30].

Советские органы, выявив содержание и объем частного имущества состоятельных людей, обязывали их к уплате определенной денежной суммы. Например, бывший городской голова Худжанда Мухаммед Рахим Алибаев и его брат Семинбай Алибаев, владевшие прежде торговыми точками и хлопкоочистительным заводом, были обложены денежной суммой в размере 6000 руб. [31]. С бывшего миллионера города Камилджана Алиджанова было взыскано 3000 руб. А братья Иргашбай и Таджибай Ходжимухамедовы уплатили в пользу власти по 2000 руб. [32]. Таким образом, каждый состоятельный человек, у которого была возможность уплатить контрибуцию в пользу государства, оказывался в поле зрения соответствующих органов.

Всего с имущих слоев населения города в 1918 г. была взыскана денежная сумма в размере 1 млн. 100 тыс. рублей, а в следующем 1919 г. она составила 1 млн. 163 тыс. рублей [8,32].

Более того, в порядке официально провозглашенного «наступления на баев и капиталистов» в 1918 г. по решению Самаркандского исполкома, кроме уже действующих налогов, был введен новый, дополнительный налог на недвижимое имущество [33].

Все это ослабляло, разоряло некоторые слои таджикского населения, да и всего туркестанского общества.

В пользу государства в исключительно короткие сроки национализировались частные предприятия такие, как хлопкоочистительные заводы братьев Алибаевых, семь заводов местных богачей Ашурбаева и Пинхасова [8,66], маслобойня Муинова [34], завод по переработке кишок «Емельянов и Сорокин», «Кавказ и Меркурий» [35], и частные оросительные предприятия [13].

У богатых и просто имущих людей конфисковывалось всё: разного рода производственные предприятия, земли сельскохозяйственного значения, торговые помещения, дома, живой и мертвый инвентарь и др.

Постановлениями, принятыми Худжандским Советом, полностью национализировались крупные землевладения состоятельных горожан, находящихся в Сары-Тугае, Чум-Чук-Арале и Дашти-Амине с передачей их дехканам, которые раньше жили и работали там на условиях издольной аренды [6,13]. Всякие просьбы о возвращении этих земель бывшим хозяевам оставались без последствий, как это

произошло и с жительницей Худжанда Саври Ахмедхановой, которая обратилась с просьбой в земельный отдел Худжандского Исполкома о возвращении сада, находящегося в местности Дашти-Амин [22].

В Худжанде за период с 1918 по 1930 гг. были составлены сотни списков частновладельческих домов и торгово-складских помещений, подлежащих муниципализации. Это означало принудительное и безвозмездное изъятие их у собственников в пользу государства. Муниципализации не подлежали только имущества кустарей, ремесленников, торгующих продукцией собственного производства, а также – бедняков, торгующих в гузарных местностях, что могло бы противоречить, проводимой советской властью, политике отражения интересов трудящихся [16].

Советскими госучреждениями с начала установления советской власти в Худжанде стали муниципализоваться домовладения местных богатых людей. Так, например, домовые строения жителей города Саида Ахмадханова, Мамаджана Джумабаева были муниципализованы советскими органами власти согласно приказу непрерывного изъятия [36, 37].

11 февраля 1929 г. Президиум Худжандского Горсовета своим постановлением оформил муниципализацию всех торгово-складских помещений, принадлежавших 26 домовладельцам. В указанный список вошли: уже вышеупомянутый Камилджан Алимджанов, у которого изъяли несколько домов; владелец караван-сарая и торговых помещений, ростовщик Мирза Ахмед; бывший владелец хлопкового завода Мухамед Рахим Алибаев; владелец торговых помещений и караван-сарая Камилль Бай и еще два десятка человек [17].

Жилые постройки, прежде принадлежавшие баям, передавались в ведение местных Советов и использовались под учреждения, общежития, учебные заведения, клубы и т.д. По сведениям нашего информатора Исобоевой Зумрат (1930 г.р.), один из детских садов города Худжанда был организован на месте жилой постройки, прежде принадлежавшей местному баю.

В 1933 г. Худжандский городской комитет постановил, отвести жилые помещения бывших баев и торговцев Джумабая Рахматбаева, Ашура Джурабаева и др. в квартале Каландар-Хона, под общежития для курсантов межрайонных курсов по подготовке рулеви́ков и механиков [18].

Дома, оставленные хозяевами Казыевым Абдулла и Усто Касымом Курбановым по улице Озоди и Красной, в 1939 г. были отмечены как неиспользуемые по назначению, в связи с чем Горсовет приказал их муниципализовать и передать в распоряжение жилуправления [27].

Часть конфискованных жилых помещений отдавалась под жильё приезжим специалистам неместной национальности, чаще всего русским. Вскоре эти дома среди местного населения стали называться «урусхона» – «дом русских».

Наряду с муниципализацией владений богатых людей, советской властью муниципализовались и религиозные учреждения. В первом десятилетии XX века в 146 махаллях города были выявлены 33 пятничные и 121 квартальная мечеть, которые служили горожанам Худжанда [3, 220]. Этот факт свидетельствует о том, что в городе число мечетей превышало количество махаллей. Следовательно, несколько кварталов Худжанда имело по две мечети. По словам нашего респондента, одного из старейшин квартала Чорбог Джураева Абдуваххоба (1933 г.р.), в указанной махалле прежде находились две мечети, и каждая из них принадлежала определенному приходу (кавм).

Советское правительство и Коммунистическая партия всячески старались внедрить в сознание людей новую марксистско-ленинскую идеологию, отрицая прежнюю мораль, нравственность, связанную, в первую очередь, с религией, на традициях которой были воспитаны многие поколения. Религиозные книги были объявлены мифами и отвергнуты, даже как культурные и исторические памятники прошлого. Народ, таким образом, оказывался отторгнутым от своей, веками сложившейся духовной культуры. Уничтожению подвергались и сами духовные учреждения, хотя эта важнейшая часть материального и духовного наследия культуры прошлого. На их месте оборудовались советские культурно-просветительские учреждения, клубы, красные чайханы, читальни, жилые помещения, конторы и др. Таким образом, советская власть тем самым ослабляла влияние духовенства на местное население.

В сентябре 1928 г. на собрании дехкан, состоявшемся в селе Ява Худжандского (ныне Бабаджан Гафуровского) района, его участниками решено было закрыть местную мечеть с медресе и оборудовать помещение под красную чайхану. На переоборудование этого учреждения самими дехканами были вложены материальные средства, и открытие чайханы состоялось 1 октября 1928 г. [2,413].

В 1939 г. несколько мечетей города, находившиеся на улицах Р. Люксембург, Осоавиахима, Янгибазар, Чукурак и др., согласно постановлениям Президиума Ленинабадского (в 1936 г. город Худжанд был переименован в Ленинабад) Горсовета было передано в распоряжение разного рода учреждений, а именно: областной конторе «Главмясо», Окрпотребсоюзу (окружной потребительский

союз), школе № 16 для оборудования клуба-читальни и спортзала, а также под Театр юного зрителя [19].

Как уже было отмечено выше, приезжих из европейской части СССР в первое время размещали в конфискованных байских домах, а также в религиозных помещениях – мечетях. Как утверждают наши информаторы Саидова Монад (1925 г.р.) и Дадобоева Улмасой (1924 г.р.), в 30-х годах мечеть Лаби Хавз, находившаяся в махалле Гузари Охун и мечеть, расположенная в махалле Кози Лучакон закрылись, и по распоряжению властей здесь стало жить некоренное этническое население Худжанда.

Под влиянием нового уклада хозяйствования и новой идеологии люди перестали соблюдать каноны своей религии. Такая тенденция сохранялась в течении многих лет. В период становления и дальнейшего существования советской власти священные сооружения на территории всей страны уничтожались повсеместно. Однако надо отметить, что в стране, в том числе и в Худжанде, некоторые мечети всё-таки сохранились, особенно те, которые представляли особую историческую ценность. Например, главная мечеть города – мечеть Шейха Маслихаддина сохранилась в первозданном виде. Ломались в основном старые обветшалые религиозные сооружения, о чем свидетельствуют официальные источники. Так, в одном из архивных документов сохранилось письмо, адресованное Горсовету Ленинабада, в котором Госсортфонд (государственный сортировочный фонд) просит разрешения сломать мечеть по ул. Осоавихима, находящуюся в обветшалом состоянии с целью перестройки её в заготпункт.

Среди архивных документов сохранились также протоколы общих собраний жителей кварталов 8-марта и Хакикат города Худжанда от 23 и 26 января 1939 г., где говорится об их отказе от своих мечетей. Их ходатайство было удовлетворено местными органами управления, и здания мечетей были переданы в ведение Горсовета [24].

Что касается служителей религиозных заведений – имамов, мулл, то большинство из них оставалось не только без своего основного дела, но и всячески преследовалось властями. По воспоминаниям нашего информатора Ёдгоровой Тутинисо (1926 г.р.), во времена раскулачивания многие муллы распоряжением властей были арестованы и отправлены в Дилварзинские степи.

Все это – результат реализации хозяйственной и социальной политики Советского государства по отношению к богатой, духовной и элитной части населения города Худжанда.

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП (б), известный как съезд коллективизации сельского хозяйства. Согласно его решениям, за короткие сроки, сельское хозяйство страны должно было превратиться из мелкого единоличного в крупное коллективное хозяйство. Коллективизация проводилась насильственными методами. Одновременно с коллективизацией проводились мероприятия по ликвидации кулачества и байства как класса. Это означало последовательное ограничение возможностей кулацких и байских хозяйств, а также активное вытеснение их экономическими методами со стороны Советской власти.

Помещики (крупные дехкане), бай, крупные торговцы, ишаны в результате этой политики оставались без своих имуществ. Советское государство делало все, чтобы ослабить влияние богатых на бедных. Теперь имущий класс ставился ниже неимущего населения. У богатых отнималось всё – вплоть до хозяйственного инвентаря. Им была запрещена всякая кооперация, включая членство в колхозах. Таким образом, раскулаченных людей лишали не только материального состояния, но и всех гражданских, конституционных, в первую очередь, избирательных прав.

В законе «О лишении избирательного права» говорилось, что лица, использующие наемный труд для извлечения прибыли: торговцы, спекулянты, барышники, торговые посредники, перекупщики, ростовщики, владельцы и арендаторы предприятий промышленного типа, лица, живущие на неопределенные доходы, – лишаются всяких избирательных прав [4,224]. Этим они ещё больше отчуждены были от народа. Только в 1929 г. в городе в список лиц, лишившихся права участвовать в выборах в Советы, вошли 2841 чел. [15].

Более того, в те годы Исполнительное Бюро окружного комитета КП (б) Узбекистана направило в отдел образования Худжандского округа постановление, где говорится об исключении из школ вторых степеней и техникумов детей, родители которых лишены избирательных прав. Таким образом, отдел окружного образования впредь принял поручительство «очистить школы от чуждых элементов» [10,176].

Конечно, все это было для народного хозяйства большим ущербом, так как в те годы существовала острая нужда в специализированных кадрах.

Этими мерами Советская власть не ограничивалась. Вскоре по отношению к богатым стали использовать более жесткие меры наказания. Теперь раскулачивание сопровождалось репрессивными мерами и проходило форсированными темпами.

Органами НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) многие должностные лица Худжанда в 30-х годах по тем или иным признакам объявлялись буржуазными националистами, в связи с чем задерживались и отправлялись в тюремное заключение. Среди архивных документов сохранилось немало заявлений «врагов народа», которые не признавали себя виновными и просили органы прокуратуры ускорить следствие и решить дело в их пользу.

Например, Олими Дадо, до ареста работавший преподавателем общеобразовательных дисциплин и заведующим учебной частью подготовительного отделения Медучкомбината города Ленинабада, в результате следствия заключенный в Ленинабадский исправтруддом (исправительный трудовой дом), в своем заявлении от 7 января 1938 г. писал, что хотя является сыном мударриса, но воспитан в духе коммунизма, и признание его виновным в национализме является ошибочным, в связи с чем, просит представителей органов прокуратуры ускорить следствие по его делу, так как никакой вины за собой он не чувствует [23].

Почти такая же судьба сложилась у Директора Музучилища Хасанова, у доцента Сельскохозяйственного института Воротникова Г.С., у экономиста хлебзавода города Ленинабада Михайлова М.С. и у сотен других должностных лиц, которых во второй половине 30-х годов сняли с должностей по обвинению в антисоветской деятельности, или из-за связи с «врагами народа» [25,26].

Бывшие баи, торговцы, ишаны и прочие, жившие в Худжанде и его окрестностях в 30-х годах раскулачивались и выселялись за пределы города и района в пустынные новоосваиваемые земли Симхоса (Дилварзина), Тагояка Науского района и в другие места. Бывало множество случаев, когда раскулаченных отправляли вообще в далекие чужие края, например, на Кавказ. Этими мерами суровая политика Советского государства обрекала их на голодную смерть.

Что касается имущества этих людей, то оно переходило в распоряжение государственных органов. Так, согласно приказу Президиума Худжандского Горсовета от 21 декабря 1931 года имущество байско-кулацких хозяйств, чьи владельцы были высланы за пределы Худжандского района, распределялось следующим образом:

1. Сады и виноградники, строения байско-кулацких хозяйств, находящиеся в кишлаках, оставались в резервном фонде Горсовета.

2. Все движимое имущество, строения, находящиеся в городе Худжанде, передавались в распоряжение Финансовой секции [14].

Таким образом, путем ликвидирования кулачества как класса, советская власть не только устраняла сопротивление колхозному движению, но и конфисковала имущество у баев (земли, жилые дома, сельхозинвентарь, скот и прочее), решала материальную часть возникших проблем, безвозмездно передавая «кулацкое» имущество вновь созданным колхозам. Например, согласно приказу Худжандского Горсовета от 17 октября 1931 г., из всего конфискованного мелкого скота при раскулачивании байско-кулацких хозяйств в районах Северного Таджикистана, в том числе и в Худжандском районе, в местности «Шуркуль», была организована молочная ферма [20].

А реквизированное до мелочей домашнее имущество раскулаченных распродалось на местных аукционах города [10,56].

С началом мероприятий по раскулачиванию и созданию первых колхозов в 1929-1930 гг. активизировалось и освоение Дилварзина. Основное население Дилварзинской степи в то время составляли раскулаченные, и те, которых правительство и партия послали на руководящую работу.

До 1933 г. более чем 350 раскулаченных семейств из Худжанда были переселены в поселки Симхос, Назарбой, Сретенка, Хос-Таккачи, Чанок, Тентак, Кушчи, Сартюз Бекабадского района Ташкентской области.

Многие из бывших горожан, несмотря на свой статус кулака, в дальнейшем проявили себя, как примерные и умелые земледельцы с большой жизненной практикой. Большая часть из них за свой труд и вклад в сельское хозяйство страны была награждена орденами и медалями. Многие из них достигли высокого положения в обществе. Так, например, коммунист Мирзосаид Ахмадов родом из квартала Таги Тути Калон города Худжанда избирался на должность председателя райисполкома, был первым секретарем райкома, а также был назначен наркомом совхозов Узбекистана [12,150].

Жизнь тех, кто в своем городе преследовался и презирался, после миграции в Дилварзин изменилась в лучшую сторону. Благодаря упорному труду они заслужили уважение у своего народа и правительства. Следует отметить, что в ходе раскулачивания допускались и перегибы. Советские органы, иногда не проведя тщательного анализа в таком судьбоносном деле для людей, решали их судьбы некорректно, в результате чего в число раскулаченных попадали середняки, бедняки и даже батраки. Так, например, по словам нашего респондента Джураева Абдуваххоба (1933 г.р.), семья его ближайшей родственницы из села Румон в 30-х годах была раскулачена и отправлена в Дилварзин

только на том основании, что в их хозяйстве был всего один бык, хотя это противоречило советским законам того времени, согласно которым бедняцкими хозяйствами по тогдашним общеустановленным нормам считались те, у которых было не более 1 головы рабочего скота, не более 1 га поливной и 2 га богарной земли. Средняцкими хозяйствами считались те, у которых было не более 2 голов рабочего скота, 2 га поливной и 4 га богарной земли [6,38]. Данная категория людей раскулачиванию не подлежала.

Советская власть, принимая во внимание имущество, состояние и противостояние раскулачиваемых, делила их на 3 категории: 1. Контрреволюционный актив – организаторы террористических актов и восстаний. 2. Крупные кулаки и бывшие полупомещики. 3. Остальные кулаки. Кулаки, входившие в первую или вторую категорию, подлежали выселению за пределы республики, на спецпоселение. Кулаки третьей категории расселялись в пределах района на специально отводимых для них землях [5]. Большинство раскулаченных из города Худжанда и его округов было выселено в основном на Кавказ.

В 1931 г. из Худжанда и других среднеазиатских городов и районов большая группа состоятельных людей – более чем 25 тысяч, были раскулачены и высланы в Ставропольский край Северного Кавказа. Их расселили в опустевшую деревню Николо-Александровск, где они жили под наблюдением ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление), и пересекать границу деревни им было запрещено [12,466].

Опыт и труд раскулаченных среднеазиатских баев стали использовать для создания там первых хлопковых плантаций. Но большинство из них из-за суровых климатических условий, тягот каторжного труда и неустроенности быта, а также от голода и холода умерли [10,60].

Об этом явлении свидетельствуют также воспоминания Абдулатифа Азизова, одного из очевидцев тех событий, приведенные в его мемуарах. В 1931 г. его семья и несколько других семей из села Костакоз попали в список раскулачиваемых людей, в результате чего были высланы на Кавказ, в деревню Николо-Александровск. По его словам, эта мера, предпринятая по отношению к его отцу, имевшему поливные земли в своем селе, но честно оплачивающему заработки своих чорьякоров (издольщиков), была жесткой. Многие из раскулаченных тогда людей умерли. Они не смогли выдержать условий тех краёв, куда они были высланы. Более того, другие причины, как нехватка продуктов питания, распространение различных заболеваний унесли жизнь многих из них. Вследствие высокой смертности в первые годы пребывания в ссылке сотни тысяч детей остались без родителей, в том числе и подросток А.Азизов, имевший большую семью, за два или три года остался один [1,39].

Следует отметить, что в процессе раскулачивания были допущены грубейшие нарушения, несовместимые с законностью и гуманизмом. Среди репрессированных было немало совершенно неповинных людей, «вина» которых заключалась в том, что они были середняками или относительно зажиточными. Не пощадили даже таких «кулаков», которые от лица Советского государства активно участвовали в борьбе с басмачеством. Так произошло в свое время и с отцом доктора исторических наук, профессора Хайдарова Гафура Хайдаровича – Мирхайдаром Сангиновым. Он с 1920 г. являлся членом Коммунистической партии, а также с 1919 по 1923 гг. работал старшим милиционером Раззакской части города Худжанда. Ввиду того, что он владел тремя танабами земли, небольшим садом, перешедшим ему по наследству и парой живности, в 1931 году был объявлен кулаком и выслан на Кавказ в село Николо-Александровск. Там нить его жизни оборвалась. Двое его сыновей, младшим из которых и являлся Хайдаров Г.Х., провели 8 лет жизни на чужбине, воспитывались в детдоме, выросли и вернулись в свой родной город в 1939 г. [10,39].

О раскулачивании худжандцев и выселении их на Кавказ свидетельствуют, приведённые ниже строки, которые в своё время были сочинены местными пожилыми женщинами. Об этом рассказала нам респондент Дадобоева Улмасой, которой в настоящее время 95 лет:

*Избошо шаггос кадос,
Аробаҳо қаррас кадос,
Дурнашанда кулакҳо
Чапакзанои бурафтос.
Кулакҳо кучо мерид?
Шаҳри Кавказба мерам.
Шаҳри Кавказ баҳона
Дадою буваши девона.
Вольный перевод автора:
Извозчики гудят,
Колесницы шумят,*

*Кулаки в них едут,
Хлопая, едут.
Кулаки куда едете?
На Кавказ мы едем.
Кавказ – отговорка для них –
Родители сходят с ума по ним.*

Таким образом, бывшие землевладельцы, духовенство, знатные люди поневоле оказывались в местах, далеких от своего дома, от своих близких. Но, несмотря на это, преодолевая тяготы жизни и разлуку с близкими, они смогли показать себя с лучшей стороны в другом месте, в другой обстановке, среди чужих людей.

В конце 40-середины 50-х годов начался процесс освобождения раскулаченных семей из мест спецпоселений. Окончательный отказ от политики раскулачивания был закреплен постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков», благодаря которому бывшие кулаки были полностью восстановлены в гражданских правах с выездом из мест ссылки [5].

Но все же позорное клеймо «кулак» и «подкулачник» ещё долгие годы носили у себя на груди наследники репрессированных, шагая по земле с постоянно поникшей головой [10,61].

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что в истории коллективизации сельского хозяйства, кроме триумфа и фанфар, к сожалению, имеются и темные пятна, о которых большинство исследователей стараются умалчивать и обходить острые углы данной проблемы. Спустя несколько лет в ходе проверок выяснилось, что среди раскулаченных было немало семей, которые находились в ссылке без всякого на то основания.

Большую часть раскулаченных составляли именно те люди, которых государство и общество вовремя не смогло оценить по достоинству и, которые могли бы быть гораздо полезнее на своей родине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Азизов А. *Шукр гуям зиндагиро (Сахифаҳои хотирот)* / А. Азизов. – Хучанд, 2000. – 275 с.
2. *Из истории культурного строительства в Таджикистане в 1924-1941 гг.: (Сборник документов и материалов)* / отв. ред. В.А. Козачковский. В 2-х тт. Т.1. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 670 с.
3. Мирбобо А. *Мукаддимаи таърихи Хучанд* / А. Мирбобо. – Хучанд, 2013. – 448 с.
4. *Материалҳо оид ба таърихи халқи тоҷик (давраи советӣ)*. – Сталинобод, 1957. – 520 с.
5. Мифы истории СССР. Электронный ресурс: <http://wiki.istmat.info> / миф: кулаки (дата обращения 06.02.2015г.)
6. *Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане: (1917-1965 гг.)* / под ред. К.П. Марсакова. – Душанбе: Дониш, 1968. – 434 с.
7. Пулатова А. *Перемещение населения из Худжанда и его округа в сельскую местность в 30-40-е годы XX века* / Вестник ТНУ 3/7 (148). – Душанбе, 2014. – С.54-61.
8. Хайдаров Г.Х. *Очерки истории социалистического строительства в Северном Таджикистане: (1917-1937 гг.)* / Г.Х. Хайдаров. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 460 с.
9. Хайдаров Г.Х. *Краткий очерк истории Ленинабада* / Г.Х. Хайдаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 144 с.
10. Хайдаров Г.Х. *Былое и думы. (Из воспоминаний)* / Г.Х. Хайдаров. – Худжанд, 2004. – 465 с.
11. Шукуров М.Р. *Очерки таърихи таҷаккули маданияти сотсиалистии тоҷик. (солҳои 1917-1929)* / М.Р. Шукуров. Душанбе: Ирфон, 1969. – 184 с.
12. Шарифов Х. *Тоҷикони бурунмарзи. Таърихи пошири ва аҳолии хозира* / Х. Шарифов. – Хучанд, 1999. – 514 с.
13. Государственный архив Согдийской области (далее ГАСО), ф. 51, оп. 1, д. 83, л. 1.
14. ГАСО, ф. 82, оп. 15, д. 3, л. 218.
15. ГАСО, ф. 82, оп.1, д.70, л.11.
16. ГАСО, ф. 82, оп.1, д.63, л. 30.
17. ГАСО, ф.82, оп.1, д.70, лл.34,35.
18. ГАСО, ф. 82, оп. 4, д. 19, л. 174.
19. ГАСО, ф. 82, оп. 4, д. 49, лл.84,129; д.147, лл.193,146,108.
20. ГАСО, ф. 82, оп. 15, д. 3, л. 251.
21. ГАСО, ф. 82, оп. 4, д.147, л.146.
22. ГАСО, ф. 130, оп.1, д. 5, л. 41.
23. ГАСО, ф.163, оп. 3, д. 255, л. 80.

24. ГАСО, ф.163, оп. 3, д. 414, л. 212.
25. ГАСО, ф.163, оп. 3, д. 255, л. 273.
26. ГАСО, ф.163, оп. 3, д.115, лл. 28,51,175.
27. ГАСО, ф. 163, оп. 3, д. 414, л. 119.
28. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 30, л. 6.
29. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 30, л.46.
30. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 30, л.109.
31. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 30, л. 52.
32. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 39, л. 102.
33. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 30, л. 95.
34. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 83, л. 21.
35. ГАСО, ф. 370, оп. 2, д. 9, л. 36.
36. ГАСО, ф. 370, оп. 1, д. 230, л. 12
37. ГАСО, ф. 370, оп. 1, д. 234, л. 72.

ВКЛАД ВОИНОВ-ТАДЖИКИСТАНЦЕВ В ОСВОБОЖДЕНИЕ АВСТРИИ ОТ ФАШИЗМА **РАХИМЗОДА Дилнозаи Мирзорахим,** аспирант Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан, Душанбе)

ХИССАИ ЧАНГОВАРОНИ ТОҶИКИСТОНӢ ДАР ОЗОД КАРДАНИ АВСТРИЯ АЗ ФАШИЗМ **РАҲИМЗОДА Дилнозаи Мирзорахим,** аспиранти Институди таърих, бостонишиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А.Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (Тоҷикистон, Душанбе)

CONTRIBUTION OF SOLDIERS-TAJIKISTANS TO LIBERATION AUSTRIA FROM FASCISM **RAHIMZODA Dilnozai Mirzorahim,** post-graduate student of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe).

Ключевые слова: фашизм, Австрия, победа, Маутхаузен, подвиг, плен, Германия, сопротивление, Остмарк, концлагерь, Петер Сиксл, Кайзерштайнбрух, Вольфсберг.

В статье рассматривается вклад воинов-таджикистанцев в освобождение Австрии от фашизма. Австрия пережила нелегкие испытания в годы ВОВ. Сыновья таджикского народа, которые попали в плен, содержались в известных фашистских лагерях смерти, как Маутхаузен, внесли огромный вклад в освобождение Австрии от ига фашизма. Автор на основе архивных данных, достоверных материалов и книг зарубежных авторов, приводит интересные факты о подвигах наших героев на австрийской земле в годы Великой Отечественной войны.

Калидвожаҳо: фашизм, Австрия, ғалаба, корнамоӣ, Германия, муқовимат, Остмарк, конслагер, Петер Сиксл, Кайзерштайнбрух, Волфсберг.

Дар мақола саҳми ҷанговарони тоҷикистонӣ дар озод намудани кишвари Австрия аз фашизм дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ нишон дода шудааст. Австрия дар солҳои ҷанг аз дасти фашистон зарари калон دید. Фарзандони тоҷик, ки ба асорат афтида буданд ва дар ҷабсхонаҳои Австрия, ба мисли Маутхаузен нигоҳ дошта мешуданд, пас аз ғурехтан аз ин марказҳои марг, дар торумори фашистон фаъол буданд. Муаллиф дар асоси маводи бойгонӣ, асарҳои илмӣ олимони ватаниву хориҷӣ, аз ҷумла китоби Петер Сиксл, саҳифаҳои нави диловаронаи ҷанговарони моро дар сарзамини Австрия ба қалам додааст.

Key words: fascism, Austria, victory, Mauthausen, feats, captivity, Germany, resistance, Ostmark, concentration camp, Peter Siksl, Kaisersteinbruch, Wolfsberg.

This article describes the contribution of Tajik soldiers to the liberation of Austria from fascism. Austria experienced a difficult period from fascist Germany in the Great Patriotic War. The sons of the Tajik nation, who were taken prisoners and held in the well-known fascist death camps, such as Mauthausen, made a huge contribution to the liberation of Austria from the yoke of fascism. Author based on archive materials, reliable materials and books by foreign authors, such as Peter Siksl reveals interesting facts about the exploits of our heroes in Austrian land during the Great Patriotic War.

В годы Второй мировой войны фашистская Германия превратила Австрию в один из своих наиболее мощных арсеналов. На предприятиях Австрии «добыча железной руды и выплавка стали увеличились за 1938 -1944 гг. в 2 раза, производство чугуна - почти в 3 раза, добыча нефти - в 18 раз. Созданная на этой базе военная промышленность бесперебойно снабжала германскую армию самолетами, танками, артиллерийскими орудиями и другими видами вооружения». [1.5]

Почти всё мужское население Австрии в возрасте от 18 до 60 лет служило в гитлеровской армии. «Тем не менее, и в этой стране развивалось подпольное движение Сопротивления. Главное место в нём занимали коммунисты. В условиях террора, провокаций и предательств они сплачивали антифашистские силы, создавая группы на предприятиях, издавали и распространяли газеты и листовки, осуществляли саботаж и диверсии в военной промышленности, собирали деньги в помощь семьям патриотов, заключенных в концентрационные лагеря или казненных фашистскими палачами [1.5]. В стране (Верхняя Австрия, Штирия) действовали партизанские группы.

В годы войны печальную известность получил фашистский лагерь смерти - Маутхаузен, немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938--1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка). Многие посланцы Таджикистана, попавшие в плен, содержались в этих лагерях. В числе 4917 расстрелянных воинов было много таджиков, в том числе, Х. Абдурахмонов, Н. Таджибаев, П. Турдиев, О. Олимов, Ф. Одинаев, К. Холиков и другие. [3] Многие из них состояли в подпольных антифашистских интернациональных комитетах.

Антифашистское движение в Австрии с каждым годом нарастало. Осенью 1944 г. начали действовать партизанские группы в Каринтии, Верхней Штирии, Зальцкаммергуте. В апреле 1945 г. вступил в бой в составе Югославской Народно-освободительной армии один из пяти батальонов, созданных по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Австрии.

В сражениях Советской Армии по освобождению Восточной Европы от ига фашизма примеры мужества проявили не одна сотня воинов-таджиков. Боевых наград за освобождение Австрии удостоились, к примеру, лейтенант У. Сиддигов, гвардии капитан Дж. Ашуров, сержант А. Рахманов, младший сержант А. Раджабов, старший лейтенант С. Якубов, прославленный разведчик П. Атаев, старший сержант К. Талиходжаев, танкист лейтенант К. Бузуруков, заряжающий СУ-76 младший сержант А. Файзиев, сержанты А. Саидов, Ю. Исмаджанов, старший сержант М. Ахмедов и др. [5, 324]

Житель Ленинабада (Ходжента) М. А. Гладышев участвовал в сражениях по освобождению Австрии. Начиная с 1955 года и до выхода на пенсию (1983г.), почти на тридцать лет Михаил Андреевич связал свою судьбу с Ленинабадом и оставил о себе добрую память в военной истории города и Ленинабадской (Согдийской) области. В 1955-1956 гг. он был Ленинабадским гор-военкомом, а затем начальником школы ПВО Ленинабадского областного комитета ДОСААФ, преподавателем кафедры гражданской обороны ЛГПИ (1961-1983 гг.). Подполковник М.А. Гладышев за военные подвиги был награжден 3 орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, 2 орденами Отечественной войны, 2 орденами Красной Звезды, множеством боевых медалей. [5, 202]

Отважный воин Шарифджон Пулодов родился в 1921 году в г. Истаравшане (Ура-тюбе). За личную храбрость и отвагу Ш. Пулодов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а чуть позже за самоотверженность в бою лейтенант Шарифджон Пулодов удостоился чести получить лично из рук самого маршала Г.К. Жукова орден Красной Звезды. Ш. Пулодов участвовал в сражениях по освобождению городов-героев Севастополя, Одессы, в боях на территории Карелии, Польши, Румынии, Венгрии, Австрии. После окончания войны Ш. Пулодов вернулся на ниву народного образования обучать и воспитывать подрастающее поколение. Он отдал этой благородной профессии полвека своей жизни, из них почти 40 лет работал директором школы.

В Австрии находится более трехсот советских воинских захоронений и памятных мест, связанных с историей Второй мировой войны. По Государственному договору (Staatsvertrag betreffend die Wiederherstellung eines unabhängigen und demokratischen Österreich), заключенному между Австрией и странами союзниками антигитлеровской коалиции - СССР, США, Великобританией и Францией и другим государственным правовым актам (Gesamte Rechtsvorschrift für Fürsorge für Kriegsgräber (1. und 2. Weltkrieg), Fassung vom 17.02.2017), Австрия обязуется уважать, охранять и поддерживать на своей территории могилы воинов, военнопленных и принудительно привезенных в Австрию граждан союзных держав, а равно и иных государств Организации Объединенных Наций, находившихся в состоянии войны с Германией, памятники и эмблемы на этих могилах, памятники воинской славы армий, сражавшихся на территории Австрии против гитлеровской Германии.

На австрийской земле похоронены сыновья таджикского народа, среди которых рядовой стрелок Шариф Раджабов. Верный воинской присяге и проявивший героизм и мужество в страшной войне против фашизма Шариф Раджабов¹² погиб 17 апреля 1945 г. Он похоронен на кладбище в деревне Биоршц*. Уроженец Кызыл Мазарского района (Колхозобадский РВК Кулябской области, Таджикская ССР) Ярматов Абдул Ахадович был ранен и умер от ран 9 апреля 1945 года, похоронен в селе Лаксинбург (Австрия). Сахибов Рахматулло, младший сержант, командир отделения 7826 СП, уроженец Кулябской области, Муминабадский район, к/з им. Фрунзе - погиб 16 апреля 1945г., похоронен в братской могиле на кладбище в селе Бат-Паровор (Австрия).

О судьбах посланцев Таджикистана мы многое узнали также из работы Петера Сикль «Советские граждане, погибшие в Австрии в годы второй мировой войны, и места их захоронения» [4, 100-250]. В

¹² Здесь и далее список похороненных солдат приведены согласно материалам личного архива военного историка Рахмона Сафарова, хранящихся в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ.

* Некоторые названия могут быть неправильными, но мы приводим их согласно материалам Р. Сафарова.

ней собраны и опубликованы имена тысячи воинов, похороненных на австрийской земле. Среди них наши соотечественники - Асимжанов Абдуллажан Асимжанович, в/п, 1020, Ленинадская обл., Гулякандоз, в/п Сталаг XVIII А, 25.05.1944, Ц 58-977521-2045-76, Санкт Йоханн/Вольфсберг; Ахмедов Гани Каримович, ряд., 1924, Кулябская обл., Больджуанский р-н, с. Сульдузы, 223. СД, 13.04.1945, Ц-58-18003-667-156, Гросспетерсдорф; Бабаджанов, Юкадис Бабаджанович, в/п, 11.03.1919, Таджикская ССР, Сар, в/п Сталаг XVII А, 19.07.1942, Ц 58-977520-2321-33, Кайзерштайнбрух; Бабаев Алим, в/п, 11.05.1922, Ленинадская обл., Исфара, в/п Сталаг XVIII А, 05.06.1944, Ц 58-977521-1637-16, Санкт Йоханн/Вольфсберг; Бабаев, Кимсан, ряд., 1909, Таджикская ССР, Ленинадская обл., г. Канибадам, 206. СД, 26.04.1945, Ц 33-11458-869-52, Хартберг; Бабоазиз, Азим, ряд., 1921, Таджикская ССР, Сталинабадская обл., г. Сталинабад, с. Бабосохой, 233.СД, 08.04.1945, Ц 58-18003-758-190, Оберварт; Баграмов, Куддус Баг., ряд., 1919, Таджикская ССР, Сталинабадская обл., г. Сталинабад, 163. СД, 03.05.1945, Ц 58-18003-914-52, Оберварт; Басаров, Закир Басарович, в/п, 1924, Ленинадская обл., в/п Сталаг XVII А, 28.07.1944, Ц 58-977520-2987-52, Кайзерштайнбрух; Баходуров, Зайбурхан Боходурович, в/п, 1919, Таджикская ССР, в/п Сталаг XVII А, 05.04.1942, Ц 58-977520-1945-23, Кайзерштайнбрух, Бухария (ов?), Таджидин Рахимович, гв. ряд., 1925, Таджикская ССР, Гармская обл., Комсомолабадский р-н, 20. Гв.СД, 11.04.1945, Ц 58-18003-619-25, Пельтен; Вафин, Расых, ряд., 1925, Таджикская ССР, Кулябский р-н., с. Хайдаксанур, 155. СД 786 .СП, 25.04.1945, Ц 58-18003-912, ДЭ, Хартберг и др.

Благодаря победе Советской Армии, в составе которой воевали, посланцы Таджикистана, Австрия в 1945 году вновь обрела государственную независимость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Петер Сиксль. Советские граждане, погибшие в Австрии в годы второй мировой войны, и места их захоронения, 2010.*
2. *Хайдаров Г.Х. Годы громовые (1941-1945). – Худжанд: Нури маърифат, 2005. – 324 с.*
3. *Шарифов Х. Мардони палангошуб. - Худжанд, 2004. – 438 с.*
4. *<http://www.history-at-russia.ru/xx-vek/velikaya-otechestvennaya-vojna/osvobozhdenie-avstrii-krasnoj-armiej.html>.*

**ТАЪРИХИ ИНКИШОФИ
ХОҶАГИИ ҚИШЛОҚИ ВМКБ
ДАР ОХИРИ АСРИ XX ВА
АВВАЛИ АСРИ XXI**

АБДУРАМОНОВА Подшоҳоним Давлатамоновна,
аспиранти кафедраи таърихи умумии факултети
таърих ва ҳуқуқи Донишгоҳи давлатии Хорог
(Тоҷикистон, Хорог)

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ГБАО
В КОНЦЕ XX-НАЧАЛО XXI вв.**

АБДУРАМОНОВА Подшоҳоним Давлатамоновна,
аспирант кафедры общей истории факультета
истории и права Хорогского Государственного
университета (Таджикистан, Хорог)

**HISTORY OF CREATION AND
DEVELOPMENT OF TOURISM
IN GBAO AT THE END OF XX -
BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

ABDURAMONOVA Podshokhonim Davlatamonovna,
applicant of the Tajik University
of Khorog (Tajikistan, Khorog),
E-MAIL:podshokhonim91@mail.ru

Калидвожаҳо: ВМКБ, ИҶШС, ҷанги шаҳравандӣ, руиди кишоварзӣ, хусусигардонӣ, хоҷагиҳои деҳқонӣ, асоссиатсияҳо, комёбиҳо, мушкилот.

Дар мақола таърихи руиди кишоварзӣ дар ВМКБ дар охири солҳои бистум ва ибтидои асри XXI, таъсири манфии фурупоиши замони Шӯравӣ, ҷанги шаҳравандии солҳои 90-уми асри XX ба руиди соҳаи кишоварзӣ баррасӣ мегардад. Ҳамчунин дар мақола сайёу кушииҳои давлат ва созмонҳои байналмилалӣ дар давраи гузариши аз иқтисодиёти нақшавӣ ба бозорӣ, раванди хусусигардонии хоҷагии қишлоқ, ташкили хоҷагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ), асоссиатсияҳои деҳқонӣ, руиди растанипарварӣ, чорводорӣ, занбӯрпарварӣ, ташкили саноати нав - моҳипарварӣ, инчунин пеширафт ва мушкилотҳои соҳаи кишоварзӣ дар ВМКБ таҳлил карда шудааст.

Ключевие слова: ГБАО, СССР, гражданская война, развитие сельского хозяйства, приватизация, фермерские хозяйства, ассоциации, успехи, проблемы.

В статье рассматривается история развитие сельского хозяйство ГБАО в конце XX-начало XXI вв., негативное влияние эпохи развала СССР, гражданская война 90-х годов XX в. на развитие сельского хозяйство. Кроме того в статье анализируется старание государства и международных организаций в период перехода от плановой к рыночной экономики, процесса приватизации сельского хозяйства, организации деҳканских (фермерских) хозяйств и деҳканских ассоциаций, развитие растениеводства, животноводства, пчеловодства, организации новой отрасли - рыбоводства, а также успехи и проблемы сельского хозяйства ГБАО.

Key words: GBAO, the USSR, civil war, development of agriculture, privatization, farms, associations, successes, problems.

The article describes the history of the agriculture development in GBAO in the late XX century and beginning of the XXI century, the period of the collapse of the USSR, and the negative impact of the civil war in the 1990s of the XX century on the agricultural sector in the region. Besides, the article discusses the efforts and resources invested by the Government of Tajikistan and the international organizations in the agricultural sector aimed at transiting from the economic planning to the market economy, the privatization process, creation of new farms and various forms of agricultural associations, development of planting, livestock sector, beekeeping and fishery in the case of GBAO. The article also discusses the success and issues faced during the mentioned period and provides analytical insight on the researched topic.

Мавзӯи мазкур аз ҷониби А. А. Антоненко [1, 208-241] аз соли 1917-1977 ва солҳои 1991-2008 аз ҷониби З.М. Баҳромов [12,15] то андозае омӯхта шудааст. Вале аз тадқиқоти Антоненко А.А. то тадқиқоти Баҳромов З.М. ва инчунин аз соли 2008 то соли 2017 таърихи хоҷагии қишлоқи ВМКБ умуман омӯхта нашудааст. Мақсади навиштани мақолаи мазкур аз он иборат аст, ки проблемаи зерин - яъне таърихи ин давраро омӯхта, ба тадқиқотҳои болоӣ маводи тозае ворид намоем.

То солҳои 90-уми асри XX дар ВМКБ хоҷагиҳои машҳур «50 солагии Помири Советӣ», «Фучик», «Сулх», «60-солагии СССР» ва ғайра вучуд дошта, даромади солони баъзе аз онҳо то 1 млн. рубли советиро ташкил мекард. Номии чорводорони машҳури он давраи вилоят Қаҳрамони Меҳнати Сотсиалистӣ Б. Муродбеков, пиллақори номӣ Ф. Суфихонова, говдӯшзан-депутати Совети Олии СССР Г. Қурбонова, говдӯши номӣ Ҳ. Бодурова ва дигарон берун аз Ҷумҳурии Тоҷикистон низ машҳур буданд.

Аммо дар давраи бозсозӣ дар тамоми соҳаҳои хоҷагии вилоят камбудихо пайдо шуда, дар ин бора котиби аввали Ҳизби коммунисти ВМКБ Зоиров М. дар Пленуми III Комитети партиявии вилоят (26 июли соли 1986) гуфта буд: «Плани наслгирии ғӯсола дар вилоят ҳамагӣ 64% иҷро шуда, дар ноҳияи Мурғоб 492 сар ғӯсола кам гирифта шуд. Плани гирифтани барра, бузғола дар тамоми вилоят 86%, дар ноҳияҳои Ванҷ – 69%, Рӯшону Ишқошим - 77% иҷро шуду халос. Дар ноҳияи Ишқошим 522 сар гов ба ғӯшт дода шуда, байтор А. Султонбеков ва директори совхозии «Вахон» Файзуллобеков барои ин кор аз вазифа озод карда шуданд.

Дар совхозии «Қизил чегарачӣ»-и н. Мурғоб (директор Мусаев И.) плани супоридани ғӯшт ба давлат иҷро нашуда, роҳбарон сабабгори онро сардии ҳаво медонад. Агар ин тавр бошад, пас чаро совхозии «60-солагии СССР» (директор Атабаев)-и ин ноҳия плани ба давлат супоридани ғӯштро ҳанӯз то моҳи июн иҷро кард? Иҷрои плани хошоктайёркунӣ дар совхозҳои «Рӯшон»-и н. Рӯшон, ба номи «Шотемур»-и н. Шугнон, «Бадахшон», «Вахон»-и Ишқошим ба номи «Фучик» -и н. Қалъаи Хум хеле ҳам бад аст. Дар ш. Хоруғ беш аз 100 нафар ҷавонон бекор буда, ин дар шароитест, ки корхонаҳои саноатии шаҳр ба коргарон саҳт муҳтоҷ ҳастанд. Бештари ҷавонони вилоят дар Институти хоҷагии қишлоқ таҳсил карданро нахоста, ҳама барои дохил шудан ба институтҳои педагогӣ майли калон доранд» [11, 2].

Бо аз байн рафтани СССР ва оғози ҷанги граждани дар Тоҷикистон вазъияти хоҷагии қишлоқи вилоят боз ҳам бадтар шудан гирифт. Дар натиҷа алоқаҳои иқтисодии байни ҷумҳуриҳо қанда шуда, бо оғози ҷанги бародаркуш бошад ба аҳолии ВМКБ ҳавфи гуруснагии оммавӣ таҳдид намуд.

Дар чунин шароити Тоҷикистон зарурият пайдо шуд, ки бар асари барҳам хӯрдани соҳти шӯравӣ ва пайдо шудани иқтисоди бозорӣ низоми хоҷагии қишлоқ низ бояд дигаргун карда шавад. Аз ҳамин сабаб дар ҷумҳури қонунҳои «Дар бораи аз нав дида баромадани нархи хариди пахта ва дигар маҳсулотҳои хоҷагии қишлоқ» (27.09.1992) [15, 38] ва «Оиди андоз аз даромади гражданиҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва гражданиҳои давлатҳои хориҷӣ» (23.11.1992) [14, 289] қабул шуда, дар онҳо мафҳумҳои нав, чун «иқтисоди бозорӣ», «тафаккури нави иқтисодӣ» рӯи кор оварда шуданд. Аммо ҷанги дохили кишвар ба пурра амалӣ шудани онҳо ҳалал расонида, дар кишвар кризиси амиқ ба амал овард.

Бо мақсади ба низом даровардани иқтисоди кишвар, аз ҷумла хоҷагии қишлоқ дар мамлакат барномаҳои зидди инҳисорӣ: «Барномаи ислохотҳои иқтисодӣ дар солҳои 1995-2000» (01.1995), [20, 64] «Барномаи хусусигардонии объектҳои комплексҳои агросаноатӣ барои солҳои 1995-1996» (1995) [15, 67], «Барномаи инкишофи ВМКБ дар солҳои 1995-2005» (12.04.2005) [20, 32] ва ғ. қабул шуда, дар онҳо афзалият ба макрӯэкономика, хусусигардонии хоҷагии қишлоқ дода шуда буд.

Дар бо роҳи дигаргун намудани вазъии хоҷагии қишлоқи вилоят, ташкил намудани хоҷагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ) нақши калон дошта буданд. Аз ин сабаб Ҳукумати ВМКБ тибқи Фармони Президенти кишвар дар соли 1995 қарори махсус қабул намуда, 1220 га замин, ки то ин дам дар дасти совхозҳо буд, онро ба заҳматкашон тақсим карданд. Дар натиҷа, дар вилоят 3900 хоҷагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ) ташкил шуда, онҳо беш аз 1500 га заминро ба истифодаи худ гирифтанд [23, 28].

Дар қори дастгирӣ намудани хоҷагиҳои деҳқонӣ Фармони Президенти кишвар Эмомалӣ Раҳмон «Дар бораи аз нав таъсисдиҳии корхонаҳои хоҷагии қишлоқ» (25.06.1996, №522) [19, 28], ки тавассути он бояд тамоми колхозу совхозҳои аз назари иқтисоди зараровар барҳам дода шуда, ба ҷои онҳо бояд хоҷагиҳои нави деҳқонӣ ташкил карда мешуданд, роли калон бозид. Дар асоси он Ҳукумати вилоят “Барномаи бо ғалла ва картошка таъмин намудани аҳоли” - ро тартиб дода, соли 1996 – 26 ва соли 1997 – 33 совхозҳои вилоятро ба хоҷагиҳои деҳқонӣ табдил дод, ки онҳо акнун дар ихтиёри худ 5400 га замин дошта буданд. Акнун дар вилоят 137 ассосиатсияи деҳқонӣ, бо фарогирии 67% заҳматкашон ташкил карда шуда буданд [25, 5].

Анҷоми чунин корҳо боиси он шуданд, ки дар соли 2004 истеҳсоли маҳсулоти хоҷагии қишлоқ назар бар соли 1991 то 14 маротиба афзуд. Аз ҷумла истеҳсоли ғалла – 5, картошка – 6,4, сабзавот то 4,6 баробар афзуда, саршумори талафёфтаи ҳайвонот аз нав барқарор карда шуд [17, 53-54]. Дар соли 2006 дар вилоят 7863 т ғалла, 6863 т картошка, 2270 т сабзавот, 5995 т мева, 3958 т ғӯшт, истеҳсол шуда, он 47% талаботи аҳолиро қонеъ кард, [2, 3] ки ин назар бар соли 1994 22% бештар буд [21, 62].

Дар инкишофи хоҷагиҳои деҳқонии ВМКБ, дар баробари давлат инчунин Фонди Оғохон, ки соли 1993 фаъолияти хешро дар вилоят сар карда буд низ саҳмгузор буд. Чунончи тавассути барномаи MSDSP-и ин Фонд “Барномаи дастгирии навоҳии кӯҳӣ” (с. 1993) [21, 62], «Барномаи ташкилотҳои деҳотӣ» (1998 с) [21, 64] ва ғ. қабул шуда, онҳо дар ташкили хоҷагиҳои деҳқонӣ бо давлат саҳим буданд. Ин боиси он шуд, ки дар вилоят дар соли 2007 илова ба рақамҳои болоӣ боз 14 хоҷагиҳои нави деҳқонӣ, аз ҷумла 1 хоҷагии истеҳсоли ғӯшту шир, 5 хоҷагии сабзавоткорӣ, 7 боғдорӣ-

паррандапарварӣ-занбури асалпарварӣ ташкил шуданд. Даромади хоҷагиҳо 5874 сомонӣ (2800 долл. ИМА) ва дар соли 1997 то 9340 сомонӣ ва (5830 долл. ИМА)-ро дар соли 2007 ташкил карда буд [21, 64].

Илова бар ин камзаминӣ имкон наметод, то аҳолии ВМКБ худро бо маҳсулоти хоҷагии қишлоқ таъмин намояд. Аз ин сабаб Ҳукумат, барномаи MSDSP-и Фонди Оғохон, TАСIF дар ҳамкорӣ бо дигар ташкилотҳои байналхалқӣ дар Бартанг, ноҳияи Қубодиён ва вилояти Хатлон ба аз худ намудани заминҳои нав шурӯъ намуданд [22, 6]. Дар амалӣ намудани ислохот ва ёрии моддӣ ба ВМКБ донорҳо чун MSDSP-и Фонди Оғохон WL (ИМА), GTZ (Германия), CIDA (Канада), TACIS (Иттиҳоди Аврупо), DG-VIII, ки хоҷагиҳои деҳқониро бо равшанҳои молидани, сӯзишворӣ, тухмии гандум, картошка ва сабзавот таъмин карданд. Ин боиси он шуд, ки дар соли 1999 аҳолии вилоят эҳтиёҷоти худро бо ғалла то 60% таъмин карда, ин дар шароите буд, ки дар соли 1989 вилоят эҳтиёҷоти хешро ҳамагӣ то 15% таъмин мекарду халос [6, 17]. Соли 1999 GTZ барои инкишофи хоҷагии қишлоқи ВМКБ маблағи зиёда аз 1 млн. долл. ИМА гузошта буд [6, 18]. Бо ташаббуси MSDSP-и Фонди Оғохон соли 2001 барои рушди хоҷагиҳои нав 8702 долл. ИМА ва барои фурӯши маҳсулот дар бозор 1842 долл. ИМА чундо шуда, ин боиси он шуд, ки дар соли 2001 масоҳати кишти сабзавот то 89 га дар муқоиса бо соли 1997 зиёд шуда буд [22, 4].

Ба хоҷагиҳои Ванчу Рӯшон аз соли 2001 мунтазам тухмӣ чундо шуда, аз соли 2003-2004 тухмии ғалла - 360 кг, сабзӣ - 240 кг, бодиринг - 140 кг, помидор - 115 кг, мурч - 40 кг, нуриҳои кимиёвӣ: аммофос - 40 кг, карбомид - 30 кг ва ғайра чундо шуда буд. Барои иҷрои ин барнома дар ҳаҷми 1161 долл. ИМА сарф шуд [2, 13].

Солҳои 90-уми асри XX соҳаи чорводорӣи ВМКБ ҳам ба кризиси амиқ дучор шуда, ҳодисаи дуздаи шудани чорвои чамбиятӣ, хурӯҷи касалиҳои гуногуни чорво чун бруселлез ва талафоти ҳайвонот аз онҳо ба мушоҳида расида буданд. Ин боиси он шуд, ки соли 1995 назар бар соли 1994 саршумори чорво ба 3808 сар (13%) кам шуд [20, 180].

Бо кӯшишу заҳмати Ҳукумати Тоҷикистон пеши роҳи ин амали номатлуб гирифта шуда, «...дар соли 2009 саршумори ҳайвони калони шохдор дар вилоят беш аз 97,9 ҳаз. сарро ташкил дод, ки ин нишондиҳанда назар бар соли 2008 2,9 ҳазор зиёд буд. Саршумори кӯтосҳо ба 3 ҳаз. 767 сар, паррандаҳои хонагӣ ба 4 ҳаз. сар расонида шуд. Дар семоҳаи аввали соли 2009 дар вилоят 7435 ҳаз. сентнер гӯшт истеҳсол шуд, ки назар бар соли 2008 983 сентнер зиёд буд» [18, 2].

Тибқи қарори Ҳукумати Тоҷикистон аз 2-ноябр 2007, № 542 «Дар бораи барномаи инкишофи кутоспарварӣ дар ҚТ барои солҳои 2008-2015» соли 2011 аз хоҷагиҳои н. Мурғоб ба миқдори 1000 сар, аз ҷумла ба Тавилдара - 30, Айни - 200, Мастҷоҳи Кӯҳӣ - 200, Ҷиргатол - 350, Варзоб - 20, Балҷувон - 50 ва ба ноҳияҳои дигари ВМКБ - 150 сарӣ кутос дода шуданд.

Барои инкишофи “Барномаи бузҳои маҳинпашм” бо ёрии ташкилоти байналхалқии “ИКАРДА” дар ҷамоати ба номи А. Замирови н. Ишқошим “Барномаи бузпарварӣ” ташкил шуда буд. Бо ин мақсад соли 2010 аз кишвари Олтойи Федератсияи Россия ба вилоят 8 сар зоти нави бузҳо оварда шуда, соли 2011 шумораи онҳо ба 50 сар расида буд. Дар маъракаи наслгирии охири сол бошад шумораи онҳо ба 400 сар расида аз ин ҳисоб ду ферма ташкил шуд. Солҳои 2010-2011 ба миқдори 1 кг пашми буз бо нархи 100 сомонӣ аз хоҷагҳои мазкур харидорӣ карда шуд. Барнома бо мақсади кам кардани бекорӣ ва сатҳи камбизоатӣ дар байни аҳолии амалӣ шуда, акнун замон ба тоза кардани пашми буз дар хоҷагиҳо машғул ҳастанд.

Дар ҳамкорӣ бо ташкилоти байналмилалии “Милал-Интер” дар Ҷавшангози н. Роштқалъа кооперативи “Ҷавшангоз” бо фарогирии 25 хоҷагӣ ташкил шуд. Дар ҳолати 1 январия соли 2011 дар ин кооператив 793 сар ҳайвони калони шохдор ва 5111 ҳайвоноти хурд мавҷуд буданд” [3, 5].

Дар соли 2011 дар чарогоҳҳои зимистонаи “Оқташ”-и н. Рӯшон, “Булункӯл”-и н. Шуғнон, “Ҷавшангоз”-и н. Роштқалъа, “Харгӯши”-и н. Мурғоб ва “Чолтов”-и н. Данғара 20606 сар ҳайвони калони шохдор, 62280 сар ҳайвони хурд ва 166 сар асп ниғаҳдорӣ карда мешуданд. Дар соли 2011 бо ташаббуси барномаи MSDSP-и Фонди Оғохон ва ташкилоти PALM-и Швейтсария дар масоҳати 3 га барои омӯзиши илмӣ ва беҳтар намудани дар зимистон беҳтар ниғаҳдорӣи чорво 14 400 доллари ИМА чундо шуд [3, 5].

Бо мақсади афзоиши соҳаи кутоспарварӣ 50 сар кутос аз фермаҳои хоҷагии “Булункӯл”-и н. Мурғоб ба хоҷагии навшанкили “Азизхон”-и н. Роштқалъа гузаронида шуданд [3, 5].

Дар н. Дарвоз соҳибкор Абдулвоҳидов Ҷ. ва дар ноҳияи Ванҷ Муҳаббатов С. фермаҳои бурдокипарварӣ ташкил карда буданд. Дар фермаи Дарвоз 100 сар ҳайвони калони шохдор ва дар Ванҷ 50 сар ҳайвони калон ва 100 сар моли майда парвариш карда мешуданд [3, 6].

Соли 2014 дар ҷамоати ба номи М. Миршақари н. Роштқалъа сеҳи коркарди пӯсту пашм бо фарогирии 12 коргар, бо ташаббуси чамбияти Ҷилоли Аҳмади Тоҷикистон ташкил ва бо дастгоҳҳои маҳсули замонавӣ таҷҳизонида шуд [7, 7].

Дар ҳолати 1 январия 2016 дар тамоми хоҷагиҳои вилоят 114530 сар ҳайвони калони шохдор, аз онҳо 42381 сар гов, 23408 сар кутос, 380050 сар бузу гӯсфанд, 141960 сар парранда, 325 сар асп,

6638 оилаи занбӯри асал парвариш карда мешуданд. Ин нишондиҳандаҳо назар бар соли гузашта, аз ҷумла ҳайвони калони шохдор 3585 сар, аз онҳо 2183 сар гов, 89 сар қутос, 18848 сар бузу гӯсфанд, 13749 сар парранда ва 4 оилаи занбӯри асал бештар аст. Дар ин давра истеҳсоли гӯшт (бо вазни зинда) 9534 т, шир 20509 т, ба маблағи 5400 ҳаз. сомонӣ тухм, 126 т асал, 245 т пашм, ки дар муқоиса назар бар соли гузашта истеҳсоли гӯшт 157 т, шир 380 т, парранда 43 ҳаз. сар зиёдтар мебошад. Дар тамоми хоҷагиҳо 83892 т хӯроки чорво ҷамъ карда шуд, ки ин назар бар соли гузашта 3163 т зиёдтар мебошад [8, 6]. Дар водии Аличури Мурғоб саршумори қутосҳо 95 сарро ташкил кард [8, 9].

Дар асоси қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон “Барномаи инкишофи зоти нави ҳайвонот дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2016-2020” [9, 8] тибқи фармони вазорати хоҷагии қишлоқи ҷумҳурӣ аз 3 июни соли 2016, №57 “Оиди ташкили хоҷагии бузпарварӣ» гузаронидани бузҳои маҳинпашми тоҷикӣ аз хоҷагии давлатии зотпарварии ба номи Т. Эрайигитови н. Ашти вилояти Суғд 100 сар буз ба баланси н. Ишқошим гузаронида шуда, дар д. Дашт филиали муассисаи мазкур ташкил ва сардори он аз 16 сентябри соли 2016 Боймамадов Ҷ. таъйин шуд [9, 2].

Дар соли 2016 барои муайян кардани касалии бруселёз таҳлили лаборатории 23102 сар ҳайвони калон ва 22924 сар ҳайвони хурд гузаронида шуд. Дар натиҷа 238 сар ҳайвони калон ва 58 сар моли майда ба қуштори маҷбурӣ дар ҷойҳои махсуси байтории барои ин кор ташишуда дода шуда, санади махсус дар ин бора тартиб дода шуд [9, 8].

Дар соли 2016 дар ВМКБ барфи беҳад зиёд борида аз 25 ноябр то моҳи апрели соли 2017 ҳаво он қадар сард шуд, ки дар Дарвоз 24 сар моли майда ва Мурғоб 18 сар ҳайвони калон ва 40 сар моли майда талаф ёфтанд [10, 6].

Дар тамоми хоҷагиҳои вилоят дар охири соли 2017 – 119655 сар ҳайвони калони шохдор, аз он ҷумла 41346 сар гов, 24563 сар қутос, 399487 сар бузу гӯсфанд, 130145 сар парранда, 329 сар асп, 6705 оила занбури асал вучуд доштанд. Ин нишондиҳанда назар бар соли 2016 ҳайвони калони шохдор 3577 сар, аз онҳо 817 сар гов, 249 сар қутос, 8837 сар бузу гӯсфанд, 3666 сар парранда зиёд аст. Дар хоҷагиҳо 9712 сар гӯсола, 65564 сар бузу бузғола гирифта шуд, ки ин назар бар соли гузашта 118 сар гӯсола, 776 сар барра ва бузғола зиёд аст. Дар ин давра истеҳсоли гӯшт бо вазни зинда то 1490 т, шир 2033 т, тухм 526 ҳаз. дона, пашм 30 т, ки назар бар соли пешина гӯшт то 35 т, шир то 30 т ва тухм то 16 ҳаз. дона бештар аст [10, 5].

Дар ВМКБ нуқтаҳои махсуси бордоркунии сунъии ҳайвонот ташкил шуда, дар онҳо 142 сар гов, аз ҷумла дар ноҳияҳои Дарвоз – 22, Ванҷ – 49, Рӯшон – 13, Шуғнон – 28, Роштқала – 6 ва ш. Хоруғ – 14 сар ҳайвонот бордор ва дар натиҷа 86 сар гӯсолаҳои нави зотӣ рӯёнда шуданд.

Ба соҳаи паррандапарварӣ аз соли 1991 то 2007 10 хоҷагии деҳқонӣ машғул буданд, вале онҳо талаботи аҳолиро бо тухму гӯшт қонеъ кардан натавонистанд [22, 3]. Аз ин сабаб Вазорати хоҷагии қишлоқ дар соли 2013 дар н. Ванҷ сеҳи инкубатсионӣ ташкил карда, он дар се баст дар як шабонарӯз кор карда, танҳо дар соли 2013 ба хоҷагиҳои вилоят 6500 сар ҷўча фурӯхтанд [4, 6].

Солҳои 80-уми асри XX дар деҳаи Бунии н. Шуғнон фабрикаи мурғпарварии замонавӣ сохта ба истифода дода шуда буд, вале баъди барҳам хӯрдани СССР ва баҳусус сар шудани ҷанги бародаркуш дар ҷумҳурӣ он тамоман вайрон карда шуд. Акнун онро дар соли 2013 соҳибкор аз ш. Хоруғ К. Чиниев аз нав барқарор намуда, бо ёрии Вазорати кишоварзӣ 5000 сар ҷўча гирифта, корро аз нав шурӯъ намуд. Соҳибкор Х. Ашрафбеков аз д. Тангии н. Шуғнон сеҳи собики мурғпарварии деҳаашонро бозсозӣ намуда, он ҳам ба истеҳсоли маҳсулот шурӯъ намуд [3, 4].

Баъди барҳам хӯрдани СССР дар ВМКБ ба соҳаи занбури асалпарварӣ кам диққат меоданд. Танҳо дар соли 2009-2013 дар н. Қалъаи Хум ба ин кори ғоиданок тавачҷуҳ меодагӣ шуданд. Барои инкишофи асалпарварӣ ба 89 хоҷагӣ қарзи дарозмуддат ба маблағи 657, 4 ҳаз. сомонӣ дода шуд. Ин боиси он шуд, ки соли 2013 дар ноҳия 1858 оила занбури асал парвариш шуда, 34 т. асали аз ҷиҳати экологӣ тоза ба даст оварда шуд [13, 9]. Аз соли 2011 бо ёрии КВД «Асали Тоҷикистон» ба хоҷагиҳои н. Шуғнон 30 оила занбури асал, соли 2012 – 70 оилаи занбури асал, аз ҷумла барои н. Шуғнон – 40, Ванҷ – 20 ва Хоруғ – 10 оилаи занбури асал ҷудо карда шуд [3, 4-5].

Баҳшида ба 20-солгании истиқлолияти кишвар тибқи супориши Ҳукумати Ҷумҳурӣ аз 4 июли соли 2011, № 24385 (13-14) дар маркази тамоми шаҳру ноҳияҳои ҷумҳурӣ «Иди асал-2011» баргузор гардид. 2-3 сентябри соли 2011 дар ш. Душанбе ҷамъбасти конкурси ҷумҳуриявӣ «Иди асал-2011» гузаронида шуда, дар он асалпарварони вилоят низ ширкат намуда, бо асали аз ҷиҳати экологии тоза ҷои сеюмро ишғол намуданд [3, 2].

Аз соли 2011 сар карда Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ВМКБ ба моҳипарварӣ диққати ҷиддӣ меодагӣ шуд. Бо ёрии КВД “Моҳии Тоҷикистон» ба хоҷагиҳои моҳипарварии вилоят 1 млн. дона кирминамоҳичаҳо, аз ҷумла 300 ҳаз. дона ба хоҷагиҳои моҳипарварии н. Ванҷ (А. Пиров), 700 ҳаз. дона ба н. Рӯшон (Ҷ. Мавлододов) дода шуданд [3, 4]. Соли 2012

Ассотиатсияи моҳигирони вилоят дар сафҳои худ 6 хоҷагиро муттаҳид мекард. Дар ин сол хоҷагиҳои моҳипарварӣ бо номи «Друмкул» ва «Трумтайкул»-и н. Роштқалъа, «Вахон» дар н. «Ишкошим», «Суман» дар н. Мурғоб ва хоҷагиҳои алоҳида 70 т моҳӣ ба савдо бароварданд. Барои Ассотиатсияи моҳигирони вилоят 2 заврақ ва 35 тӯри моҳигирӣ аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии ҷудо карда шуд [5, 4-5]. Соли 2014 хоҷагиҳои номбурда 108,5 т моҳӣ истеҳсол намуданд, ки ин назар бар соли гузашта 101,0 % зиёд буд [7, 4-5]. Соли 2013 хоҷагиҳои моҳипарварии қ. Удоби н. Ванҷ аз КВД «Моҳии Тоҷикистон»-и Вазорати кишоварзии кишвар 4000 дона, дар қ. Ёмчи н. Шугнон ба соҳибкори хусусӣ Ф. Ниёзмамадова 3500 дона моҳӣ, ба хоҷагии деҳқонии «Ҷамшед»-и н. Рӯшон 5000 дона моҳӣ ҷудо карданд. Соли 2015 истеҳсоли моҳӣ дар вилоят то ба 109 т. расонида шуда [8, 6], бо мақсади инкишофи минбаъдаи соҳаи моҳипарварӣ аз ҷониби Агентии захираҳои моддии назди Ҳукумати ҶТ дар соли 2016 барои Ассотиатсияи моҳигирони вилоят 1 адад мошини махсус - рефрижератори тамғаи «Фотон» ҷудо карда шуд [9, 2].

Дар баробари муваффақиятҳо дар аввали асри ХХI дар соҳаи хоҷагии кишлоқи ВМКБ чунин камбудихо ба назар расида буданд:

1. Тибқи қарори машварати Коллегии Раёсати кишоварзӣ аз 7 июли соли 2014, №2 бояд дар тамоми хоҷагиҳо фермаҳои махсуси бўрдоқиқунонии чорво ташкил карда мешуданд, вале ба ғайр аз н. Ванҷу Дарвоз дар ягон ноҳия ин кор амалӣ карда нашуд;

2. Ба бонки давлатӣ пурра баргардонида натавонистани маблағи қарзии пулии соли 2012-и картошкаи тухмии аз вилояти Ҷонии вилояти Суғд гирифташудаи хоҷагиҳои вилоят буд. То моҳи апрели соли 2017 қарздорӣ бонкӣ 42,3% ва бақияи он дар квартали 1 соли 2017 286 ҳаз. сомониро (57,7%) ташкил кард; [10, 8]

3. Сарфи назар аз иҷрои алоҳида корҳои анҷомдодашуда оиди мубориза бо касалии чорво – бурселлёз дар хоҷагиҳои Дарвоз, Ванҷ, Шугнон ва Мурғоб Ҷавт ва куштори маҷбурии чорво ҳоло ҳам ба назар мерасанд [10, 8].

Ислоҳи камбудихои номбурда имкон медиҳад, то соҳаи кишоварзии вилоят боз ҳам бештар ҳубтар тараққӣ намояд.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. Антоненко Б.А. Социалистические аграрные преобразования в ГБАО / Очерки по истории Советского Бадахшана. - Душанбе: Ирфон, 1981. – 350 с.
2. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ба ММХД. Ҳисоботи Управленияи хоҷагии кишлоқи ВМКБ барои солҳои 2006-2008. – 302 с.
3. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оиди ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ дар давоми соли 2013. – 361 с.
4. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оиди ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ дар соли 2011. – 298 с.
5. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оиди ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ дар давоми соли 2012. – 401 с.
6. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисоботи Управленияи хоҷагии кишлок дар солҳои 1992-2008. – 250 с.
7. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оид ба таҳлили ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон дар соли 2014. – 324 с.
8. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оид ба ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ дар соли 2015. – 394 с.
9. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оид ба ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ ва сохторҳои соҳавии он дар соли 2016. – 385 с.
10. Архиви ҷорӣи Ҳукумати ВМКБ. Ҳисобот оид ба ҷамъбасти ғайолияти Раёсати кишоварзии ВМКБ дар семоҳаи аввали соли 2017. – 32 с.
11. Бадахшони Советӣ, 1991. 9 феврал. – 4 с.
12. Баҳромов З. М. Социально-экономическая и культурная жизнь ГБАО Республики Таджикистан в годы независимости (1991-2008 гг.). Автореферат дисс. на соиск. учёной степени к.и.н. - Душанбе. – 24 с.
13. Лутфалиев Д. Бунёдкорӣ дар Сағирдаит идома дорад. – Бадахшони Советӣ, 2013. – 4 с.
14. Налоговый кодекс Республики Таджикистан. – Душанбе, 2005. – 163 с.
15. Предпосылки и экономические основы социальной защиты населения в условиях становления рыночных отношений. – Душанбе, 1999. – С. 38- 67.

16. *Программа поддержки развития обществ горных регионов. Годовой отчет MSDSP за 2005 г.* – 12 с.
17. *Развитие горных регионов: проблемы и перспективы (Материалы семинара).* – Душанбе: Ирфон, 2006. – 312 с.
18. *Растет поголовье домашнего скота и производство продукции животноводства.* - Газ. Импульс, № 64 (70) 2009. – 23 с.
19. *Раҳмонов Э. Тоҷикистон: чор соли истиқлолият.* – Душанбе: Ирфон, 1995. – 342 с.
20. *Раҳмонов Э. Экономические реформы - веление времени.* – Душанбе: Ирфон, 1998. – 28 с.
21. *Собирова К. Вклад фонда Ага Хана в развитие ГБАО.* Душанбе: Матбуот 2005. – 174 с.
22. *Текущий архив MSDSP. Годовой отчет за 2001 г.* – 352 с.
23. *Текущий архив Хукумата ГБАО. Отчеты Комитета по делам женщин и семьи области за 1995-2000 гг.* – 16 с.
24. *Текущий архив Хукумата ГБАО. Отчеты Комитета по делам женщин и семьи области за 1996-1997 гг.* – 13.
25. *Хучасаидова Н. Участие женщин ГБАО в общественно-политической, культурной и экономической жизни Республики Таджикистан (1991-2008гг.): Автореф. дис. на соиск. канд. ист. наук - Душанбе, 2008.* - 24 с.

07.00.06 – БОСТОНШИНОСӢ

07.00.06 – АРХЕОЛОГИЯ

07.00.06 – ARCHEOLOGY

**ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО
ВЕКА НА КРЫШЕ МИРА:
К ВОПРОСУ
О ЗАСЕЛЕНИИ
ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ
ВОСТОЧНОГО ПАМИРА**

ШНАЙДЕР Светлана Владимировна,

к.и.н., научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск); **САЙФУЛОВЕВ Нуритдин Назурлович,** к.и.н., заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан, Душанбе).

**ӒДГОРИҲОИ АСРИ
САНӒӢ ДАР БОМИ ҶАҲОН:
БА МАСОИЛИ
МАСКУНШАВИИ ОДАМИ
ИБТИДОӢ ДАР
ПОМИРИ ШАРӒӢ**

ШНАЙДЕР Светлана Владимировна,

н.и.т., ходими илмии Институти бостоншиносии ва мардумшиносии АИР (Россия, Новосибирск); **САЙФУЛОВЕВ Нуритдин Назурлович,** н.и.т., мудири шуъбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академии илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (Тоҷикистон, Душанбе).

**SITES OF THE STONE AGE
ON THE ROOF OF THE WORLD:
ON THE QUESTION
OF THE OCCUPATION OF
THE ANCIENT MAN OF
THE EASTERN PAMIRS**

SHNAYDER Svetlana Vladimirovna,

candidate of historical sciences, research scientific of the Institute of archaeology and ethnography Academy of Sciences of the Republic of Russia (Russia, Novosibirsk); **SAYFULOEV Nuritdin Nazurloevich,** candidate of historical sciences, Head of the archaeology department of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe),

E-MAIL: sveta.shnayder@gmail.com; sayfulloev.nuritdin@gmail.com

Ключевые слова: каменный век, высокогорье, западная часть Центральной Азии, Восточный Памир, технология расщепления, каменные орудия.

Согласно последним исследованиям человек стал расселяться в районе высокогорий в период финального плейстоцена – раннего голоцена. В частности, первые поселения в Андах на высоте около 4000 м над уровнем моря датируются около 12 тыс. лет до н.э., первые поселения на Тибете датируются ок. 13 тыс. лет до н. э. На территории западной части Центральной Азии выделяются несколько высокогорных районов – это Памир и Алайская долина. В 2018 г. таджикско-российской экспедицией проведено изучение известных ранее памятников каменного века на территории Восточного Памира (высота 3900–4200 м над уровнем моря). Согласно результатам проведенных работ данные материалы отражают непрерывное заселение региона начиная с 13,8 до 7,2 тыс. лет до н. э.

Калидвожаҳо: асри санӒӢ, баландкӯҳ, қисмати гарбии Осиёи Марказӣ, Помири ШарӒӢ, усули таҷзиякунӣ, олотҳои санӒӢ.

Тибқи маълумоти тадқиқотҳои охири одам дар ноҳияҳои баландкӯҳ дар охири давраи плейстосен – голосени барвақта маскун гардидааст. Масалан, маскуншавии аввал дар кӯҳҳои Анд, дар баландии қариб 4000 м аз сатҳи баҳр 12 ҳазор сол пеш, дар Тибет қариб 13 ҳазор сол пеш ба амал омадааст. Дар ҳудуди қисмати гарбии Осиёи Марказӣ ноҳияҳои баландкӯҳи Помир ва Олой мавқеъ доранд. Дар соли 2018 экспедитсияи муштараки тоҷикӣ-русӣ омӯзиши Ӓдгориҳои қаблан маълуми асри сангиро дар ҳудудҳои Помири ШарӒӢ (баландии 3900-4200 м аз сатҳи баҳр) анҷом дод. Тибқи маълумоти натиҷаҳои корҳои ба анҷом расида маводи мазкур маскуншавии бифосилаи минтақаро оғоз аз 13,8 то 7,2 ҳазор сол пеш аз милод инъикос мекунамд.

Key words: Stone Age, highlands, Western part of Central Asia, Eastern Pamirs, splitting technology, stone tools

According to recent studies, people began to settle in the highlands during the final Pleistocene – early Holocene. In particular, the first settlements in the Andes at an altitude of about 4000 m above sea level date back to about 12 thousand years, the first settlements in Tibet date back to about 13 thousand years. In the Western part of Central Asia, there are several mountainous areas – the Pamirs and the Alai valley. In 2018, the Tajik-Russian expedition conducted a study of previously known Stone Age sites in the Eastern Pamirs (height 3900-4200 m above sea level). According to the results of the work, these materials reflect the continuous occupation of the region from 13.8 to 7.2 thousand years.

Освоение высокогорий является одной из наиболее дискутируемых и актуальных тем в современной археологии [9.179]. Так, первые поселения в Андах на высоте около 4000 м над уровнем моря датируются около 12 тыс. лет до н. э. [15. 466-469], возраст первых поселений в Тибете – около 12,5 тыс. лет до н. э. [14. 64-67]. Согласно последним данным, освоение высокогорных ландшафтов в западной части Центральной Азии вероятнее всего произошло значительно раньше.

На территории западной части Центральной Азии к высокогорным районам относится Памир (средние высоты – 3000-4500 м над уровнем моря, максимум 7495 м, Пик Исмаила Сомони) и Гиссаро-Алая (высота 3000-3500 м над уровнем моря, максимум 5489 м, г. Чимтарга).

Климат региона высокогорный, суровый, резко континентальный. В высокогорье, выше 2500 м (Центральный и Восточный Памир, большая часть Гиссаро-Алая, а также разделяющая их Алайская долина), климат континентальный. Лето короткое и холодное, в ряде наиболее холодных районов (Шаймак, Каракуль, Булункуль) безморозный период вообще отсутствует. Горные районы отличаются большим разнообразием как в сроках наступления и окончания периодов с различными температурами, так и в отношении длительности этих периодов. Сложность рельефа и разнообразие высот обуславливают значительную неравномерность выпадения осадков в отдельных районах. Традиционным типом хозяйствования здесь является скотоводство, ориентированное на разведение овец, коз (фото 1) и яков (фото 2).

Фото 1. Вид Восточного Памира на высоте 4300 м над уровнем моря.

В отличие от западного Памира активно посещаемого многочисленными русскими и европейскими экспедициям в XIX-XX вв., первый шаг в раскрытие тайн древней истории Восточного Памира был сделан в 1946 г. археологом, востоковедом, этнографом, блестящим ученым А.Н. Бернштамом. На основе полевых исследований, посвященных в основном поискам могильников сакского времени, А.Н. Бернштам высказал мнение, что на Восточном Памире должны быть и памятники каменного века.

Определяя стратегию дальнейшие изучения Мургабского района, он выделил три основных задачи, одна из которых заключалась в определении времени освоении человеком его территории [2]. В последующие годы активное изучение памятников каменного века этого сурового региона проводились

археологами В.А. Рановым, В.А. Жуковым, работавшими в тесном контакте с геологами и палеоботаниками. Большой вклад в изучение природной среды обитания древнего человека внесли А.А. Никонов, Л.Ф. Сидоров, М.М. Пахомов, О.Е. Агаханянц, С.П. Ломов и другие [3. 17-26]. Такое содружество, обычное при исследованиях и других территорий, приобретало еще большую остроту, поскольку на первый план выдвигался вопрос о возможности существования людей в суровых условиях Восточного Памира и, когда оно стало возможным исходя из палеоэкологии края [1.505-509; 7.62-63; 11.95-126].

Фото 2. Як на летовке (Восточный Памир, высота около 4400 м над уровнем моря).

Высокогорные районы Памира являются одним из наиболее труднодоступных районов земного шара. Низкие температуры, зимой опускающиеся за 50 градусов, сильнейшие ветра, разреженность воздуха – это те тяжелые условия, с которыми приходилось сталкиваться первобытному человеку и, которые трудно пережить даже современному населению. В разделе «Каменный век» книги «История Горно-Бадахшанской Автономной области» В.А. Ранов приводит цитату из одной публикации, посвященной этому вопросу: «Возникает вопрос – являлись ли люди, делавшие эти палеолитические орудия, особой человеческой расой, приспособившейся для жизни на больших высотах, или палеолитические местонахождения были подняты после палеолитической эпохи на высоту, где сейчас жить чрезвычайно трудно» [13. 162-163].

На Восточном Памире археологами было открыто и изучено около 60-ти разновременных археологических памятников, различных по категориям – это стоянки открытого типа, привязанные к пещерам, гротам, навесам, большие и маленькие местонахождения и пункты с единичными каменными орудиями. Большая часть памятников – это подъемные комплексы из разрушенных культурных слоев и только две стоянки их сохранившие – это Ошхона и Истыкская пещера, причем они обе являются маркерами двух противоположных по своим техническим параметрам культур периода раннего голоцена.

Раскопки на памятнике Ошхона проводились в 1957–1960 гг. под руководством В.А. Ранова, а в 1975-1976 гг. были продолжены В.А. Жуковым [7. 6-25; 4.39-49; 5. 31-40]. Площадь раскопа составила 563 м², артефакты залегали на глубине около 0,2-1,5 м от поверхности и были распределены по четырем культурным горизонтам. По мнению основного исследователя стоянки В.А. Ранова, горизонты являются практически одновременными. В публикациях он рассматривает каменный инвентарь в совокупности. В индустрии Ошхоны исследователь отмечает присутствие двух технокомплексов. Первый характеризуется многоплощадочными ядрищами, скреблами с прямыми и выпуклыми лезвиями, скобелями типа рабо. Второй технокомплекс ориентирован на получение микропластинчатых снятий с торцовых, торцово-клиновидных и призматических нуклеусов. Среди орудий доминируют концевые скребки с широким выпуклым лезвием, пластинки с выемками, проколки. Особое место в орудийном ансамбле занимают тонкие в сечении наконечники стрел листовидной, овальной, веретенообразной и подтреугольной формы. Для второго горизонта Ошхоны была получена радиоуглеродная дата 9530±130 л.н. (РУЛ-280) [8.24; 9.146]/ для третьего – 7380±150 л.н. (LE-1265) и 7095±120 л.н. (LE-1266) (некалиброванные значения) [12].¹ Согласно мнению В.А. Ранова, индустрии Ошхоны соответствует наиболее древняя датировка, и именно эта точка зрения закрепились в историографии Памира [10].

В 1975 г. В.А. Жуковым на левом берегу р. Сулистык, протекающей в юго-западном углу Восточного Памира, была обнаружена Истыкская пещера (рис. 3) [5. 31-40].

Пещера располагается над современным уровнем воды на 7–12 м, абсолютная высота над уровнем моря – 4060 м. В пещере было выделено семь литологических слоев, которые содержали 4 культурных горизонта.

На основе сходств археологического материала четыре культурных горизонта объединяются в две группы. Первый и второй горизонты по типологии орудий близки к материалам, представленным на стоянке Ошхона.

Фото 3. Стратиграфический разрез в Истыкской пещере, северо-восточная стенка.

Здесь также выделяются призматические, торцовые и карандашевидные нуклеусы для пластинок и микропластин. В орудийном наборе были выделены концевые скребки, выемчатые орудия, пластинки и микропластины с ретушью, единичные экземпляры наконечников, чопперов и чоппингов. Материалы третьего и четвертого слоев характеризуются призматическими ядрищами для мелкопластинчатых заготовок, которые не утилизировались до предела, как в верхних горизонтах. В орудийном ансамбле

доминируют концевые скребки и острия туткаульского типа, выемчатые орудия, пластинчатые сколы с ретушью [6.51-64].

В последние годы участниками исследовательского коллектива, состоящего из сотрудников ИАЭТ СО РАН, было проведено повторное изучение материалов Истыкской пещеры и стоянки Ошхона, полученных в советское время. Для нижних комплексов Истыкской пещеры на настоящий момент получены две датировки по костям из раскопок В.А. Жукова, которые были промаркированы «нижний горизонт», их точную принадлежность к третьему или четвертому слою на настоящий момент установить невозможно. Даты укладываются в диапазон 13,8-13,4 тыс. до н. э. и демонстрируют наиболее раннее свидетельство присутствия человека на территории Памира. При этом, судя по полученным датировкам, человек стал проживать на Памире (на высоте 4000 над уровнем моря) на тысячу лет ранее, чем освоил Тибетское нагорье. Помимо этого аспекта, материалы Истыкской пещеры играют исключительную роль в доказательстве асинхронного существования в регионе комплексов с геометрическими и негеометрическими микролитами, поскольку она является единственным памятником в регионе, где представлено оба комплекса.

Таким образом, по мнению одного из авторов статьи - С. Шнайдера, суммируя все имеющиеся данные на настоящий момент по обозначенному региону и проблематике можно сказать, что впервые освоение высот более 4000 м над уровнем моря фиксируется ок. 13,8 тыс. лет до н.э. популяцией, которая активно использовала геометрические микролиты. Позже, вплоть до 7, 2 тыс. лет до н.э., этот регион активно обжился представителями другой популяции, материальные останки которой также имеются на территории Киргизии, в частности на территории Ферганской долины (археологические памятники Обишир-5 и Обишир-1). На настоящий момент огромный массив вопросов остается открытым – это реконструкция направлений и времени миграций в высокогорные районы запада Центральной Азии, детальная характеристика материальной культуры и адаптационных стратегий древнего человека, выявление связей между сменой популяций и ландшафтно-климатической динамикой. Для решения поставленных вопросов необходимо проведение детального анализа старых коллекций и осуществление новых полевых работ на обозначенных объектах, которые планируется продолжить исследовательским коллективом Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистана и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук в ближайшие несколько лет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Абсолютные даты по Ошхоне взяты из статьи Ф. Брюнет [12.13]. В работах В.А. Ранова они отсутствуют

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Агаханянц О.Е., Пахомов М.М., Трофимов А.К. К палеоэкологии Памира в голоцене // Изв. ВГО. – 1964. – Т. 96, вып. 6. – С. 505-509.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.– Л., 1952 – 364 с.: ил., табл., карты – (МИА, № 26).
3. Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской Автономной области. Восточный Памир. – Душанбе, 2015. – С.17-26.
4. Жуков В.А. Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда в 1975 г. (раскопки стоянки Ошхона) // АРТ (1975 г.). – Вып. 15. – С. 39-49.
5. Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. – 1982. – Вып. 16. – С. 31–40.
6. Жуков В.А. Раскопки пещеры Истыкская (1978-1979 гг.) // АРТ (1979 г.). – Вып. 19. – 1986. – С. 51-64
7. Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. О палеогеографических условиях Северного Памира в раннем голоцене по результатам изучения мезолитической стоянки Ошхона // ДАН Тадж. ССР. – 1977. – Т. 20, №5. – С. 62-63.
8. Ранов В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1960 г. – 1962. – № 8. – С. 6–25.
9. Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – 1975. – № 16. – С. 148-149.
10. Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе, 2005. – 252 с.
11. Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека // Страны и народы Востока. – М., 1965. – Вып. 4. – С.95-126.
12. Brunet F. Asie Centrale: vers une redefinition des complexes culturels de la fin du Pleistocene et des debuts de l'Holocene // Paléorient. – 2002. – Vol. 28/2. – P. 9–24.

13. Chiu – Chung-Lang. *Discovery of Palaeoliths on the Tibet-Tsinghai plateau // VerterbrataPalasiatica.* – 1958. – Vol. 2, №2-3. – P. 162-163.
14. Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. *Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // Science.* – 2017. – Vol. 355, Issue 6320. – P. 64–67 DOI: 10.1126/science.aag0357
15. Rademaker, K., Hodgins, G., Moore, K., Zarrillo, S., Miller, C., Bromley, G.R.M., Leach, P., Reid, D.A., Álvarez, W.Y., Sandweiss, D.H. *Paleoindian settlement of the highaltitude Peruvian Andes.* – 2014. – *Science* 346, 466–469.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ В СЕЛЕНИИ САРМАЙДОН МУМИНАБАДСКОГО РАЙОНА **ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура Урунович,**
старший научный сотрудник отдела археологии
Института истории, археологии и этнографии им.
А. Дониша АН РТ, (Таджикистан, Душанбе)

ХУМДОНИ ХИШТПАЗИИ АСРИМИЁНАГӢ ДАР ДЕҲАИ САРМАЙДОНИ НОҲИЯИ МӢМИНОБОД **ХӢҶАГЕЛДИЕВ Тура Ӯрунович,**
ходими калони илмии шуъбаи бостонишиносии
Институтуи таърих, бостонишиносӣ ва
мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ Ҷумҳурии
Тоҷикистон, (Тоҷикистон, Душанбе)

MEDIEVAL KILN FOR BRICK BAKING AT THE SETTLEMENT OF SARMAIDON IN MUMINABAD DISTRICT **KHUGELDIEV Tura Urunovich,**
research scientific of the Department of archaeology of
the Institute of history, archaeology and ethnography
Academy of Sciences, Republic of Tajikistan,
(Tajikistan, Dushanbe, **E-MAIL:** tura959@mail.ru.

Ключевые слова: Южный Таджикистан, Муминабад, средневековье, печь, обжиг кирпичей, камера, арка, продольно-поперечная система.

В статье приводится описание кирпичеобжигательной печи, раскопанной автором в ходе археологических разведок в Муминабадском районе в 2014 г. Изучение конструкции и планировки печи позволили реконструировать процесс одного из вариантов обжига кирпичей в IX-XI вв. на юге Таджикистана.

Калидвожаҳо: Тоҷикистони Ҷанубӣ, Мӯъминобод, асрҳои миёна, хумдон, хиштпазӣ, камера, равоқ, системаи дарозию кӯндаланг.

Дар мақола тасвири хумдони хиштпазӣ, ки дар рафти тадқиқоти бостонишиносӣ дар ноҳияи Мӯъминобод дар соли 2014 аз ҷониби муаллиф бозёфт гардида буд, оварда шудааст. Омӯзиши сохтор ва тарҳкашии хумдон барои гузарондани таҷдиди яке аз намудҳои пухтани хиштҳо дар асрҳои IX-XI дар ҷануби Тоҷикистон имконият додааст.

Key words: Southern Tajikistan, Muminabad, Medieval, kiln, brick baking, chamber, arch, longitudinal and transversal system.

The description of the kiln for brick baking found and excavated by the author during the archaeological survey in Muminabad district in 2014 is conducted in this article. The study of the construction and planning of this kiln allowed to make reconstruction the process of one of the type of the baking between the 9th and 11th centuries in Southern Tajikistan.

Ремесленное производство на юге Таджикистана в IX-XI вв. тесно связано с широким использованием обожженного кирпича в качестве строительного материала при возведении крепостей, дворцов, мавзолеев, бань, вымостке площадей. Подавляющая масса раскопанных в республике обжигательных печей относится к производству керамических сосудов, поэтому вызывают интерес раскопки печи для обжига кирпичей на северо-восточной окраине селения Сармайдон, проведенные автором в 2014 г. в рамках составления археологической карты Муминабадского района при участии М. Талабова, инспектора по охране исторических памятников при Хукумате района. Печь вырыта в основании обрыва высокого лёссового холма, примыкавшего к северной обочине асфальтированной дороги, в 5,5 км от Муминабада в сторону Куляба. Печь отнесена к кирпичеобжигательной из-за наличия в завале камеры множества фрагментов жженных кирпичей (27x21-22x4,5-5 см), иногда спекшихся между собой, а также отсутствие фрагментов керамических сосудов (кроме одного) и приспособлений для их обжига. Печь является однокамерной, периодического действия. Географические координаты местонахождения: 38°3'41" с.ш., 70°0'32" в.д.

Первые сведения о кирпичеобжигательных печах на юге Таджикистана опубликованы в конце 50-х годов прошлого века Н.Н. Негматовым, исследовавшим частично разрушенное округлое сооружение в Пянджском районе. Были расчищены остатки стен с сильно прокаленной внутренней поверхностью, сложенных из кирпичей 23x23x4 см. Из завала извлечены обломки кирпичей, кирпичный шлак и один

медный сосуд, что позволило автору отнести печь к кирпичеобжигательной и датировать XVI-XVII вв. [9, 169]. Намного лучшей сохранности оказалась печь IX-XI вв., раскопанная Д. Довуди в 2004 г. в Файзабадском районе. Обжигательная и топочная камеры печи вырыты в грунте, топочное устье дополнительно выложено из жженных кирпичей [5, 212-213, рис. 8]. К кирпичеобжигательной печи отнесена также одна из семи раскопанных двухъярусных конструкций в селении Шахристан на севере Таджикистана [13, 321].

Изучение обжига средневековых кирпичей широко представлено в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане. Практически все они представлены двухкамерными конструкциями одно- или двухъярусного типа, довольно внушительных размеров – длина 4-7 м, ширина 2-5 м, с производительностью 3-5 тыс. кирпичей за одну загрузку [1; 2, 82; 6, 205; 7, 349; 11, 227; 12, 149; 16, 84]. В Таджикистане, Фергане, Туркмении печи для обжига кирпичей традиционно называют также как и печи для обжига керамики – «хумдан» («хумдон»), то ремесленники Хорезма и Чуйской долины Казахстана именуют их «хумбуз» [1; 4, 380].

Как показали раскопки в Сармайдоне, топливом для обжига кирпича в основном служил уголь. Прimitивную форму обжига кирпича приводят некоторые исследователи, наблюдавшие, как местные жители укладывали сырец в штабель, в промежутки между ними насыпали уголь, весь штабель обмазывали глиной, делали дымоходы и поджигали уголь [8, 43; 11, 238].

На начало раскопок место расположения печи представляло собой заметно просматриваемое пятно интенсивной окраски в обрыве высотой 2-2,5 м, обнажившемся при срезе основания лёссового холма бульдозером при прокладке бульдозером грунтовой дороги в 90-е годы XX в. В результате раскопок выявлена небольшая камера прямоугольного плана (1,7х0,95 м, высота до 1,85 м), вытянутая по направлению юг-север (фото 1). О длительности и интенсивности обжига свидетельствует большая толщина ошлакованности лёссовых стенок камеры (7-8 см), местами с клинкерными потеками на их поверхности (Фото 1).

Фото 1. Вид печи с южной стороны.

Для выяснения ситуации над камерой на склоне холма был заложен раскоп 4х2,5 м, длинной стороной поперек склона. В северной стенке раскопа на глубине 1,3 м было расчищено небольшое углубление с 3 гальками (отм. 2,80 м) (рис. 1.к). Ниже на 30-35 см вдоль северной стенки раскопа (отметка 2,45 м) была выявлена плотная поверхность, на которой расчищены разбросанные по площади 7 галек средних размеров (рис. 1.л). По высоте этот уровень примерно на 60 см выше свода камеры. Каких-либо конструкций или слоев со следами обжига не обнаружено. Углубление раскопа продолжилось еще на 30 см, и было прекращено во избежание разрушения верха камеры. Скорее всего, уровень раскопа на отметке 2,45 м являлся верхней рабочей площадкой, на поверхность которой из камеры выходили устья дымо- и жароотводящих каналов. Согласно технологии, в зависимости от стадии обжига требовалось полное или частичное закрытие устьев [15], и обнаруженные в раскопе гальки видимо использовались для этих целей. Устья каналов не сохранились в связи с тем, что после использования печи их стенки постепенно разрушались от стекающих со склона атмосферных осадков и обрушались через каналы вниз, внутрь камеры.

Загрузочный лаз располагался с южной стороны, сохранился лишь его правый край, отступающий от юго-восточного угла камеры на 15 см (рис. 1.з). Он служил для загрузки кирпичей для обжига и выгрузки их после остывания, а еще ранее, при строительстве печи, для разработки и выброса грунта наружу. Из условия симметрии камеры ширина лаза составляла около 70 см. Его положение по высоте должно было обуславливаться возможностью загрузки самого верхнего ряда кирпичей, поэтому верх лаза должен быть вровень со сводом, либо на 5-10 см ниже его.

В камере пол ступенчатый. В северной ее половине устроена полка-уступ (рис. 1.б), с небольшим подъемом поверхности к тыльной стенке, поверхность коричневатого-красного цвета, с большим содержанием угольков и крапинок извести, местами с кусками серой мелкозернистой золы с тонкими прослойками. В южной половине камеры устроена топка (рис. 1.а), врытая в землю на 15 см ниже полки, поверхность покрыта 3-4-х см слоем углевого шпата. Высота камеры у северной стены составляла 1,65 м, в топке – 1,85 м.

Свод камеры горизонтальный, его подпирают 3 арки шириной около 30 см, выбитые в лёссе через 25-30 см. Устои шириной 20-26 см, их основание фиксируется на продольных боковых стенках в 35-40 см от свода. Первая от загрузочного лаза арка, судя по ее правому останцу, была полуциркулярной (рис. 1.е), две последующие выбиты на четверть циркуля, в западной стороне камеры они частично разрушены. В образовавшихся в продольных стенах по 4 пазуха (20-26x20-28, высота 35-40см) с уровня свода вверх отходят жароотводящие каналы диаметром 13-15 см. Сохранились лишь 10-15 см их длины с ошлакованными поверхностями.

Три ближние к загрузочному лазу пазуха были частично заполнены средней галькой (рис. 1.в; фото 2). Самые удаленные, северные, оказались пустыми – они служили дымоотводящими каналами. Дымоход усиливал пламя в топке и облегчал сгорание топлива, особенно на стадиях «окура». По мнению В.И. Сарияниди, у печей прямоугольной формы дымовая тяга всегда располагается на противоположной от топочного устья стороне камеры, это способствовало увеличению силы воздушной тяги и удалению копоти и сажи, тогда как у круглых печей подобные дополнительные конструктивные детали отсутствуют (Фото 2) [14, 317].

Приемник для подачи топлива снаружи в топку печи соответствует слою заполнения с угольками и кусками прожженной земли в основании южной лёссовой стены, по ширине камеры высота его составляла до 30 см (рис. 1.и). Проследить контур приемника снаружи не удалось из-за разрушения внешнего участка бульдозером. Для удобства подачи топлива с наружной стороны рядом с приемником обычно устраивают приямок [11, рис. 2].

Фото 2. Пазухи в восточной стене топочно-обжигательной камеры.

Таким образом, при такой конструкции под печи отсутствует, камера при этом является топочно-обжигательной. Преимущество подобной печи в том, что значительная часть тепла удерживалась окружающим камеру лёссом, что приводило к экономии топлива при обжиге последующей партии кирпичей.

Для реконструкции процесса обжига кирпичей в печи Сармайдона необходимо придерживаться присущей для печей прямоугольного плана продольно-поперечной системы жаропроводных каналов. Важным обстоятельством является наличие полосы интенсивного обжига, близкого к клинкерному, в нижней части тыльной стенки камеры. Это является результатом работы продольной системы жаропроводных каналов, созданной кирпичами первого ряда, жар на выходе из которых действовал на поверхность стенки камеры. В этом случае приемлемым будет использование порядка укладки кирпичей при пересыпном методе А.П. Пугачева, при котором зазор между кирпичами первого ряда составляет в среднем 15 см [15]. С такой шириной каналы в нашем случае будут собраны из 6 кирпичей, уложенных в ряд на ребро, длинной стороной (27 см) параллельно продольной оси печи. При ширине камеры 1 м таких каналов должно быть 4 (с учетом ширины кирпича 5 см, зазора между крайним каналом и боковой стенкой камеры 5 см). Ступенчатый характер пола в камере (высота 15 см) способствовал разделению канала по длине на два равных участка – нижний исполнял роль топки, участок на полке – жаропроводящего канала. При этом зазор между ними над ступенью (15x6-7 см) и наклонная поверхность полки способствовали усилению тяги потока жара из них, и далее через зазор между садкой и поверхностью тыльной стенки поступавшем наружу через северный дымо/жароотводящий канал.

Поперечную систему жаропроводящих каналов должны выполнять зазоры между кирпичами второго ряда, уложенными на длинное ребро поперек продольной оси камеры, и отчасти последующих по высоте рядов, в которых для устойчивости садки кирпичи укладываются в шахматном порядке, либо «елочкой». Подобную систему укладки автор наблюдал в 1982 г. при разгрузке печи на угольном топливе на кирпичном заводе в с. Юрчи на юге Узбекистана. Согласно методу А.П. Пугачева, зазоры между кирпичами во втором ряду садки составляют 3-5 см, в вышележащих – постепенно сужаются до 1 см. Каждый ряд (кроме нижнего и верхнего) пересыпается мелким каменным углем-штыбом, слой его над вторым рядом толщиной до 4 см, в средних рядах – более тонкие [15].

В завале над полкой обнаружены фрагменты из нескольких тонких мелкозернистых серых зольных прослоек, обычно образующихся от сгорания короткопламенных материалов. Скорее всего, на полу полки, перед рассыпкой слоя угля и укладкой по нему кирпичей, в качестве разжигателей расстилали слой либо из камыша, либо колючки или ветвей кустарника.

Устройство арок и жароотводящих каналов над топкой указывают, что пространство над ней не пустовало, а также использовалось максимально эффективно. В античное время заполнение подобного пустующего пространства также считалось целесообразным [3, 39]. Укладку кирпичей по рядам над каналами в топочном отсеке производили так же, как и в садке на полке. При ширине кирпича 21-22 см над каналами помещалось еще 6 рядов. Из-за малых размеров камеры верхние ряды кирпичей над топкой мастер должен был укладывать через загрузочный лаз-«ходку», находясь уже с наружной стороны. Затем лаз закладывали кирпичом и замазывали глиной.

Во избежание температурных перепадов и растрескивания сырца во всей технологической цепочке обжига кирпичей соблюдают несколько стадий с поддержанием требуемой температуры. *Первая стадия* – «окур», процесс просушки, когда при слабом огне (80-150°C) в течение 12 до 36 часов полностью удаляют из сырца влагу. *Вторая стадия* – «на дыму», подогрев сырца до 600°C для выпаривания из него органики и добавок. *Третья стадия* – «взвара», полное сгорание примесей при температуре обжига 950-1050°C. *Четвертая стадия* – «закал», выдержка после сгорания топлива, без дополнительной его заброски, продолжительность 1-3 суток. И, наконец, *пятая стадия* – охлаждение печи [15]. После выгрузки кирпичей камеру очищали от золы и угольного шпата. При каждой стадии обжига для регулирования температуры в камере существовал свой режим регулирования открытия/закрытия очелков топки и устьев жароотводящих каналов на верхней рабочей площадке. Все это способствовало хорошему качеству кирпичей. В малых печах, по мнению С.Б. Луниной, легко было регулировать процесс обжига [7, 356].

Для подсчета производительности печи за сезон необходимо знать продолжительность обжига одной загрузки. В ферганских хумдонах весь цикл занимал около 10 дней [10, 230], а в восточном Казахстане в XIX в. – 2-3 недели [6, 209]. Если минимальное время одного цикла обжига в Сармайдоне принять равным 10 дней, то стадия «окур» продолжалась около суток, сам обжиг – около 7 дней, остывание печи и кирпичей – до 2 дней. Количество кирпичей 27x21-22x4,5-5 см в камере, с учетом всех пространств, составляло около 500 штук. При этих показателях производительность одной печи за теплый период времени (~250 дней) составляла около 12,5 тыс. штук кирпичей в год. При условии повышенной потребности материала подобных печей могло быть несколько.

Тип печи в Сармайдоне указывает на выбор местных условий. Лёссовый массив служил источником сырья для изготовления кирпичей, а для их формовки и сушки мог использоваться значительный по площади ровный участок (майдан) западнее холма. Водой обеспечивали имеющиеся здесь родники.

Датирующим материалом для печи в Сармайдоне служат обнаруженные в завале печи фрагмент глазурованного сосуда со светло-зеленым цветом орнаментации под глазурью и обломки жженных кирпичей 27x21-22x4,5-5 см, имеющие аналогии во дворце средневекового Хульбука, датируемые IX-XI вв. [17, 119, 141,143].

Малые размеры печи в Сармайдоне и небольшая ее производительность указывают, что изготовление жженных кирпичей служило здесь для удовлетворения местных потребностей. Кирпич является тяжеловесным материалом, поэтому его перевозка для торговли на большие расстояния является затратной. Рациональным в этом случае является строительство небольших печей простой конструкции для удовлетворения потребностей кирпичом близлежащих селений. Раскопки печи позволили проследить технику и технологию производства жженных кирпичей высокого качества в IX-XI веках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акымбек Е.Ш., Савельева Т.В. Кирпичеобжигательная печь средневекового городища Актобе // Вестник КазНПУ. – 2017. – Эл. ресурс <https://articeekaz.com> (дата посещения 26 июля 2018 г.).
2. Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува II // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзбССР, 1962. – Вып. 3. – С. 80-86.
3. Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории 1929-1931 гг. – М. -Л., 1934. – 118 с. – (Изв. Государственной академии истории материальной культуры, вып. 80).
4. Джаббаров И.М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Керамика Хорезма. – М., 1959. – С. 379-398. – Тр. Хорезмской археологическо-этнографической экспедиции, т. IV.
5. Довуди Д. Археологические раскопки на городище Вашгирд в 2004 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: ПОО «Хумо», 2005. – Вып. XXX. – С. 205-233.
6. Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // Поволжская археология. – 2013. – №4(6). – С. 205-213.

7. Лунина С.Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // *Материалы по истории древней техники южного Туркменистана*. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркССР, 1958. – С. 349-365. – (Тр. Южно-Туркменистанской археолог. комплексной экспедиции, т. VIII).
8. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. – М., 1951. – 180 с.
9. Негматов Н. Отчет о поездке в Кировабадский район // *Археологические работы в Таджикистане в 1957 году*. – Сталинабад, 1959. – Вып. V. – С. 169-171. – (Тр. АН ТаджССР, т. СIII).
10. Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX-XX вв. // *Среднеазиатский этнографический сборник*. – М., 1954. – С. 216-298. – (Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, т. XXI).
11. Пругер Е.Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // *Материалы по археологии Мерва*. – Ашхабад, 1969. – С. 227-241. – (Тр. Южно-Туркменистанской археолог. комплексной экспедиции, т. XIV).
12. Саидов М.Л. Кирпичеобжигательные печи караханидского периода // *Археология Узбекистана*. – 2016. – №1(12). – С. 149-156.
13. Самойлик П.Т. О работах в районе обжигательных печей Бунджиката в 1975 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. – Душанбе: Дониш, 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С. 317-323.
14. Сарияниди В.И. Керамическое производство древнемаргианских поселений // *Материалы по истории древней техники южного Туркменистана*. – Ашхабад: Изд-во АН ТуркССР, 1958. – С. 313-348. – (Тр. Южно-Туркменистанской археолог. комплексной экспедиции, т. VIII).
15. Строительные технологии. – Эл. ресурс: www.termo-hause.ru/kirpichi/kirpichu11.html (дата посещения 10 августа 2018 г.).
16. Шарахимов Ш.Ш. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // *Афрасиаб*. – Ташкент, 1974. – Вып. III. – С. 84-89.
17. Якубов Ю.Я., Худжагелдиев Т.У. Отчет о раскопках на городище Хульбук в 2006 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. – Душанбе, 2008. – Вып. XXXII. – С. 115-175.

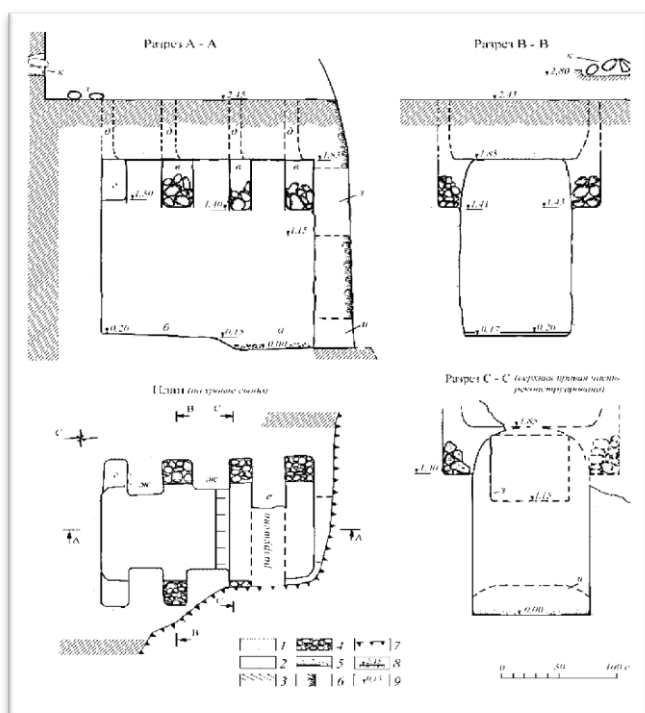

Рисунок 1. Сармайдон. Кирпичеобжигательная печь. План и разрезы: 1 – слой сильно ошлакованного обжига стенок; 2 – слой интенсивного прокала красного цвета; 3 – лёссовый массив; 4 – заполнение пазухов галькой; 5 – угольный шпат в топке; 6,7 – современный контур обрыва в профиле и на плане, 8 – рабочая площадка над камерой; 9 – условные отметки, м. Буквенные обозначения приводятся в тексте.

07.00.07 – МАРДУМШИНОСӢ, ҚАВМШИНОСӢ ВА АНТРОПОЛОГИЯ
07.00.07 - ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
07.00.07 – ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

ВЫДАЮЩИЙСЯ ТАДЖИКОВЕД Р.Л.НЕМЕНОВА **ДОДХУДОЕВА Лариса Назаровна,**
д.и.н., заведующая отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, (Таджикистан, Душанбе)

ТОЧИКШИНОСИ БАРЧАСТА Р.Л.НЕМЕНОВА **ДОДХУДОЕВА Лариса Назаровна,**
д.и.т., мудире шуъбаи мардумшиносии Институди таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши Академияи илмҳои ҚТ, (Тоҷикистон, Душанбе)

EMINENT SCHOLAR OF TAJIK STUDIES R.L.NEMENOVA **DODKHUODOEVA Larisa Nazarovna,**
Dr. of History, Head of the ethnography department of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, (Tajikistan, Dushanbe), **E-MAIL:** lorasdodo@rambler.ru

Ключевые слова: таджиковедение, филология, экспедиция, этнография, Варзоб, этнические группы, архив, документы.

В статье рассмотрен вклад одного из выдающихся таджикологов, Лауреата Государственной премии им. Абуали ибни Сино Р.Л. Неменовой в изучение материальной и духовной жизни таджиков, различных аспектов сложения его населения и диалектов языка.

Калидвожаҳо: тоҷикишиносӣ, филология, эъзомия, мардумшиносӣ, Варзоб, гурӯҳҳои мардумӣ, бойгонӣ, ҳуҷҷатҳо.

Дар мақолаи мазкур саҳми яке аз барҷастатарин тоҷикишинос, Лауреати мукофоти давлатии ба номи Абуалӣ ибни Сино Р.Л. Неменова дар омӯзиши ҳаёти моддӣ ва маънавии тоҷикон, ҷабҳаҳои гуногун бавуҷуд омадани аҳоли ва шеваҳои забони онҳо баррасӣ мешавад.

Key words: Tajik study, philology, expedition, ethnography, Varzob, ethnic groups, archive, documents

This article dedicated to contribution of one brilliant scholar of Tajik studies, Laureate of the Abuali ibni Sino state award R.L. Nemenova who devoted her research to material and spiritual life of the Tajiks, different aspects of his population and dialects of his language.

Лауреат Государственной премии Республики Таджикистан им. Абуали ибни Сино, кандидат филологических наук Розалия Львовна Неменова (10 сентября 1908 г., Андижан - 21 декабря 1988 г., Душанбе) была выдающимся исследователем и яркой личностью, одной из ключевых фигур таджикской

науки XX в. Среди основоположников таджиковедения - И.И. Зарубина, А.А. Семенова, В.С. Расторгуевой, Б.Г. Гафурова, Н.Н. Ершова, Д.И. Эдельман и таджикской этнографии - М.С. Андреева, А.К. Писарчик, Н.Н. Ершова, Б.Х. Кармышевой и других имя Розалии Львовны Неменовой занимает достойное место.

В науку ее привела собственная любознательность и редкая способность к языкам. В Фергане, где она родилась и выросла, ей часто приходилось слышать таджикскую речь горных отходников, которые работали там на заводах. В силу своей необыкновенной одаренности она легко запоминала их отдельные слова и выражения, а потому решила поступать именно на иранское отделение Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте, где окончила восточный факультет по литературно-лингвистическому циклу сектора (1930г.) [4,48]. Вместе с ней на этот факультет поступили ее будущие коллеги-этнографы: Е.М. Пещерева, А.К. Писарчик, Н.Н. Ершов и др. Их преподавателями были выдающиеся исследователи Центральной Азии М.С. Андреев, И.И. Зарубин, В.С. Соколова.

После окончания университета всю группу, в которой училась Р.Л. Неменова, пригласил работать в Душанбе Народный комиссар просвещения Нисар Мухаммадов. С этой же целью в 1929 г. в САГУ был направлен и представитель Наркомпроса Таджикистана филолог Якуб Калонтаров, который к тому времени был уже известен как автор школьных учебников и латинизированного алфавита таджикского языка. Впоследствии он стал мужем Р.Л. Неменовой. Оба супруга активно сотрудничали и помогали друг другу в различных научных изысканиях, часто выступая соавторами или редакторами исследований друг друга.

Нисар Мухаммад, будучи заместителем декана и преподавателем в САГУ, вероятно, хорошо знал Р.Л. Неменову, как подающую надежду студентку, а потому остановил свой выбор на ней, как на специалисте в области таджикского языка. Он пригласил ее в 1930 г. на должность научного сотрудника учреждений системы Наркомпроса Тадж. ССР (Комитет таджиковедения, Таджикский государственный научно-исследовательский институт, Терминологический комитет в Душанбе).

Секция таджиковедения была создана далеко не случайно. Широко известен факт о том, что будущий Председатель ЦИК Таджикской ССР Шириншо Шотемур в 20-е гг. XX в. в Совете просвещения национальных меньшинств Туркестанской АССР в г. Ташкенте тщетно пытался отыскать таджикскую секцию. Ему ответили, что ее не для кого создавать, так как таджиков не существует». Шириншо, совладав с эмоциями, возразил: «Я таджик!». Ответственный чиновник, изумленно посмотрев на него, сказал: «Организируйте тогда сами». Шириншо долго искал человека, который мог бы возглавить таджикскую секцию по изданию школьных учебников на родном языке и, наконец, нашел исследователя языков малых народов Средней Азии Мухамедова (Мухаммеда, Мухаммедова), Нисара (1897-1937 гг.) [6]. Именно ему в 20-х-30-х гг. XX в. суждено было начать историю таджиковедения с организации комитета, в котором начались первые работы по составлению таджикского словаря. Это было крайне необходимо для развития образования и науки в республике, а в широком смысле - сохранения национальной и культурной идентичности таджиков, даже самого этнонима «таджик».

8 октября 1937 Нисар Мухаммедов был арестован и умер (или убит) во время следствия 22 октября 1937 года. Вслед за ним в 1938 году был арестован и муж Р.Л. Неменовой Якуб Калонтаров, который также являлся представителем Наркомпроса, но он был освобожден во многом благодаря хлопотам родственников.

Вся последующая многолетняя научная и экспедиционная, преподавательская деятельность Р.Л. Неменовой была связана с Институтом языка им. Рудаки и Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук, различными вузами Таджикистана. В 1989 г. она, единственная из этнографов страны, посмертно была удостоена Государственной премии им. Абуали ибни Сино вместе со своими коллегами, за фундаментальное исследование «Говоры Южного Таджикистана» [5, 58]. Она подготовила много словарей, а ее учебники русского языка для 8-10 классов школ с таджикским языком обучения 1978 и 1979 гг. неоднократно переиздавались до 1985 г. (иные до 12 раз!) [3, 141-142]. В настоящее время по данным сайта World Cat Identities 17 работ Р.Л. Неменовой в 20 публикациях на трех языках хранятся в 38 библиотеках мира [7].

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан существует личный фонд Неменовой Розалии Львовны, который до сего дня остается неизвестным исследователям [1, 67-70]. Введение его в научный оборот чрезвычайно важно, так как он содержит уникальные документы по различным аспектам развития таджикского народа.

Среди документов Р.Л. Неменовой, прежде всего, привлекают письма к ее учителю, основоположнику научного таджиковедения и, в частности памироведения, профессору И.И. Зарубину, переписка с его женой и такими известными исследователями, как В.С. Соколова, В.С. Расторгуева и другими (всего 25 писем и телеграмм). Каждое из них представляет собой уникальный документ, в основном связанный с исследовательской деятельностью Р.Л. Неменовой и событиями научной жизни страны.

Полевые исследования Р.Л. Неменовой сыграли важную роль в ее научной деятельности и личной жизни. В 60-е гг. XX в. Академией наук Таджикистана было предпринято несколько этнографических и археологических экспедиций в зону затопления Нурекской ГЭС с целью фиксации традиционного быта исчезающих деха (сел). В составе экспедиции в разное время работали И. Мухиддинов, М. Хамиджданова, Х. Ишанкулов, А. Мардонова, Т. Мезурнова, Р. Кадыров. В 1964-65 гг. занималась сбором лингвистических особенностей говоров данного региона и Р.Л. Неменова, о чем свидетельствуют ее архивные документы.

В целом, личный фонд Р.Л. Неменовой, а также фотоколлекции различных экспедиций, в которых она принимала участие, в этнографическом архиве Института представляют собой важный и

значительный информационный блок, который может служить серьезным подспорьем исследователям, занимающимся не только изучением таджикского языка, но и другими проблемами, связанными с историей развития этнологической науки в стране.

Хотя Р.Л. Неменову чаще считают филологом-таджиковедом, стоит подчеркнуть, что она активно вела и полевые исследования, как этнограф, в районах Гармской (Рахтской) области в 1952, 1953, 1955, 1956 гг.

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша сохранились две фотоколлекции Варзобской этнографической экспедиции 1962 г. (поселения Зидди, Такоб, Зуманд, Рог, Ходжа Обигарм, Гушары), руководителем которой была Р.Л. Неменова (№60,63). Первая включает из 594 фотографии, которые, в основном, отражают архитектуру, быт, ремесла, этнический тип жителей, традиции, жилище, костюм и многие другие черты повседневной жизни местного населения. На снимках второй коллекции 1963 г., подготовленной З.А. Широковой, отражена та же тематика. Эти материалы легли в основу фундаментальной книги Неменовой «Таджики Варзоба» [2]. Во время экспедиции в Варзоб она встретила девочку, родители которой хотели, чтобы та училась в Таджикском университете, но боялись, что ей придется жить в общежитии без родственников. Тогда Р.Л. Неменова решила взять ее в свою семью и воспитывала ее вместе со своими родными детьми Иосифом и Лизой. Отметим, что знакомство с семьей из Такоба заставило ее несколько изменить свою жизнь. Важным человеческим поступком Розалии Львовны стало воспитание девочки Хусноро Мирзоевой из Такоба, которая стала ее приемной дочерью.

В своей монографии «Таджики Варзоба» Р.Л. Неменова затронула вопрос образования девочек [2, 155]. В частности она писала, что родители своих дочерей не склонны были направлять в вузы, иногда в отдаленных кишлаках даже препятствовали их обучению в старших классах школы. Но во многих семьях, где не было сыновей старше по возрасту дочерей, родители возлагали надежды именно на последних, на то, что в дальнейшем именно они смогут стать опорой семьи. По мнению Р.Л. Неменовой, такое видение можно считать новым и прогрессивным. Однако она весьма сожалела, что пока варзобские девушки все же продолжают образование лишь в единичных случаях. В этом смысле Х. Мирзоева, которая была старшей среди детей, стала этим исключением, за что получила имя «Гагарин», как первопроходец.

Позже карьера Х. М. Мирзоевой развивалась стремительно. Она работала первым заместителем председателя Комитета народного контроля страны, занимала высокие посты: заместителя председателя хукумата г. Душанбе, на уровне министра работала начальником Управления архивов при Правительстве Республики Таджикистан, избиралась депутатом Маджлиси Оли. Она вряд ли смогла бы достичь таких высот, если бы не воспитывалась в семье Р.Л. Неменовой и Я.И. Калонтарова. Х. Мирзоева бережно хранит память о той, которую называла по-русски «мама». Своим долгом она посчитала публикацию книги Р.Л. Неменовой «Таджики Варзоба», которую ученая не успела издать при жизни. В 1998 г. Хусноро Мирзоевой удалось найти необходимые средства, и монография ее «мамы» увидела свет. С тем же глубоким уважением она и сейчас ухаживает за могилами своих вторых родителей в Душанбе.

Монография Р.Л. Неменовой «Таджики Варзоба», которая основана на материале этнографических экспедиций, возглавляемых ею в 1961-1968 гг., была закончена автором в 80-х годах XX в. Она состоит из введения и четырех глав (всего 250 с.). К сожалению, одна из ее глав «Жилище» отсутствует в книге, т.к. ее не удалось обнаружить А. Мардоновой и Х. Мирзоевой, которые занимались подготовкой книги к печати.

На форзаце книги «Таджики Варзоба» приведена карта региона с указанием мест проживания различных групп его населения, среди которых «каратегині», «варзобі», «валояті (чагатаі)», сугуті, кулобі и ягнобі, которая была подготовлена лично ученой. Она имеет особое значение в историко-этнографическом плане в силу того, что за полвека различные миграционные потоки активно сменяли друг друга, в результате чего на сегодняшний день картина расселения значительно изменилась.

Монография открывается тремя небольшими статьями «К читателю» к.и.н. З.М. Мадамиджановой, «От редактора» профессора Н.Х. Нурджанова. Затем следует «Предисловие» А. Мардоновой, которая детально описывает значение данного труда для истории и антропологии таджикского этноса на примере Варзоба.

Во введении монографии Р.Л. Неменова приводит историографический обзор научной литературы конца XIX-XX вв, рассматривает географическое положение данного региона, его историю. В ее предисловии поднимаются вопросы землепользования, состава населения и его миграции. Р.Л. Неменова заключает, что начатые советскими учеными в 1932 г. изыскания в бассейне р. Варзоб, в дальнейшем активно продолжались, что было тесно связано с изменением типа хозяйственной

деятельности в долине. Это обстоятельство значительно преобразовало не только весь облик территории, но существенно изменило быт местного населения, его занятия, культурный и материальный уровень жизни [2,12].

Первая глава монографии «Занятия» посвящена традициям ведения сельского хозяйства и прежде всего полеводству, садоводству, огородничеству, скотоводству, заготовке кормов на зиму, шелководству.

Важным разделом монографии следует считать главу «Домашние промыслы», в которой рассматриваются основные их виды: ткачество из шерсти (в основном тканье паласов - *гилембофи*), керамическое и деревообрабатывающее производство, кузнечное дело, изготовление войлоков, мыла, окраска тканей представлены Р.Л. Неменовой достаточно детально. Ею был зафиксирован достаточно интересный факт того, что в Варзобе гончарством занимаются в основном такие группы населения, как каратегини и ягноби, чьи мастерицы (не более 2-3-х в кишлаке) и в 60-е гг. XX в. продолжали выполнять заказы своих односельчан и населения других кишлаков [2, 120].

Интересно замечание Р.Л. Неменовой о том, что местные мастера не имели цеховых организаций, что наблюдается во всех горных районах Таджикистана, но ученики проходили определенный срок обучения и получали последующее благословение мастера [2, 121]. Наряду с этим Р.Л. Неменовой было отмечено такое явление, как постепенное исчезновение традиционных ремесел и промыслов в Варзобе.

Значительное место в работе Р.Л. Неменовой занимает глава, посвященная семейному быту. В ней она рассматривает такие вопросы, как обычаи, связанные с рождением и инкультурацией, бесплодием, свадьбой, браком. Впервые именно Р.Л. Неменовой описаны особенности пищи и рациона местного населения, так как никакой информации по этой проблеме не сохранилось. Ею также составлена таблица продуктов и блюд с распределением их по разрядам горячей и холодной пищи в Зидди, Такобе и Варзоби-боло [2, 222-224].

Весьма важной является информация, приведенная в разделе «Некоторые сведения о возникновении селений» с конца XVII в. Наиболее древние из них - это деха Среднего Варзоба и Варзоби-боло. Такоб, Харангон и Чорбог основаны в конце XVII-начале XVIII вв., поселения кулоби в Харангоне, Киблаи и Чорбоге, а также ягнобские деха Зуманд и Гаров - в середине или конце XIX в. В 30-е гг. XX в. появились такие поселки, как Варзоб ГЭС, Такоб, что было связано непосредственно с развитием хозяйственной деятельности в регионе. В начале 60-х гг. началось строительство поселения Рабат жителями селений Хушьери, пострадавшими от селевого потока в 1960 г., а также Джирино, состоявшим всего из двух усадеб [2, 225-226].

Р.Л. Неменовой рассмотрены особенности народного определения характера селений. Их названия были связаны с такими понятиями, как *сархад-боло* (крайний), *тагов* (ниже высокогорных), *руйов* (прибрежный), *та* (нижний), *боло* (верхний), *уруя* (на этой стороне реки), *уруя* (на той стороне реки) и т.д. [2, 226-228]. Внимание автора уделено и системе деления поселений на гузары, их расположению по отношению к водным источникам, их размерам и планировке.

Монография Р.Л. Неменовой «Таджики Варзоба» является единственным исследованием этнического состава населения долины р. Варзоб, в которой впервые столь широко проанализированы материальная и духовная жизнь населения региона, особенности его формирования и сложения. Согласно заключению Р.Л. Неменовой, основное исконное население Варзоба как по своему происхождению, так и материальной, духовной культуре сохраняет единство с таджиками горной части Гиссара (долины Каратага и Хонако-дарьи).

В целом, фундаментальный труд Р.Л. Неменовой «Таджики Варзоба» является важным вкладом в антропологию Таджикистана, которая может быть поставлена в ряд таких классических исследований, как «Таджики долины Хуф» М.С.Андреева, коллективная монография «Таджики Каратегина и Дарваза» и т.п.

Подробные сведения о научной деятельности Р.Л. Неменовой и ее жизни можно найти в издании, которое подготовил Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан к ее столетию в 2008 году. Оно включает в себя статьи, посвященные ее наследию, вкладу ученой в историографию Гиссарского края, библиографическую информацию о ней и ее муже Я.И. Калонтарове, а также воспоминания их детей Иосифа и Елизаветы Калонтаровых (Нью-Йорк), Х. М. Мирзоевой (Душанбе), ее коллеги ученой Ю.И. Богорад (Санкт-Петербург).¹³ Сборник дополняет список архивных документов из личного фонда Р.Л. Неменовой и иллюстрации.

¹³ Мы весьма признательны детям Р.Л. Неменовой И.Я. и Е.Я. Калонтаровым (Нью-Йорк), Х.М. Мирзоевой (Душанбе), Ю.И. Богорад (Санкт-Петербург) за предоставленные ими воспоминания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Додхудоева Л., Джураева Н. Личный фонд Р.Л. Неменовой: эпистолярное наследие и другие документы // Муаррих, № 2(65), 2016.- С.67-70.
2. Р.Л. Неменова. Таджики Варзоба. - Душанбе, 1998.
3. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990гг.). Подготовка к печати Н. Бабаевой. - Душанбе, 2002.
4. Сеницына Л. Звезды светят всем. - Душанбе, 1986.
5. Хуб шуд, ки зан ба давлат ёр шуд // Мурайтибон М.Н. Қосимова, К.Н. Нимадҷонова, Г.Б. Бобосодиқова. Муҳаррир М.Н. Қосимова. - Душанбе, 2005.
6. Шоакова Ф. Ширинио Шотемур - Первый гражданин Таджикистана // Азия плюс. 5 ноября, 2012.
7. R. Nemnova. <http://worldcat.org/identities/lccn-n85380825/>.

Р.Л. НЕМЕНОВА – ЮСУФБЕКОВА Зинатмо,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЫ к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ; **ШОВАЛИЕВА Мумина Садыковна,** старший научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (Таджикистан, Душанбе).

Р.Л. НЕМЕНОВА – ЮСУФБЕКОВА Зинатмо,
МУҲАҚҚИКИ ТАЪРИХ ВА
МАДАНИЯТИ ВОДИИ ҲИСОР н.и.т., ходими пешбари илмии шуъбаи мардумшиносии Институти таърих, бостониносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон; **ШОВАЛИЕВА Мумина Садыковна,** ходими калони илмии шуъбаи мардумшиносии Институти таърих, бостониносии ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ ҶТ (Тоҷикистон, Душанбе).

R.L. NEMENOVA – YUSUFBEKOVA Zinatmo,
INVESTIGATOR OF HISTORY AND CULTURE
OF HISSAR VALLEY candidate of historical sciences, leading scientific officer of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; **SHOVALIEVA Mumina Sadykovna.** senior scientific officer of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the RT (Tajikistan, Dushanbe), **E-MAIL:** mumina57@mail.ru

Ключевые слова: таджиковед, этнограф, лингвист, экспедиции, Гиссарский край, Варзоб, этнографическое обследование.

Данная статья посвящена юбилею Р.Л. Неменовой – известного таджиковеда, лингвиста и этнографа. С 1954 г. по 1968 гг. она работала в секторе этнографии и участвовала во многих экспедициях отдела, в частности занималась изучением этнографии Гиссарского края. В своих работах по этнографии, в частности «Историко-этнографическое изучение Гиссарского края», «Таджики Варзоба» и других она подчеркивает о необходимости этнографического изучения Гиссарской долины, которая в 50-60-е гг. XX в. была мало изучена. Её работу продолжила её ученица, известный этнограф Азиза Мардонова, которая в настоящее время проживает в Бухарской области Узбекистана.

Калидвожаҳо: тоҷикишинос, мардумшинос, забонишинос, экспедитсияҳо, сарзамини Ҳисор, Варзоб, таҳқиқотҳои мардумшиносии.

Мақола ба ҷашнвораи Роза Львовна Неменова – тоҷикишиносӣ машхур, забонишинос ва мардумшинос бахшида шудааст. Яке аз майлу рағбатҳои ӯ дар баробари забонишиносӣ, мардумшиносӣ будааст. Неменова Р.Л. дар шуъбаи мардумшиносии Институти таърих, бостониносии ва мардумшиносӣ аз соли 1954 то соли 1968 кор ва фаъолият намудааст ва дар ҳамаи экспедитсияҳои мардумшиносӣ иштирок карда, бо омӯзиши сарзамини Ҳисор машғул будааст. Дар асарҳои этнографии худ, аз ҷумла «Историко-этнографическое изучение Гиссарского края», «Таджики Варзоба» ва дигарҳо ӯ борҳо қайд намудааст, ки водии Ҳисор дар солҳои 50-60 асри XX кам омӯхта шудааст, ва зарурияти омӯзиши ин минтақа сари вақт аст. Кори ӯро шогирдаш, номзади илмҳои таърих, мардумшинос Мардонова Азиза давом додаст, ва айни ҳол ӯ дар вилояти Бухорои Ҷумҳурии Ўзбекистон зиндагӣ дорад.

Key words: Tajik investigator, ethnography, linguist, expeditions, Hissar valley, Varzob, ethnographical investigations.

This article is devoted to the jubilee of well-known Tajik investigator, linguist and ethnography Roza Lvovna Nemenova. One of her hobbies, in one rite with linguistics, was ethnography. R.L. Nemenova works in ethnography department from 1954 till 1968 and took part in all ethnographic expeditions, she investigate peoples of Hissar valley, especially Varzob region. In her ethnographic works “The historical-ethnography investigation of Hissar valley”, “The Tajiks of Varzob” and others stressed that Hissar valley in 50-60-th years of XX century was not investigate ethnographically and it is necessity of it’s investigation. Her work continued her apprentice, candidate of historical sciences Aziza Mardonova, who now lived in Bukhara region Republic of Uzbekistan

В последней четверти XIX века в связи с присоединением Средней Азии к России и образованием Русского Туркестана, граничившего с владениями Бухарского ханства, интерес ученых к территориям, лежащим к югу от Гиссарского хребта, особенно усилился. Наиболее ранней сводкой известий из Восточных источников о Гиссаре является очерк П. Лерха о крае.

Ученые-этнографы Р.Л. Неменова и А. Мардонова подчеркивали, что в конце 70-х годов прошлого столетия Гиссарское бекство посетил ряд русских военнослужащих и путешественников в записях которых содержатся сведения о географии края, путях сообщения между отдельными долинами, административным делением, краткие данные о составе населения, о сельском хозяйстве. Подтверждая достоверность материалов, авторы, в то же время, сожалеют о том, что «часто этнографические сведения этого периода носили случайный и отрывочный характер» [17, с.12].

Первыми русскими путешественниками, побывавшими в Гиссарском крае с целью специального обследования были редактор газеты «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев и его спутники - поручик Д.М. Вишневикий, астроном Ф.Ф. Шварц и переводчик Ю. Казбеков. Они были участниками первой Гиссарской экспедиции, снаряженной в 1875 г. для выяснения характера местности между Гиссарским краем и Аму-Дарьей. По результатам этой экспедиции впоследствии была написана работа Маева «Очерки Гиссарского края», где автор с привлечением существующей тогда немногочисленной литературы и переводом материалов П. Лерха на русский язык, даёт более расширенное описание Гиссарского края [11].

В данной работе помимо чисто географических сведений имеется много географических названий и приводится этимология названий некоторых населенных пунктов и дополнительные сведения к ним. Также в ней содержатся первые и весьма ценные сведения о Каратаге как о центре ремёсел. Как отмечают авторы, он особое внимание уделяет описанию Каратагского базара, мастерских ремесленников, их изделиям: ножам, саблям, их качеству и ценам на них.

Далее авторы, подчеркивая значение этой работы, указывают, что «этнографические сведения, имеющиеся в «Очерках Гиссарского края» не утратили своего значения до наших дней, поскольку они отражают данные почти вековой давности. Эти сведения не носят характера систематического изучения и представляют изложение непосредственных наблюдений, своего рода дополнения к географической и исторической характеристике местности. Этнографические сведения в работе Н.А. Маева касаются следующих вопросов: состава населения, описание населенных пунктов и преданий, связанных с ними, нравов местного населения, главным образом чиновной верхушки, с которой была связана экспедиция, экономики края, занятий населения, ремесла, внешнего облика жилища» [17,11,12].

Продолжая обзор, авторы отмечают, что в 1889 г. Гиссарское бекство посетил также военный специалист А. Статкевич, в результате чего им был опубликован военно-статистический очерк, посвященный бассейну Каратаг-Дарьи [24, с. 234,184]. Здесь Статкевич приводит также краткое описание внешнего вида жилища как долинного, так и горного типа. В его работе представляет интерес перечисление видов изделий кустарной промышленности, среди которых упоминаются хлопчатобумажные ткани, кошмы, хурджины, деревянная посуда, корзины, шерстяные вязаные чулки. Говоря о занятиях населения земледелием и скотоводством, А. Статкевич приводит цены на зерно, рис и на скот.

Однако по справедливому замечанию авторов этнографические сведения о Гиссаре во всей довольно многочисленной дореволюционной литературе были скудны, отрывочны, случайны и совершенно не давали представления о быте, как таджиков, так и узбекоязычных племен, населявших Гиссар. И если о Каратегине, Дарвазе и Западном Памире имелись специальные этнографические исследования, опубликованные на рубеже XIX и начале XX вв., и не утратившие своего значения по настоящее время [9], то ни один из районов Гиссара в то время абсолютно не был подвергнут специальному этнографическому обследованию. Далее авторы подчеркивают, «как нам представляется одной из причин этнографической неизученности Гиссара как в дореволюционный период, так в дальнейшем является чрезвычайная пестрота состава его населения, и в связи с этим трудности выделения определенных, недавно сложившихся историко-культурных районов внутри страны» [17, с. 25].

Авторы указывают, что первая этнографическая экспедиция, посетившая Гиссарский край, состоялась в 1924 г. В её состав, кроме руководителя М.С. Андреева входили Е.М. Пещерева и А.Н. Крюков. Исследования, проводимые экспедицией носили маршрутный характер и задачей её было собирание этнографического и филологического материала. Что касается вопроса сбора полевых материалов, то, по словам авторов, «запись филологических и этнографических материалов велась на всем пути следования экспедиции, работы которой длились около трёх месяцев [17]. Судя по фольклорным записям, которые вошли в подготовленный к печати сборник М.С. Андреева [1]

экспедиция побывала в селениях, расположенных в истоках Кафирнигана, Рамита, Пичефа, Вистоне и др.» [1,2].

В 1925 г. была предпринята очередная экспедиция под руководством М.С. Андреева, в состав которого входили Е.М. Пещерева и фотограф В.О. Вырвинский. В задачу экспедиции входило дополнение этнографических и филологических материалов, собранных в 1924 г. Отмечая значимость работы этой экспедиции, авторы подчеркивают, что «за время пребывания в Гиссарской долине, М.С. Андреевым и Е.М. Пещеревой был собран весьма ценный, не утративший до настоящего времени своего значения этнографический материал» [17, с. 28]. В отчете приводится описание токарных станков, движимых водой, на которых мастера-местные жители вытачивали деревянную посуду. Е.М. Пещеревой был собран также материал по женской одежде и прическам.

Вслед за авторами мы также утверждаем, что большой интерес представляет вплоть до наших дней статья Е.М. Пещеревой о молочном хозяйстве и некоторых обрядах, связанных с ними у горных таджиков, написанная в основном на материалах экспедиции 1924 и 1925 гг. [24] В статье приводятся отдельные сведения, непосредственно относящиеся к Гиссару. Так, указывается, что в Гиссаре, в отличие от Шугнана и Рушана, по-видимому, не существовали запреты на пребывание мужчин на летовках в течение первых семи дней после выхода на летовку. Далее отмечено, что в долине р. Варзоб и в Гиссаре сначала женщины, члены молочной артели, несут молоко из домов, расположенных выше по реке. Кувшин, в котором несут молоко, украшают зеленью, в ушки кувшина втыкалась вата.

Далее авторы излагают, что особый интерес для этнографии представляет монография Е.М. Пещеревой, увидевшая свет в 1959 г. «Гончарное производство Средней Азии» [22], в которую вошли и материалы по Гиссару, собранные автором и по другим районам исследования на протяжении более чем трёх десятилетий. Как свидетельствует Е.М. Пещерева, первоначальные наблюдения над гончарством, находящимся в руках женщин, производились ею в долине реки Рамит, а также и в других горных районах Таджикистана еще в 1924 г. По справедливому замечанию авторов в этой работе, чрезвычайно интересной и насыщенной большим этнографическим материалом, имеют место и сведения, как по женскому, так и мужскому гончарству, распространенным издавна в горных и предгорных районах Гиссарского края. В первой части монографии указаны места распространения женского гончарного производства в условиях его бытования в районах Гиссарской долины; в долине р. Варзоб, в долине Каратаг-Дарьи (селение Хакими), в группе кишлаков вокруг Файзабада и на правобережье р. Вахш.

Авторы подчеркивают, что «по существу эта монография Е.М. Пещеревой является первой работой, в которой имеется достаточно полное описание одного из древнейших ремесел таджиков Гиссара, основанном на систематическом этнографическом изучении гончарства на большей части этого края» [17].

Несмотря на всё это, согласно утверждениям авторов, сведения о Гиссарском крае и в первом десятилетии после установления Советской власти в Таджикистане продолжают носить фрагментарный характер. В литературе, посвященной этнографическому описанию отдельных районов Таджикистана, опубликованной в 30-40-е гг. XX в. встречаются лишь отдельные сведения о Гиссаре. В августе 1942 г. в Ташкенте состоялась сессия по этногенезу Средней Азии, на которой был заслушан доклад Н.А. Кислякова «К вопросу об этногенезе таджиков». Тезисы этого доклада были опубликованы в 1947 г. [10] Н.А. Кисляков на основе языковых и этнографических данных, выявляет связи таджикского населения Дарваза, Каратегина, Гиссара и приходит к выводу, что таджики этих территорий и народности Припамирья имеют общее происхождение.

Авторы особо отмечают заслуги известного исследователя Средней Азии Б.Х. Кармышевой в изучении Гиссарского края. Они обращают внимание на то, что по инициативе профессора М.С. Андреева в 1945 г. Институтом истории, языка и литературы Таджикского Филиала АН СССР впервые было начато этнографическое изучение тюркского населения Гиссарской долины, которое было возложено, на сотрудника Института выпускницу САГУ Б.Х. Кармышевой. В течение ряда лет Б.Х. Кармышева совершила несколько поездок по Южному Таджикистану, главным образом, по Гиссарской долине, и собрала большой полевой материал о локайцах.

В дальнейшем, участвуя в сплошном этнографическом обследовании Кулябской области в 1948-1949 гг. Б.Х. Кармышева имела возможность собрать значительные материалы как по локайцам, так и по другим тюркоязычным племенам районов Кулябской области. В результате многолетних полевых исследований Б.Х. Кармышевой был опубликован ряд статей и одна большая монография [8].

В одной из последних, по времени опубликования, работ Кармышевой, посвященной вопросам сложения населения южных районов Узбекистана и Таджикистана [17, с. 34] автор рассматривает не только узбекское, но и таджикское население, и устанавливает наличие среди таджиков, изучаемой

области, в частности бассейна рек Сурхан и Кафарнигана, двух основных больших групп - чагатай и кулоби.

Подчеркивая значение исследований Б.Х. Кармышевой, авторы утверждают, что «на основании этнографических материалов Б. Кармышева высказывает положение обобщающего характера относительно основных черт протекающего на этой территории этнокультурного процесса, которые выражались во взаимном культурном влиянии, сближение и частичного слияния оседлого ираноязычного населения и кочевого тюркоязычного населения» [7].

По справедливому высказыванию авторов «работы Б.Х. Кармышевой помимо насыщенности их очень богатыми фактическими этнографическими материалами, отмечают чрезвычайно широкое и умелое привлечение исторической литературы и источников, а также статистико-экономических трудов, всё это делает использование их при этнографическом изучении Гиссара обязательным» [17, с. 34].

Говоря о заблаговременности этнографических исследований в послевоенные годы, авторы добавляют, что с 50-х годов в республике начинается планомерное, систематическое и сплошное этнографическое обследование Таджикистана. Указывается на постоянное и тщательное изучение материальной и духовной культуры Гиссарского населения ограниченного в то время только двумя районами: Каратагом и Варзобом. В 1959 г. Н.Н. Ершовым было начато стационарное изучение исследованием ремесел Каратага - в прошлом крупного центра кустарной промышленности Гиссарской долины, широко известного и за её пределами. В 1964 г. Н.Н. Ершов завершил своё исследование ремёсел, представив к публикации монографию объёмом 10-ти печатных листов [4]. После этого Н.Н. Ершов приступил к изучению семьи, семейных отношений, обычаев и праздников каратагцев, но весь этот материал пока ещё не опубликован.

Что касается этнографической деятельности Розы Львовны Неменовой подчеркивается, что «одновременно с изучением таджиков Каратага велось этнографическое исследование другого района Гиссара – долины р. Варзоб». Работы по этнографическому изучению Варзоба проводились Р.Л. Неменовой в 1961-1964 гг. Ею в Варзобе были собраны материалы, характеризующие состав и сложение населения долины, занятия, материальную культуру, семейный быт, обычаи и обряды территориальных групп таджиков этого района, которые первоначально были опубликованы в виде различных статей [19, 20, 21], а впоследствии легли в основу её монографической работы «Таджики Варзоба» [18].

Далее авторы отмечают, что начиная с 70-х гг. XX в. к разностороннему этнографическому изучению отдельных районов Гиссарской долины присоединились и многие другие сотрудники сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН РТ. Например, в сборе этнографических материалов в долине р. Варзоб принимали участие сотрудники отдела этнографии А.С. Давыдов, Т.И. Мезурнова, Р. Кадыров, З.А. Широкова и А. Мардонова. Они изучали историю населения, традиционные жилища, одежду, семью и семейную обрядность гиссарцев. На основе собранных полевых материалов сотрудниками отдела (тогда сектора) этнографии были опубликованы ряд статей, а А. Мардоновой была опубликована монографическая работа «Похоронно-поминальная обрядность таджиков Гиссарской долины в конце XIX-начале XX вв.» [16].

В конце работы авторы обращают внимание на то, что этнографические сведения о Гиссаре оставались сравнительно малочисленными, отрывочными, случайными, и если о Каратаге, Дарвазе, Западном Памире, тогда уже имелись специальные этнографические исследования, то ни один из районов Гиссара в этом плане не подвергался специальному этнографическому обследованию.

Подводя итоги, мы считаем своим долгом подчеркнуть, что предпринятый обзор литературы по истории изучения Гиссарской долины показывает, насколько необходимым остаётся дальнейшее этнографическое обследование различных районов Гиссарской долины Таджикистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреев М.С. *Материалы по фольклору и диалектологии таджиков. Ч.1. Горные таджики, Гиссар.:* Тексты 42-45. - Архив отдела этнографии.
2. Андреев М.С. *Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба // Изв. Туркестан. отд. рус. геогр. об-ва. -1924. -Т.17. - С.121-140.*
3. Дьяконов М. М. *Работы Кафирниганского отряда / Материалы и исследования по археологии СССР. – М.:-Л., 1950. - № 15. Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т.1.- С. 145-180.*
4. Ершов Н. Н. *Каратаг и его ремесла. - Душанбе: Дониш, 1984. - 120 с.*
5. Ершов Н. Н. *К истории развития этнографической науки Таджикистана // Сов. этнография. - 1968. - № 4. - С.87-92.*

6. Кармышева Б. Х. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана*. - М.: Наука, 1976. - 323 с.
7. Кармышева Б.Х. *К истории формирования населения Южных районов Узбекистана и Таджикистана*. «Советская этнография, 1964. - №5. - С. 96-98.
8. Кармышева Б.Х. *Узбеки-локайцы южного Таджикистана*. Сталинабад, 1954 // *Тр. АН Тадж. ССР*. Т. 28. Вып. 1.
9. Кисляков Н.А. *Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза* // *Таджики Каратегина и Дарваза*. - Душанбе, 1966. - Вып. 1. - С. 9-25.
10. Кисляков Н.А. *К вопросу об этногенезе таджиков* // *Сов. этнография*, 1947, Т.6-7.- С. 314-319.
11. Маев Н.А. *Очерки Гиссарского края. Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник*. - СПб., 1879. - Вып.5. - С.130-255.
12. Маев Н.А. *Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства* // *ИРГО*. - 1876. - Т.12. - С.358, 360.
13. Мардонова А. *Из этнографии таджиков Файзабада (Суеверия и запреты похоронного обряда)* // *Материалы по истории и истории культуры Таджикистана*. - Душанбе, 1981.- С.226-238.
14. Мардонова А. *Традиционная обрядность детского цикла в таджикской семье (по материалам верховьев Зеравшана, Файзабада и Гиссара)* // *Материалы конф. молод. учен. Таджикистана, посвящ. 100-летию С. Айни (обществ. науки)*. - Душанбе, 1980. - С.60-66.
15. Мардонова А. *Инновация в семейном быту таджиков Гиссарской долины* // *Изв. АН Тадж. ССР. Сер.: Востоковедение, история, филология*. -1985. - №4.- С.51-57.
16. Мардонова А. *Похоронно-поминальная обрядность таджиков Гиссарской долины в конце XIX-начале XXвв*. Душанбе: Дониш, 2003.
17. Неменова Р.Л., Мардонова А. *Историко-этнографическое изучение Гиссарского края*. - Душанбе: Дониш, 2000. - 66 с.
18. Неменова Р.Л. *Таджики Варзоба*. - Душанбе: Дониш, 2003.- 198с.
19. Неменова Р.Л. *Сложение таджикского населения Варзоба* / *Сов. этнография*, 1969.- №5.- С.31-44.
20. Неменова Р.Л. *Селения Варзоба* // *История и этнография народов Средней Азии*. - Душанбе, 1981.- С. 77-89.
21. Неменова Р.Л. *Народные представления, связанные с рекой Вахи* // *Этнография Таджикистана*. - Душанбе, 1985. - С.98-106.
22. Пещерева Е.М. *Гончарное производство Средней Азии*. – М.;-Л., Изд-во АН СССР, 1959.-296 с. // *Тр. ин-та этногр. им. Н.Н. Миклухо-Маклая*. – Т. 42.
23. Пещерева Е.М. *Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи* // *По Таджикистану*. Вып. 1. - Ташкент, 1927. – С. 42-59.
24. Статкевич А. *Бассейн Каратаг-Дарьи: военно-статистический очерк 1889г.* // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. - СПб., 1894. - Вып. 57. - С. 234, 184.
25. Успенская Л.В. *Каратагский говор таджикского языка*. - Сталинабад, 1956.-126с. - / *Тр. АН Тадж. ССР, Ин-т яз. и лит.* - Т.46.
26. Широкова З.А. *Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана*.- Душанбе: Дониш, 1976. - 206 с.

РАННИЕ ФОРМЫ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА **МАМАДЖАНОВА Салия Мамаджановна,**
д.а., профессор кафедры архитектуры и дизайна ТТУ им. акад. М.С. Осими; **ЯТИМОВ Рауф,** магистрант 2 курса кафедры дизайна и архитектуры ГИИИДТ (Таджикистан, Душанбе).

ШАКЛҲОИ ИБТИДОИИ САНЪАТИ ҲАҚИҚАТНИГОРӢ **МАМАДҶОНОВА Салия Мамадҷоновна,**
д.м., профессораи кафедраи меъморӣ ва дизайни ДТТ ба номи академик М.С.Осимӣ; **ЯТИМОВ Рауф,** магистранти курси 2 кафедраи дизайн ва меъмории ДДСТДТ (Тоҷикистон, Душанбе).

EARLY FORMS OF REALISTIC ART **MAMADJONOVA Saliya Mamadjonovna,**
Dr. Architecture, Professor of the Department of Architecture and Design at the TTU named after acad. M.S. Osimi; **YATIMOV Rauf,** 2nd year magistr of the Department of Design and Architecture of the SIADT (Tajikistan, Dushanbe).

Ключевые слова: рисунок, скульптура, архитектура, монумент, искусство, дизайн.

В статье рассматривается первобытное реалистическое искусство, которое было выявлено в Средней Азии ко времени позднего палеолита. Репертуар первобытных рисунков разнообразен, и тематически можно выделить антропоморфные и зооморфные изображения, оружие и орудия труда, эпиграфические и солярные знаки. Анализ стиля, репертуара и стратиграфии петроглифов показывает, что изображения относятся к различным историческим периодам: к концу каменного века, к эпохе бронзы, раннему железному веку, т. е. сакскому (арийскому) времени. Главная особенность изображений данного времени - это ярко выраженные черты «звериного» стиля, которые легко и уверенно распознаются.

Калидвожаҳо: тасвир, муҷассама, меъморӣ, санъати тасвирӣ, дизайн.

Дар мақола санъати давраи ибтидоии ҳақиқатнигорӣ, ки дар Осии Миёна дар давраи палеолити охир пайдо шудааст, баррасӣ мешавад. Мавзӯҳои мусаввараҳои давраи ибтидоӣ гуногунанд, ки дар онҳо тасвирҳои одамон ё ҳайвонот, яроқу олати меҳнат, нишону тасвирҳои хаттӣ ва аломатҳои офтобӣ беиштар дида мешаванд. Таҳлили услуб, репертуар ва ҷиннигории нақшҳои қадимии рӯи санг (петроглифҳо) нишон медиҳанд, ки ин тасвирҳо ба давраҳои гуногуни таърихӣ мансубанд: охири асри санг, давраи биринҷӣ, давраи аввали оҳан, яъне ба давраи ориёӣҳо. Хусусияти асосии тасвирҳои ин давра – услуби «ҳайвоноти ваҳшӣ» мебошад.

Key words: drawing, sculpture, architecture, monument, art, design.

The article deals with primitive realistic art, which was identified in Central Asia by the time of the late Paleolithic. The repertoire of primitive drawings is diverse, and thematically we can distinguish anthropomorphic and zoomorphic images, weapons and tools, epigraphic and solar signs. Analysis of the style, repertoire and stratigraphy of petroglyphs shows that the images refer to different historical periods: by the end of the Stone Age, the Bronze Age, the Early Iron Age, that is, the Saka (Aryan) time. The main feature of the images of this time is the pronounced features of the “bestial” style, which are easily and confidently recognized.

Самые ранние формы реалистического искусства, выявленные в Средней Азии, восходят ко времени позднего палеолита. Целый цикл древнейшей живописи обнаружен в гроте Зараут-Камар на юге Узбекистана [5, 15]. Росписи, нанесенные на гладь отвесной скалы красной охрой, размешанной на животном жире, передают охотничьи сцены: преследование диких быков, джейранов, винторогих козлов. Охотники одеты в колоколовидные балахоны, у некоторых из них как бы птичьи головы (предполагают, что это маскировка, вызванная особыми воззрениями на реализм изображений, правдивая передача людей могла бы спугнуть преследуемых животных, которые выполнены в реалистической манере). Сделаны они силуэтом, пары ног совмещены, но при этом первобытный художник с удивительным чутьем передал общие формы, пропорции и динамику бега. В основе композиции – симпатическая магия, представления первобытного мышления о воздействии изображаемого действия на реальный акт. Многочисленные дротики и стрелы, летящие вслед убегающим животным, должны, по мысли художника, способствовать удачной охоте. Размещение всех

фигур не случайно - оно подчинено определенной композиции, передающей напряженный акт загона преследуемой добычи, изображение полно динамики - это тот стиль экспрессивного анимализма, который известен в широком ареале палеолитической живописи. Аналогичные сюжеты выполненных также охрой изображений обнаружены и в других местах - на Памире, на Тянь-Шане, где они датируются более поздним временем (X-VI тысячелетия до н. э.), но где еще сохранены палеолитические каноны [6, 76].

В пору, когда, в отличие от древнекаменного века, человек не ограничивался охотой и собирательством, то есть тем, что «заготовила» ему сама природа, но уже осваивал примитивное земледелие и одомашнивал животных, существенно изменились и его идеологические представления. Многие определяла в них мифология, как опыт символично-образного осмысления мироздания путем логических ассоциаций. В изобразительном искусстве этому служили знаки и символы. Большую роль играл тотемизм. Отсюда важна роль животных в изобразительном искусстве, но уже либо домашних животных, как одной из основ хозяйства, либо диких, с которыми были связаны тотемы племен и родов. Наскальная живопись уступает место наскальным рисункам, причем нанесение их продолжалось уже и в исторические эпохи, а среди пастухов еще в недавние времена. Датировка таких рисунков очень сложна — едва ли не основным признаком является так называемый «пустынный загар», темным слоем покрывающий высеченные в древности контуры. Ареал их распространения очень обширен - едва ли не всюду в горах с относительно твердыми скальными породами, где в глубокой древности или уже в раннеисторическое время обитал человек, встречаются эти пиктографические рисунки.

Рассмотрим кратко некоторые примеры первобытного наскального искусства на территории Центральной Азии, которая является регионом историко-культурной общности народов, населявших Синьцзян (Восточный Туркестан), среднеазиатских государств, Восточного Ирана, Афганистана, Пакистана, Северо-Западной Индии. Все эти названные страны отличаются сложной орографией, где высокие горные гряды и хребты сочетаются межгорными впадинами и долинами, степями, пустынями. Специфические природные условия Центральной Азии благоприятствовали зарождению здесь древнейших очагов культуры.

Тысячи месторождений петроглифов – наскальных рисунков рассеяны по всей Центральной Азии – от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке, и от Памира на юге до Сибири на севере. Их можно встретить как на самых высоких точках горных хребтов, на дне глубоких ущелий, так и по долинам рек или же в степных районах [3, 63]. Практически рисунки на камнях имеются повсюду, где есть более или менее удобные для этого скальные поверхности, крупные камни, валуны и т.п. Поэтому петроглифы, иногда в больших скоплениях, можно встретить как в Кыргызстане, Таджикистане или Узбекистане, так и далеких от них Алтае или Хакасии [2, 170]. Следует особо подчеркнуть, что выдающуюся ценность с научной и эстетической точек зрения определяет природная красота ландшафтов, среди которых располагаются наскальные рисунки. Эти изображения датируются от эпохи неолита до бронзового и железного веков и от тюркско-арийского периода до настоящего времени.

В целом, рисунки на скалах не только результат самовыражения древних художников, но и отражение духовных и религиозных идей ушедших эпох. Вышесказанное позволяет нам обратить взоры на древнейшие свидетельства изобразительного искусства – петроглифы Центральной Азии. К этим известным памятникам первобытного искусства на территории Средней Азии Саймалы-Таш (дословно «вышитый, узорчатый камень») в высокогорном, труднодоступном ущелье Ферганского хребта, Жалтырак-Таш в Таласской долине, Чолпон-Ата в живописной Иссык-Кульской котловине, и другие, расположенные на территории Кыргызстана. Неотъемлемую часть мирового культурного наследия составляют памятники наскального искусства на территории древнего Согда и Ферганы [1, 95].

В настоящее время в горных и предгорных районах Республики Таджикистан зафиксировано около 150 памятников наскального искусства, Местонахождения петроглифов, возраст которых определяется в хронологических рамках от мезолита до позднего средневековья, сконцентрированы в основном в северо-восточной (Западный Тянь-Шань, Туркестанский хребет, Алайский хребет), центральной (Нуратинский хребет, Зеравшанский хребет) и северо-западной (Букантау, Тамдытау, Султан-Увайс, Кульджуктау) части названных древних государств. Наибольшую известность приобрели красочные изображения грота Зарауткамар, петроглифы Сармишсая, Ходжакента, Суратысая, Каракиясая, Букантау, ныне находящиеся на территории современного Узбекистана.

Репертуар первобытных рисунков довольно разнообразен, и тематически можно выделить антропоморфные и зооморфные изображения, оружие и орудия труда, эпиграфические и солярные знаки. Анализ стиля, репертуара и стратиграфии петроглифов, названных и других памятников показывает, что изображения относятся к различным историческим периодам: к концу каменного века, к эпохе бронзы, раннему железному веку, т. е. сакскому (арийскому) времени. Главная особенность изображений данного

времени - это ярко выраженные черты «звериного» стиля, которые легко и уверенно распознаются, в каком бы материале они не были представлены.

Основные персонажи искусства ранних арийских кочевников: горные козлы, олени, архары, хищники, лошади, верблюды, собаки, джейраны и другие животные, а также фигуры людей. В этот период уже появляются изображения конных всадников, столь характерных для культуры сако-скифского мира. Зачастую на скалах и отдельных камнях встречаются изображения лучников с колчанами, мечами, кинжалами и головными уборами. Эти рисунки на камнях, как отмечает М.М. Хужаназаров, созданы саками, массагетами, согдийцами и другими народами и находят аналогии на всей территории Центральной Азии [4, 76].

Состав изображений, оставленных на камнях ранними арийскими племенами, исключительно широк. Это и сцены охоты, и просто изображения горных животных: козла, козули с козленком. Это и излюбленная в скифском искусстве «сцена терзания» - собака, накинувшаяся на архара. Это антропоморфные фигуры, в которых лишь специалист по первобытному искусству распознает изображения людей, свершаемый ими культовый танец. Места скопления подобных рисунков служили, вероятно, для отправления культовых обрядов в дни общеплеменных празднеств, связанных уже не столько с охотой, сколько с сезонами начала или завершения сельскохозяйственных работ, или с культом плодородия, когда призывалось благословение на умножение стад.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. *Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры / Древность и средневековье.* – Ташкент: Изд. «Фан». – 1990. - С. 90-91.
2. Рогожинский А.Е. (отв. ред.). *Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация.* – Алматы: ЮНЕСКО - Республиканский НИПИ ПМК, 2004. - С. 169-176.
3. Рапопорт Ю.А. *Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье.* – М.: Наука, 1977. – С. 58-71.
4. Хужаназаров М. *Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся.* – Самарканд: Изд. «Фан». 1995. – 174 с.
5. Формозов А. А. *О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай // СА, 1966, № 4.* – С. 14-26.
6. Ранов В. А. *Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ, 1961, № 6.* – С. 72-81.

**АРХИТЕКТУРНО-
ПЛАНИРОВОЧНОЕ
РЕШЕНИЕ ПРОСПЕКТА
ИМЕНИ АБУАЛИ ИБН СИНО**

МУКИМОВА Сайёра Рустамовна,
д.а., и.о. профессора кафедры архитектуры и дизайна ТТУ им.
акад. М.С. Осими; **СУЛТОНОВА Мехрангез,** магистрант 2
курса кафедры дизайна и архитектуры ГИИИДТ
(Таджикистан, Душанбе).

**ҲАЛЛӢ МЕЪМОРӢ-
ЛОИҲАВИИ ХИЁБОНИ
БА НОМИ АБУАЛИ
ИБНИ СИНО**

МУҚИМОВА Саёра Рустамовна,
д.м., и.в. профессора кафедраи меъморӣ ва дизайни ДТТ ба
номи академик М.С.Осимӣ; **СУЛТОНОВА Мехрангез,**
магистранти курси 2 кафедраи дизайн ва меъмории ДДСТДТ
(Тоҷикистон, Душанбе).

**ARCHITECTURAL AND
PLANNING SOLUTION OF
ABUALI IBN SINO AVENUE**

MUQIMOVA Sayora Rustamovna,
Dr. Architecture, Professor of the Department of Architecture and
Design at the TTU named after acad. M.S. Osimi; **SULTONOVA
Mehrangez,** 2nd year magistr of the Department of Design and
Architecture of the SIADT (Tajikistan, Dushanbe).

Ключевые слова: архитектурно-художественный ансамбль, скульптура, архитектура, монумент, искусство, дизайн.

В статье рассматривается архитектурное и художественное решение проспекта имени Абуали ибн Сино, который представляет разнохарактерную архитектуру. Несмотря на эту разнохарактерность восприятия, проспект является одним из интереснейших градостроительных транспортных узлов в правобережной части Душанбе. Возведения архитектурно-художественных ансамблей характеризуют пути поиска выразительности отдельных градостроительных узлов города и площадей, принося особую характерность своими пластичными и скульптурными формами.

Калидвожаҳо: маҷмӯи меъморӣю бадеӣ, ҳайкалтарошӣ, меъморӣ, муҷассама, санъат, дизайн.

Дар мақола масъалаи меъморӣю бадеии хиёбони ба номи Абӯали ибни Сино баррасӣ шудааст. Дар хиёбон биноҳои гуногун мавҷуданд, ки дар замони мухталиф сохта шудаанд. Новобаста ба гуногунмақбулӣ, хиёбони мазкур яке аз мавзӯҳои зебои шаҳрсозӣ маҳсуб меёбад, ки маҷмааи Ибни Сино, майдони ба номи ӯ, биноҳои терминали нақлиётӣ ва ғайраро дар бар гирифтааст.

Key words: architectural and artistic ensemble, sculpture, architecture, monument, art, design.

The article considers the architectural and artistic solution of the Abuali Ibn Sino prospectus, which represents a diverse architecture. Despite this heterogeneity of perception, the prospectus is one of the most interesting city-planning transport hubs in the right-bank part of Dushanbe. The erection of architectural and artistic ensembles characterizes the ways to find the expressiveness of individual town-planning units of the city and squares, bringing a special characteristic of its plastic and sculptural forms.

Река Душанбинка, протянувшаяся с севера на юг до слияния с р. Кофарнихон, разделяет город Душанбе на две половины. Живописные очертания этой реки замыкают город с юга. Город гармонично сливается с окружающим ландшафтом, определившим его неправильные внешние очертания, которые на севере как бы вклиниваются в живописное Варзобское ущелье и на востоке широким фронтом упираются в границы пригородного района Рудаки.

В общей городской структуре четко выделяются городские магистрали, направленные как с севера на юг (проспект Рудаки, улицы имени Н. Карабаева, Абуали Ибн Сино, Борбада и др.), так и с запада на восток (проспект имени Саади Шерози, улицы Айни, Исмоила Сомони, Шапкина и др.).

Проспект имени Абуали ибн Сино, проходит в правобережной части Душанбе по направлению север-юг от магистральной улицы имени Исмоила Сомони до проспекта имени Саади Шерози, идущие параллельно с левобережной частью города по направлению восток-запад. Проспект был заложен генеральным планом города Душанбе 1962-1965 гг. под названием «проспект Профсоюзов» (авторы архитекторы В. Пекарский, И. Ткачев, С. Самонина, инж.-экон. Т. Терещенко, ГПИ «Таджикгипрострой» города Душанбе) [10, 15]. В 1980 году в честь 1000-летия великого энциклопедиста Среднего Востока, врача, поэта, музыканта и мыслителя был переименован в проспект имени Абуали ибн Сино.

В настоящее время проспект имеет длину около 4-х км и представляет собой одну широкую с двухсторонним движением транспорта полосу, и по обе стороны застроен жилыми и общественными

зданиями общегородского значения. На всем протяжении проспект организывает всего одну площадь на пересечении его с перпендикулярно идущей улицей Исмоила Сомони (в отличие от главного проспекта города имени А. Рудаки в левобережной части, имеющего несколько площадей на изгибах улицы) [1, с. 29]. Площадь эта носит имя Абуали ибн Сино и её организующим элементом является архитектурно-скульптурный ансамбль, посвященный 1000-летию этого ученого-энциклопедиста Востока (скульптор Г. Эльдаров, архитекторы Р. Каримов, А. Агаронов, 1980 г.).

Памятник-ансамбль был установлен с северной стороны площади на оси проспекта Абуали ибн Сино. Вокруг монумента Авиценны на четырехгранном призматическом постаменте образован целый ансамбль архитектурных форм, расположенных на различных уровнях. Во всей целостной архитектурно-скульптурной композиции выделяется высокая бронзовая фигура ученого высотой около 6 м, изображенного в полный рост в задумчивой статической позе, бережно прижимающего обеими руками к груди книги. О его многочисленных произведениях напоминают пять крупно вырезанных из гранита книг, раскрытых у подножия памятника. Широкие лестницы вели к подножию постамента от бассейнов с фонтанирующей водой. Скульптура ученого обращена была лицом к проспекту, носящего его имя [8, 118].

Западная часть площади занята крупным комплексом зданий посольства Российской Федерации, построенный без учета ориентации на какую-либо магистральную улицу, и наконец, северо-западную часть площади занимает шестиэтажный протяженный блок-пенал ГАКХ «Барки Толик», обращенный на улицу Исмоила Сомони. Таким образом, единственным доминирующим акцентом всей площади является монумент Авиценны, перед которым в центре пересечения улиц устроен озелененный круг для транспортной развязки.

Проспект Абуали ибн Сино имеет на всем своём протяжении более сложную структуру в части инженерных коммуникаций. В частности, магистраль проходит через мост, перекинутый через Большой Гиссарский канал, а затем – под путепроводом железнодорожного полотна и улицы, идущей параллельно [2, 3]. До путепровода имеется довольно оживленный участок перед крупным зданием Автовокзала республиканского значения, возвышающегося в некотором отдалении от улицы, в окружении деревьев и кустарников. Учитывая большое скопление людей, направляющихся к автовокзалу, здесь построили подземный переход.

Автовокзал, запроектированный проектировщиками Узбекистана, выполнен в современных конструкциях с включением элементов из национального декора в решетках ограждения. Здание имеет металлическую решетчатую структуру с шарнирными связями, позволяющими перекрывать большие пространства, в частности, большой операционный зал со всеми сопутствующими службами. Посадка на рейсовые автобусы производится с восточной стороны автовокзала, где устроены специальные подъезды и стоянки по транспортным направлениям. Выполненное в крупных членениях, здание на естественной возвышенности выглядит монументально и презентабельно [4, 63].

Напротив вокзала, опять же в отдалении от красной линии застройки, высятся четырех- и девятиэтажные жилые крупнопанельные дома 84-го микрорайона. Намечаемое генеральным планом 1983 года строительство высотных домов с пристроенными торговыми сооружениями на первом этаже осталось нереализованным [7, 44].

Более упорядоченную и композиционно выверенную уличную застройку проспект имеет в своей южной части, после путепровода с транспортной развязкой. Здесь на проспект выходит застройка 12-го микрорайона, который формируют три высотных дома, так называем «армянской серии», построенные методом подъема перекрытий. Между ними вдоль проспекта протянулись торцами четырехэтажные крупнопанельные дома микрорайона, создающие в плане открытые в сторону проспекта дворы. Передняя часть застройки вдоль красной линии занята одноэтажными постройками торговых учреждений с кафе, ресторанами, небольшим крытым рынком. Северная сторона микрорайонной уличной застройки занята 4-х этажным корпусом Генеральной прокуратуры, перед главным фасадом которого был установлен бюст М.В. Фрунзе. Четкие геометризованные линии относительно невысокого фасада, протяженного вдоль проспекта, придали всему зданию цельность и позволили ему слиться со всей застройкой микрорайона (авторы проекта 12-того микрорайона архитекторы В. Бродовский, Н. Ниязмухаммедова, С. Худайдатова, инженеры В. Смородинов, В. Ванин, Н. Черкасова, ПИ «Душанбегипрогор», 1970-е гг.) [11, 84].

На западную сторону проспекта после транспортной развязки у путепровода выходят четырехэтажные кирпичные жилые дома 15-го микрорайона, полностью закрытые ширококронными чинарами. Северо-западный угол пересечения микрорайонной улицы с проспектом закреплен высотным цилиндрической формы объемом 16-ти этажного монолитного жилого дома с пристроенным торгово-бытовым первым этажом, построенного методом скользящей опалубки (архитекторы Ю. Нальгиев, Л.

Асанова, А. Аванесов, О. Налигиева, инж. С. Каримов, начато строительство в 1985 г.) [11, с. 112]. Четкий башенный цилиндрический силуэт дома с полукруглыми балкончиками и круглыми окнами придали зданию своеобразие и колорит. В целом, это сооружение доминирует над всей окружающей застройкой и служит своеобразным акцентирующим элементом всего градостроительного узла на правобережье Душанбе.

Жилой комплекс из трех подобных башен с единым пристроенным торгово-бытовым первым этажом должен был появиться в начале 1990-х года по этой же стороне проспекта Абуали ибн Сино. Однако в настоящее время здесь высится лишь первая башня комплекса, сданная в эксплуатацию в 2007 году.

Между названными двумя башнями главным фасадом на проспект выходит крупное общественное сооружение (80х80 м) – Дворец культуры и техники, построенный по проекту архитектора В. Шелухина и инженера С. Севбо в 1970-х годах (сейчас здесь Филармония). Две самостоятельные части здания – клубная и зрелищная – объединены в одном здании. Доминантой всего объема служит высокая сценическая коробка зала, рассчитанная на 1200 мест; с южной стороны к залу примыкает большой двор, выложенный камнем. Первый этаж клубной части покоится на колоннах, что способствует связи его с большой парковой зоной, расположенной за комплексом, и созданию во дворе хороших условий для циркуляции воздуха, необходимое в жаркое лето. Многофункциональный дворец представляет собой единое целое за счет одинаковых стеновых панелей, служащих одновременно и солнцезащитными устройствами, проходящими по второму этажу, и за счет применения одного облицовочного материала – розоватого ракушечника [10, 16]. Спроектированное в конце 1960-х годов, это здание отличается лаконизмом форм, что помогло ему хорошо вписаться в широкий проспект имени Абуали ибн Сино.

Таким образом, на всем своем протяжении проспект имени Абуали ибн Сино представляет разнохарактерную архитектуру. Несмотря на эту разнохарактерность восприятия, проспект является одним из интереснейших градостроительных транспортных узлов в правобережной части Душанбе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский В.Г. Архитектура и градостроительство Таджикистана / В.Г. Веселовский // Архитектура СССР. – М., – 1977. – С. 25-30.*
2. *Веселовский В.Г. Какой быть архитектуре Таджикистана? / В.Г. Веселовский // Коммунист Таджикистана. – 1979. – 24 января.*
3. *Веселовский В.Г. Таджикская советская архитектура. - Таджикская ССР. Энциклопедический справочник / Изд. 2-е. - Душанбе: ТСЭ, 1984.*
4. *Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадджанов М.Х., Мамадджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. Монография / В.Г. Веселовский и др. - М.: Стройиздат, 1987. – 244 с.*
5. *Владимиров Р. Строится музей археологии и этнографии // Вечерний Душанбе, 20 января 1989 г.*
6. *Гафуров А. Душанбе (Сталинабад) в 1929-1941 годы // Фарханг. – 2004. - № 4.*
7. *Гафуров А. Город Душанбе: становление столицы // Роль города Душанбе в развитии науки и культуры Таджикистана. Материалы конференции. – Душанбе: АН РТ, – 2004. – С. 43-45.*
8. *Мамадджанова С.М. Национальные традиции в архитектуре общественных зданий Душанбе. / С.М. Мамадджанова // АСУ. - 1990. № 11. – Ташкент. – С. 116-120.*
9. *Мамадджанова С. Национальные традиции в архитектуре Советского Таджикистана // Тезисы докл. на XVII научно-отчетной конференции преподавателей ТПИ. - Душанбе: Дониш, 1989, ч.1.*
10. *Мамадджанова С.М. Поиск национального своеобразия в архитектуре Советского Таджикистана / С.М. Мамадджанова // Строительству - высокий научный и технико-экономический уровень. - Самарканд, – 1990. – С.13-17.*
11. *Мукимов Р. Проспект им. Ленина в Душанбе // Таджикская Лениниана. Энциклопедический справочник. - Душанбе: ТСЭ, 1990. – 250 с.*

- Г. А. АРАНДАРЕНКО** **САЙНАКОВ Сайнак Парпишоевич,**
ОБ ЭТНОГРАФИИ к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Таджикского
ДАРВАЗА государственного педагогического университета им.
Садриддина Айни, (Таджикистан, Душанбе)
- Г.А.АРАНДАРЕНКО** **САЙНАКОВ Сайнак Парпишоевич,**
ОИД БА н.и.т., доценти кафедраи таърихи умумии Донишгоҳи
МАРДУМШИНОСИИ давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи Садриддин
ДАРВОЗ Айни, (Тоҷикистон, Душанбе)
- G. A. ARENDARENKO** **SAYNAKOV Saynak Parpishoevitsh,**
ABOUT ETHNOGRAPHY candidate of historical sciences, head of the Department of
DARVAZ General History of the Tajik State Pedagogical University
Sadriiddin Aini, (Tajikistan, Dushanbe)

Ключевые слова: Бадахшан, Россия, Дарваз, Г. А. Арандаренко, этнография, жизнь, язык, обряд, традиция.

В данной статье рассматриваются вопросы этнографии Горного Бадахшана в трудах известного русского дореволюционного исследователя Георгия Алексеевича Арандаренко. Автор, отмечает, что исследователь в результате полевых работ, путём методов наблюдения и опроса собрал уникальный материал по этнографии Горного Бадахшана. Его сведения послужили для научных кругов того периода первичной достоверной информацией о традиционной жизни населения Дарваза.

Калидвожаҳо: Бадахшон, Россия, Дарвоз, Г. А. Арандаренко, мардумишносӣ, ҳаёт, забон, урфу одат, анъана.

Дар мақолаи мазкур саҳми яке аз тадқиқотчиёни намоёни тоиқилобии рус Георгий Алексеевич Арандаренко дар омӯзиши мардумишноси Кӯҳистони Бадахшон, бахусус Дарвоз, баррасӣ гардидааст. Муаллиф хулоса баровардааст, ки маълумотҳои ҷамъоварӣ намудаи Г. А. Арандаренко оид ба мардумишноси Бадахшон аз нурсишу мушоҳидаҳо иборат буда, дар замони худ барои доираи илми Россия оид ба ҳаёти мардуми кӯҳистон, бахусус Дарвоз, ахбори бунёди ба ҳисоб мерафт.

Key words: Badakhshan, Russia, Darvaz, G. A. Arandarenko, ethnography, life, language, rituals, traditions.

This article examines the issues of ethnography of Badakhshan in the works of the famous Russian pre-revolutionary researcher Georgiy Alekseevich Arandarenko. The author notes that as a result of field work, he collected unique material on the ethnography of Badakhshan as a result of field work, using observation and survey methods. His information served as the scientific community of that period as primary reliable information about the traditional life of the population of Darvaz.

В 70-х -начало 80-х годов XIX века российские учёные провели первые комплексные научные экспедиции на территорию нынешнего Таджикистана и достигли территории ГБАО. С этого момента началось непосредственное их участие в изучении этнографии края. Примечательно, что российские военные специалисты для того, чтобы легко управлять делами, считали необходимым и своевременным изучить психологию, религию и традиции народов, которые попали под юрисдикцию Российской империи. Поэтому, этнографическое изучение края стало одним из стратегических задач не только военных, дипломатических, но и научных кругов России.

В числе исследователей Горного Бадахшана достойное место занимает российский военный деятель Георгий Алексеевич Арандаренко (1846-1908), который даёт наиболее полные сведения по этнографии Дарваза. Он одним из первых русских исследователей, который посетил Дарваз.

Арандаренко Георгий Алексеевич – генерал-майор, военный губернатор Ферганской области, этнограф, родился в 4 февраля 1846 г. в Черниговской губернии Российской империи, умер 19 апреля 1908 г. в Варшаве. Учился в Петровском Полтавском кадетском корпусе, который окончил 1863 году. Затем учился в Первом Павловском военном училище и Михайловском артиллерийском училище, откуда выпущен в чине подпоручика 1866 и отправлен на службу в Туркестанский стрелковый батальон.

Работал на разных военно - административных должностях в Туркестанском генерал-губернаторе, с 04.06.1901 г. – по 10.12.1904 г. был губернатором Ферганской области.

В своем донесении на имя Туркестанского генерал-губернатора от 28 марта 1880 года он пишет: «горная страна Дарваз, занимая возвышенности левобережья среднего течения р. Пяндж и ее притоков,

не видела до настоящего времени ни одного европейца и остается поэтому совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки. Не больше знают о Дарвазе и бухарцы и само правительство эмира» [5, 41].

Согласно мнению профессора Х. Пирумшоева, судя по заметкам, появившимся в «Туркестанских ведомостях», первым из русских путешественников, который посетил Дарваз, был ботаник С. М. Смирнов в 1879 году [5, 41], но несмотря на несколько поездок в Дарваз, к сожалению, он не оставил никаких сведений историко-географического характера. Результаты его поездки, может быть, не были известны современникам, интересующимся этой горной страной, о чем свидетельствует то, что Г. А. Арандаренко не отметил в своих работах его посещения Дарваза [5, 113].

Важным замечанием в области религиозного мировоззрения населения Дарваза, можно принимать наблюдение Г. А. Арандаренко об отсутствии фанатизма, так как, среди городского населения Бухарского эмирата, он господствовал. Несмотря на это, он пишет, что бухарцы «успели познакомиться и дарвазцев с чашбаном (вуаль из черного конского волоса), никогда ранее не применявшийся в регионе. Пока только этим и обозначилось миссия бухарцев в Каратегине и Дарвазе. В остальном жизнь горца остаётся такою же первобытною, какою она была тысячу лет тому назад» [1, 451].

Например, он отмечает, что система подати в Дарвазе действует по-прежнему. Каждый амлякдор в своём ведении имеет несколько десятков селений, во время жатвы через своих людей собирает 1/10 часть с урожая каждого зернового продукта и «с собираемых плодов тут (шелковица), а также и по одному барану, независимо от их количества в хозяйстве, с каждого домовладельца (танхо)» [1, 449]. Кроме этого, отмечает исследователь, каждое хозяйство обязано, доставить на зимний сезон своему навкеру дров, дать 20 копеек на путевые расходы. По его сведениям, от каждого домовладельца занимающихся отхожей промысловке золота каждый год собрали по пять рублей

По сведениям другого русского исследователя того периода Д. Л. Иванова, повинности в Дарвазе были в таком размере: «оброк, смотря по местности, накладывается на один дом в таком виде: баран или козёл, суконный халат, одна пара деревянных башмаков, одна деревянная чашка, лопата, 2 – 3 вязанки дров, одна чашка масла, один мешок мякины, один аркан, одна курица» [2, 241 – 242]. Добавляя к этому, Д. Л. Иванов отмечает, что по причине добычи железа в долине Ванча, с населения введена подать за выплавки железам [2, 242].

Виды и размеры повинности в Дарвазе и Ванче на основе русских дореволюционных источников подробно рассмотрены в работах профессора Х. Пирумшоева [3; 4].

Г. А. Арандаренко замечает, что население Дарваза «не утратили и теперь свою типичность древнеперсидских племён» [1, 452]. По наружному виду у дарвазцев, как у каратегинцев, кожа смуглая; волосы прямые, густые, чёрные, рыжие и каштановые; глаза чёрные и светло - карие; лицо правильное, выразительное, с открытым крутым или низким лбом, с крутым носом; рост выше среднего, телосложение крепкое, с развитой грудью, с сильной мускулатурой, с тонкими икрами, стан стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный [1, 453].

Его современник, другой русский исследователь, Н. Н. Покотило пишет, что «тип, язык, устройство жилищ и заметное стремление к изящному резко напоминает нас самих – европейцев» [6, 498]. Он составляет правильный наружный вид таджиков Дарваза и наблюдает в нем расовую чистоту. Он особо выделяет, что благодаря природной изоляции защищенное от всякого рода чужеземных набегов, дарвазцы «сохранили свою народность в полной чистоте. Сравнительная белизна кожи, темнорусые волосы, правильные и красивые, в особенности у женщин, черты лица составляют особенность их типа» [6, 498].

Д. Л. Иванов тоже отмечает, что на Памире живут две народности: одна монгольского племени киргизы, и другая арийского происхождения – таджики. Это жители Шугнана, Рушана и Дарваза, которые с точки зрения этноантропологии оставили на взгляд Д. Л. Иванова изумительное впечатление. «Взглянешь на таджика горца, – отмечает он, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – ни киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытие, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя» [2, 240]. Он же пишет, что в «таджике вы встречаетесь с необыкновенным стремление к оседлости, к культуре» [2, 240].

В 1907 г. из Ферганы через Алайскую долину и Дарваз, с заходом в Язгулем, приехал со служебными целями А. К. Разгонов, который тоже оставил в своих записках много интересных этнографических сведений о населении пересеченных им территорий. Исследуя края, он тоже отмечает, что здесь в горах сохранён тип таджиков, напоминающий библейские времена. Люди одеты в рубищах, глядя на них, человеку сразу вспоминается «ветхозаветных аскетов» [7].

Особый интерес представляет собранные Г. А. Арандаренко материалы по язгулемским наречиям и ведение счёта на этом говоре [1, 452 – 453]. Хотя первым о существовании язгулемского наречия, без публикации (может быть и без записи) его образцы, бегло сообщил А. Э. Регель [8, 268 – 274], но впервые среди исследователей именно Г. А. Арандаренко записывает образцы язгулемского языка.

Русский и советский востоковед и военный деятель А. Е. Снесарев, будучи в 1902 – 1904 годах начальником Памирского пограничного отряда, имел возможность, более обстоятельно знакомится с говорами населения тогдашнего Дарваза. В своем военно-географическом обзоре составленном по результатам рекогносцировочной работе летом 1904 г. А. Е. Снесарев приводит не мало сведений этнографического характера по Дарвазу, Ванчу и Язгулему, особенно по языку и говорам. Исследователь показывает переходный период восточноиранских говоров к новоперсидскому языку, особенно в Дарвазе. А. Е. Снесарев первым из исследователей обнаружил ванчский говор и процесс исчезновения одного из памирских языков в Ванче [9].

Далее Г. А. Арандаренко описывает землевладение и отмечает, что земледелие в Дарвазе исключительно весеннее. Согласно нашим данным на побережье Дарваза население занималось и занимается озимым посевом пшеницы.

По его информации, торговля в основном ведётся преимущественно обменным путем. «Так как горцам вовсе неизвестна ни мера длины, ни мера емкости и веса, ни денежные знаки, то, как и сказано выше, при меновых сделках единицей меры веса служить головная ермолка (каляпуш), а единицей расчета принимается кусок бязи (карбас) в 12 аршин, сколько идёт на одну пару нижнего белья. На деньги же такой кусок бязи стоит в Дарвазе 40 копеек. Кусок алачи, бумажный крашенины (на халат) 60 копеек, чулки шерстяные (джуляб) 20 копеек, за пару, сапоги из сыромяти 40 копеек за пару» [1, 457].

По сведениям Н. Н. Покотило, который интересовался данным вопросом, население Дарваза «подать платят тутом, словом сказать у них мешок тута – денежный знак и действительно настоящую монету они узнали со времени покорения Каратегина узбеками, когда к ним стали мало-помалу проникать теньги (20 коп. сереб. монета) из Гарма и Коканское ханства» [6, 499].

Довольно подробно освещены в работе Г. А. Арандаренко вопросы охоты. Он отмечает, что этот вид занятия для дарвазцев является как обеспечением своих материальных и продовольственных потребностей, столько же увлекающие занятости. Исследователь описывает охотничьи снаряжения, методы охоты на зверей и другие обычаи, связанные с ним [1, 459 – 461].

В работе автора рассмотрен также тип селения в Дарвазе, внешний и внутренний вид постройки, домашняя утварь горцев и другие [1, 462-464]. Автор пишет, что, несмотря на тяжелые условия жизни горцев «заболеваемость, смертность в горах слабее заболеваемости и смертности в долине...» [1, 464].

Г. А. Арандаренко внимательно прослеживает процесс сватовства, размер калима, брак и бракосочетание, свадьбы, отмечает, что разводы среди горцев бывают очень редко, и случаи нарушения супружеской верности тоже очень редки [1, 466-469].

Кроме вышесказанного, он подробно останавливается на вопросах празднования обряда обрезания. По его мнению, этот праздник наиболее торжественно отмечается, в нем зажиточные жители не только приглашают своих односельчан, но и всех жителей соседних селений. Все гости независимо от пола и возраста угощаются в течение трёх суток, с сопровождением игры козлодрание. В проведении этого праздника, жители среднего состояния обычно тратят 20 баранов, 2 батмана рисовой крупы, обычно для приготовления традиционного блюда плов, 12 козлов, 2 батмана лепешек и прочие, всего на 140 рублей, для бедняка проведение такого праздника обойдется на 10 рублей [1, 469]. Г. А. Арандаренко также коротко сообщает о погребальной поминке и её сроках в Дарвазе [1, 469-470].

В конце своих этнографических исследований Г. А. Арандаренко, ежедневно наблюдая горцев, об их отличительном характере, делает такой вывод: «Как у всех первобытных, неиспорченных народов, в характере горцев особенно выдается добродушие с общественным призрением сирот, вспыльчивость, кровомщение, уважением к старшим, к чужой собственности, правдивость, твердость в слове, отважность на все случаи опасности с полным презрением трусов, терпеливость, стойкая выносливость всяческих лишений в борьбе с природой, с социальными явлениями, расположение к гостеприимству до готовности каждого поделиться, хотя бы и с случайным гостем, последними крохами домашнего хозяйства» [1, 471].

По его же мнению «умственные способности горцев выражаются большою понятливостью, склонностью к наблюдениям, обширною памятью», что они знают свою генеалогию, множество преданий и легенд, многие молодые люди из их числа заканчивают бухарские и самаркандские медресе с большим успехом, чем жители долин. Их умственное творчество ярко отражает в их песнях, сказках, пословицах и куплетах [1, 471-472].

Таким образом, сведения Г. А. Арандаренко послужили для научных кругов того периода первичной достоверной информацией о традиционной жизни населения Дарваза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арандаренко Г. А. *Досуги в Туркестане 1874 – 1889.* – СПб., 1889. – 465 с.
2. Иванов Д. Л. *Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского географического общества.* – Т. – XX. Выпуск 3. – СПб., 1884. С. 209 – 252.
3. Пирумиев Х. *Таърихи Дарвоз (аз қадим то замони муосир).* – Душанбе, 2008. – 703 с.
4. Пирумиев Х. *Ванчи ману ганчи ман.* – Душанбе, 2013. – 608 с.
5. Пирумиев Х. *Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – XX.* Душанбе, 1992. – 132 с.
6. Покотило Н. Н. *Путешествие в Центральную и Восточную Бухару // Известия Императорского русского географического общества.* – Т. – XXV. – СПб., 1889. – С. 480 – 502.
7. Разгонов А. К. *По Восточной Бухаре и Памиру.* – Ташкент, 1910. – 230 с.
8. Регель А. Э. *Путешествие в Шугнан // Известия Русского географического общества.* – Т. XX. – Вып. III. – СПб., 1884. С. 268 – 274.
9. Снесарев А. Е. *Восточная Бухара. Военно - географический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.* – Выпуск XXIX. – СПб., 1906.

КУЛОЛГАРӢ ЯКЕ **ОДИНАЕВ Бахтиёр Эмомалиевич,**
АЗ НАМУДӢОИ *н.и.т., проректор оид ба илм ва эҷодиёти Донишкадаи давлатии*
ӢУНАРӢОИ *санъати тасвири ва дизайни Тоҷикистон;* **ӢСУПОВА Рӯзафзун**
МАРДУМӢ *Айнуллоевна, мудири шуъбаи магистратура ва аспирантураи*
ДДСТДТ (Тоҷикистон, Душанбе)

КЕРАМИКА – **ОДИНАЕВ Бахтиёр Эмомалиевич,**
РАЗНОВИДНОСТӢ *к.и.н., проректор по науке и творчеству Государственного института*
НАРОДНОГО *изобразительного искусства и дизайна Таджикистана;* **ӢСУПОВА**
РЕМЕСЛА *Рузафзун Айнуллоевна, заведующий отделом магистратуры*
и аспирантуры ГИИИДТ (Таджикистан, Душанбе)

THE CERAMIC **ODINAEV Bahtiyor Imomalievich,**
IS A VARIETY OF *candidate of historical sciences, Prorektor of the State Institute of the arts*
PEOPLE’S *and design of Tajikistan;* **ӢSUPOVA Ruzafzun Aynuloevna, Head of the**
HANDICRAFTS *Department of magistracy and aspiranter of the SIADT (Tajikistan,*
Dushanbe), E-MAIL: Odinaev Bahtiyor64@mail.ru

Калидвожаҳо: кулол, ӯунарманд, кулолгарӣ, ӯунар, чинниворӣ, гил, ӯунрӯҳои мардумӣ, Тоҷикистон.

Ташиаккули кулолгарӣ тӯли сайри таърихи бо дигар соҳаҳои фаъолияти башарӣ бешиак робитаи ногусастанӣ дошт. Тавсифи техникиву минтақавии он то кунун ҷиҳати гузаронидани пажӯҳишҳои таърихи, баҳусус ҳарфиеӣ, фарҳангӣ ва таҳқиқоти этнологӣ дар ҳалли масоили алоҳидаи пайдоиши халқи тоҷик нишонаҳои муайянкунандаи асосӣ маҳсуб меёбанд. Тарафи дигар ва муҳими масъаларо мебояд зикр намуд, ки маҳсулоти кулолгарӣ дар фарҳанги бойи тоҷикон ҳамчун ифодакунандаи ҳолати рӯҳӣ, инъикосгарӣ муносибати рӯҳии одамон буд.

Кулолгарӣ имрӯз дар саноати электротехника, бинокории химиявӣ, меъморӣ тиббӣ ва истеҳсоли зарфҳо хеле васеъ истифода мешавад. Дар истеҳсоли маҳсулоти бадеӣ низ кулолгарӣ нақши бузург дорад. Маҳсулоти кулолгарӣ аз таъсири атмосферавӣ эмин аст. Агар имконияти нигоҳдорӣ хуб таъмин гардад, метавонад, асрҳо хизмат намояд. Аз ҳамин сабаб аст, ки таърих намунаҳои санъати кулолгариро дар шаклҳои гуногун – гоҳо дар шаклҳои ашёи хурди аз лой сохташудаи олами сеҳри қадима то маҳсулоти нозуки фахфурӣ (чинӣ) нигоҳ доштааст. Маданияти Осиёи Миёна - неш аз ҳама маданияти кулолгарӣ, косибӣ ва бофандагӣ аст. Таърихан, дар қаламрави ҳозираи Тоҷикистон марказҳои бадею табиӣ оид ба истеҳсоли маҳсулоти кулолӣ ба вуҷуд омадаанд. Дар шаҳрҳои Конибодом, Хучанд, Истаравишан, Панҷакент, Исфара, Кӯлоб, Ҳисор, ноҳияҳои ҷануби Помир, деҳаҳои Шӯрообод, Даштиҷум (Кӯлоб), Чоркӯҳ ва Урметан дар Сӯғд кулолгарӣ хизмати сазоворе кардааст.

Ключевые слова: керамика, керамическое искусство, глина, мастерство, фарфор, ремесло, национальная культура, Таджикистан.

Керамическое ремесло никогда не развивалось изолированно, а на протяжении всего исторического периода находилось в тесной связи с другими сферами человеческой деятельности. Его технические и региональные характеристики, остаются по сей день важными атрибутивными признаками при проведении исторических исследований, в частности археологических, культура ведических и этнологических изысканий. В статье авторы освещают национальные особенности развития керамического искусства таджикских ремесленников.

Key words: ceramic, the ceramic, arts, clay, skill, (mastership), china (porcelain), the national culture of Tajikistan. variety of people’s handicrafts.

The ceramics handicraft never developed isolates, but in an extend all of the historical period considered in a close connection with the other human spheres activities. It’s technic and regional character stay’s this day significant attributive specter find out historic research in particular archaeology, cultural and refined ethnology. In the article author illumination the national peculiarity to develop the Tajik ceramic handicraft art. It is necessary to show another and important side of the problem that the ceramic production was in the rich culture of the Tajiks by the expression of the state of the soul by the separation of peoples emotional relations.

Ceramics today is very widely used in electrical engineering, chemical construction and the production of various dishes. In the production of artistic products, ceramics play a very protected from atmospheric in

financer. If you provide good care than it will last for ages. For this reason history has preserved samples of ceramic art in numerous species, some times from small raw species from the clay of the magical ancient world to fragile earthen ware. Culture of central Asia is primarily a ceramic culture, craft and weaving. Historically on the territory of present-day Tajikistan there were art and natural centers. In the cities of ceramic products. In the cities of Kanibodam, Khujand, Istaravshan, Penjikent, the villages of shurabad, Dushtijum, (Kulyab) chorkuh and Urmetane in Sughd, ceramic played a worthy service.

Эълон шудани соли 2018 чун “Соли рушди сайёҳӣ ва хунарҳои мардумӣ” аз ҷониби Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ва озод намудани хунармандон аз андозсупорӣ барои эҳёи хунарҳои мардумӣ тақони хубе гардид. Барои хунармандон ин иқдом боиси муаррифии хунарҳои мардумӣ ба ҷаҳониён хоҳад гашт [8, 47].

Сурати 1. Маҳсулоти кулолии усто Халиқова С. (минтақаи Кулоб с.1940 гили сурх, анғоб, нақшу ниғор)

Кулолгарӣ санъатест, ки маводи он ба воситаи пухтани гили ва махлутҳои он, бо иловаи нуриву оксиди металлҳо ва дигар пайвастагиҳои ғайриорганикӣ ба даст оварда мешаванд. Чӣ хеле ки маълум аст, хок ва сафол дар ҳаёти инсоният мавқеи махсусеро дорост. Хок, пеш аз ҳама яке аз унсурҳои асосии пайдоиши ҳаёт дар рӯи замин аст. Инчунин гил, ки асоси кулолгарӣ ба шумор меравад, аввалин маводи табиие мебошад, ки инсон ба даст овардааст. Минбаъд хеле серистеъмол гардидааст. Гилро инсон қариб дар аксарият ҳолатҳои зиндагӣ мавриди истифода қарор меод. Таърихи инсоният истифодаи гилро аз тахтаҷаҳои гилинии Байнанаҳрайн, ки барои ифодаи хатҳои меҳӣ истифода шуданд шаҳодат медиҳад. Сарчашмаҳо хабар медиҳанд чандин мавзъ ҳатто гилро ҳамчун хӯрок истифода мебардаанд. Масалан, мардуми Шарқ дар хӯроқашон “равғани замин”- гили сафедро истифода мекарданд. Вайро бо шири гавазн ҳамроҳ карда меҳӯрданд ва ё ба оби гӯшт ҳамроҳ менамуданд. Ҳазрати Саъдӣ низ истифодаи гилро ҳамчун маводи беҳдошти хеле хуб ва шоирона ифода кардааст:

Гили хушбӯӣ дар ҳаммом рӯзе,
Расид аз дасти маҳбубе ба дастам.
Бад-ӯ гуфтам, ки мушкӣ ё абирӣ,
Ки аз бӯи диловези ту мастам.
Бигуфто ман гили ночиз будам,
Валекин муддате бо гул нишастам.
Қамоли ҳамнишин бар ман асар кард,
Валекин ман ҳамон хокаи, ки ҳастам [4, 5].

Дар замони қадим анвои собунҳои хушбӯ мавҷуд набуданд ва мардуми қарияҳо деги пуробро бо чанд доман барги гул ва гил пур мекарданд. Баъди соатҳои дароз ҷӯшидани об, ки бо гилу гул омехта мешуд як навъи моддаи шустушӯӣ ба вучуд меомад, ки онро “собуни хушбӯӣ” меномиданд.

Сурати 2. Маҳсулоти кулолии устоҳои ш. Қонибодом (гили сурх, анғоб, сирпӯшӣ нақшу ниғор)

Тарафи дигар ва муҳими масъаларо он аст, ки маҳсулоти кулолгарӣ дар фарҳанги бойи тоҷикон ҳамчун ифодакунандаи ҳолати рӯҳӣ, инъикосгарӣ муносибати рӯҳии одамон буд. Мо шоҳиди онем, ки олимони бузург ба воситаи тасвири маҳсулоти кулолӣ фикру ақидаи ҳокимони худро хеле нозукона баён сохтаанд. Рубоиёти машҳури олим, шоир ва мутафаккири бузурги шарк Умари Хайёми Нишопурӣ мисоли барҷастаи ин гуфтаҳост:

Ин кӯзагарон, ки даст бар гил доранд,
Гар ақлу хирад нек бар ӯ бигморанд.
Ҳаргиз назананд мушту силиву лагад,
Хоки падарон аст, накӯ медоранд.

Ё ки:

Дар корғаҳи кӯзагаре рафтам дӯш
Дидам ду ҳазор кӯза гӯёву хамуш.

Ногоҳ яке кӯза баровард хурӯш:

“Ку кӯзагару кӯзахару кӯзафурӯш” [5.42].

Вақте ки инсон пӯхтани гилро кашф кард, доираи истифодаи вай маротиба чанд афзуд. Тавассути қобилиятҳои беназири худ (сафол занг намезанад, нисбат ба металл дар ҳарорати баланд тобовар аст), имрӯз сафол дар истеҳсоли маҳсулоти муосир мавқеи хосаро ишғол мекунад. Алҳол кулолгарӣ ҳамчун маводи индустриалӣ (дар мошинасозӣ, таҷҳизотсозӣ, саноати ҳавопаймосозӣ ва ғайра), маводи сохтмонӣ бадеӣ, чӣ дар илм ва чӣ дар тандурустӣ васеъ истифода бурда мешавад.

Ҳангоми гарм кардан (пӯхтан) оби дар таркиби гил мавҷудбуда буғ мешавад ва маводи дигар – сафол (керамика) пайдо мешавад. Чӣ қадар ҳарорат барои пӯхтани гил паст бошад, ҳамон қадар раванди он тӯл мекашад.

Сафол (керамика) якчанд навъ дорад. Вобаста ба таркиб он метавонад шишамонанд (сафолаки майдадона) ва метавонад дағал (сафолаки калондона) шавад. Шаклҳои асосии сафоли маҳин ин – фарфор, нимфарфор, фаянс ва қошӣ (майолика) мешавад. Сафоли дағал бошад ин сафоли кулолгарӣ (шамот) аст.

Кулолгарӣ имрӯз дар саноати электротехника, бинокорӣ химиявӣ, меъморӣ тиббӣ ва истеҳсоли зарфҳои гуногун васеъ истифода мешавад. Дар истеҳсоли маҳсулоти бадеӣ низ кулолгарӣ нақши хеле калон дорад. Кулолгарии бадеӣ ин истеҳсоли бадеӣ аз гил ва дигар ашёи минералие, ки дар гил асос ёфтааст. Ба ин намудҳои монументалӣ, ба мисли лавҳҳои пурнақшу ниғор, ҳайкалҳо, зарфҳои кулолӣ, гулмонақҳо ва маводи монанди онҳо дохил мешаванд.

Маҳсулоти кулолгарӣ аз таъсири ҳавои (атмосферавӣ) эмин аст. Агар имконияти нигоҳдорӣ хуб таъмин гардад, метавонад, асрҳо хизмат кунад. Аз ҳамин сабаб аст, ки таърих намунаҳои санъати кулолгариро дар шаклҳои гуногун – гоҳо дар шаклҳои ашёи хурди аз лой сохташудаи олами сеҳри қадима то маҳсулоти нозуки фаҳфурӣ (чинӣ) нигоҳ доштааст.

Маданияти Осиёи Миёна-ин пеш аз ҳама маданияти кулолгарӣ, қосибӣ ва бофандагӣ аст. Таърихан, дар қаламрави ҳозираи Тоҷикистон марказҳои бадеию табиӣ оид ба истеҳсоли маҳсулоти кулолӣ ба вучуд омадаанд. Дар шаҳрҳои Конибодом, Хучанд, Истаравшан, Панҷакент, Исфара, Кӯлоб, Ҳисор, ноҳияҳои чануби Помир, деҳаҳои Шурообод, Даштиҷум (Кӯлоб), Чоркӯҳ ва Урметан дар Суғд кулолгарӣ хизмати сазоворе кард. Дар рушди хатти меҳӣ, ислом (хушнависҳои ороишӣ), унсури расмӣ даврӣ ва анъанаҳои динӣ (аломатҳо), илова бар ин дарбаргирандаи асоси моддӣ дар биносозӣ ҳар навъи меъморӣ будааст. Кулолгарии бадеӣ ҳамеша асоси истеҳсоли ҳунармандӣ ва санъати навовариро ташкил меод. [6. 109]

Дар ҳоли ҳозир кулолгарӣ мисли пештара дар саноати мошинсозӣ, саноати ҳавопаймосозӣ, асбобсозӣ, меъморӣ, бинокорӣ, нақлҳои ҳавоӣ ва обӣ, тиб, маҳсулоти маишӣ ва санъат, чун ашёи хом истифода мешавад.

Сурати 3. Маҳсулоти устоҳои кулоли Исфара (Чоркӯҳ) асри XX (гили сурх, анғоб, сирпӯши нақшу ниғор)

Дар даҳсолаи якуми асри XXI бо ташаббуси Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон чанд барнома, қонун, концепсия, ки мушкилоти хунармандиро таҷассум мекард, қабул гардид. Ба ин мисол шуда метавонад: “Концепсияи рушди фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон” аз 30.12.2005, № 501, “Барномаи рушди фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон” барои солҳои 2008 то 2015 аз 03.03.2007, №85, “Барномаи рушди хунарҳои мардумӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” барои солҳои 2009 то 2015 аз 31.10.2008, № 513 ва нисбат ба “Соли рушди сайёҳӣ ва хунарҳои мардумӣ” эълон шудани соли 2018. Дар чунин марказҳои анъанавии истеҳсоли кулолгарӣ ба монанди шаҳру ноҳияҳои Хучанд, Истаравшан, Кӯлоб, Исфара, Рашт ва деҳаҳои Чоркӯҳу Қариятоқ, ВМКБ ва дигар ҳоло ҳам ба ин хунари қадимӣ камтар даст мезананд. Сабабаш ин аст, ки бо пайдо шудани маҳсулоти пластмасӣ, маҳсулоти кулолгарӣ қимати худро гум кард, чунки устоҳои кулолгар бо сабаби арзон будани маҳсулоти пластмасӣ, маҳсулоти қимати истеҳсолнамудаи худро ба фурӯш бароварда наметавонианд ғайр аз ин, кулолгарон наметавонианд хароҷоти кори худро бароранд [6.111].

Ба ин нигоҳ накарда, истеҳсоли кулолгарии тоҷикон дар марҳилаҳои таърихӣ худ ҳам давраҳои пешрафти худро аз сар гузаронид: аз кулолгарии хонагӣ то истеҳсолоти замонавӣ муосир.

Дар асри XX истеҳсоли кулолгарӣ бо пуштибонӣ аз давлат натавонанд як рӯки фарҳанги миллии тоҷикон, балки дар асл хоҷагии мардумӣ гардида буд.

Дар он замон наздикшавии хунармандони тоҷик бо хунармандони дигар халқҳо дар шакли сохтори ягонаи Шуравӣ мусоидат кард, табодули васеъ дар соҳаи намоиши соҳавӣ баровард ва кулолгариро ба бозори ҷаҳонӣ муаррифӣ сохт.

Таҷрибаи таърихӣ нишон медиҳад, ки мазмуни аслии кори кулолгарӣ бо якҷоягии истеҳсолоти саноатӣ, касбӣ ва эҷодии мардумӣ мунтаҳо дар ҳаёти иҷтимоӣ-иқтисодии мамлакат бо нигоҳдошти махсусияти анъанаву фарҳанги тоҷикон, бояд нақши асосиро бозад. Кулолгарӣ дар болоравии худшиносии миллии бо нерӯи махсусияти истифода ва бавучудоварӣ сарчашмаи маълумотӣ барои таърихи фарҳанги миллии мегардад [6.111].

Сурати 4. Маҳсулоти кулолии устоҳои ш. Хучанд (асри XX гили сурх, ангоб, сирпӯшии нақшу нигор)

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. Додхудоева Л. Из истории реставрации гисарского заповедника “Кальаи Хисор” // Муаррих. – Душанбе, 2014. -№2, стр. 32-36.
2. Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. – Душанбе: Дониш, 1984. 148.
3. Илхимова С. Художник-керамист Ашур Мухаммад Мамасолиев // Санат. -№1, 2002.- стр.13-15.
4. Саъди Шерозӣ. Гулистон // Адабиёти бачагона. – Душанбе, 2015. 105 стр.
5. Умари Хайём. Сад рӯби Адабиёти бачагона Душанбе, 2015. 142 стр.
6. Одинаев Б. Санъати кулолгарии тоҷикон. // “Мероси ниёгон”, “Ҳифзи ёдгориҳои таърихи фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон”. – Душанбе, 2017. - №1(19).- 2017.- стр. 109-111.
7. Одинаев Б. Из истории развития керамического производства таджиков. // Вестник Педагогического университета. - Душанбе 2014. №6(61), - стр. 70-73.
8. Пайёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи самтҳои сиёсати дохилӣ ва хориҷӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон”. – Душанбе, 2017. - с.47.

БАЪЗЕ ХУСУСИЯТҲОИ МАҲСУДОВ Аслиддин Муҳаббатович,
МАРДУМШИНОСИИ АҲОЛИИ докторанти PhD-и Институти таърих,
ВОДИИ РАШТ ДАР КИТОБИ бостониносии ва мардуминосии ба номи
«ТАДЖИКИ КАРАТЕГИНА А.Дониши АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон
И ДАРВАЗА» (Тоҷикистон, ноҳияи Рашт)

НЕКОТОРЫЕ МАҲСУДОВ Аслиддин Муҳаббатович,
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ PhD докторант Институти истори,
ХАРАКТЕРИСТИКИ археологии и этнографии имени А. Дониши АН
НАСЕЛЕНИЯ РАШТСКОЙ Республики Таджикистан (Таджикистан,
ДОЛИНЫ В КНИГЕ «ТАДЖИКИ Раштский район)
КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА»

SOME ETHNOGRAPHIC МАҲСУДОВ Аслиддин Муҳаббатович,
CHARACTERISTICS OF THE doctoral student of the Ahmad Donish Institute of
POPULATION OF THE RASHT history, archaeology and ethnography, Academy of
VALLY ON THE BOOK «TADJIKS OF Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan,
KARATEGIN AND DARVAZ» Rasht region), E - MAIL: makhsudov@inbox.ru

Калидвожаҳо: Каратегин, Дарвоз, манзили зист, либос, ҳунарҳои мардумӣ, таом, тибби мардумӣ, анъана, Рашт, урфу одат.

Дар мақола оид ба тадқиқотиҳои муаррих-мардуминос Н.А. Кисляков дар шинохти анъанаҳои мардуми Рашт баҳс меравад. Муаллиф фаъолияти Н.А. Кисляковро баррасӣ намуда, таъкид мекунад, ки китобҳои олим ҳамчун осори таърихӣ ва мардуминосӣ барои наслҳои имрӯзу оянда боарзиши ҳоҳад монд.

Ключевые слова: Каратегин, Дарваз, жилища, одежда, народные ремесла, питание, народная медицина, традиция, Рашт, обряды и обычаи.

В статье указывает на вклад Н.А. Кислякова - известного русского этнографа на некоторые аспекты этнографического изучения Раштской долины. Раскрывая деятельность Н.А. Кислякова, автор делает выводы и указывает что его работы являются историческим и этнографическим ресурсом для будущего поколения и поколения дня.

Key words: Karategin, Darvaz, place of residence, clothing, folk crafts, food folk, medicine, tradition, Rasht, rites and customs.

This article is devoted to the contribution of Russian historian and ethnographer N.A.Kislakov to the tradition of Rasht valley. The author makes conclusion and points that his books will serve as the historical and ethnographical resource for the future and to day's generation.

Тоҷикон ҳамчун қавми бумии минтақаи Осиёи Марказӣ дорои таърихи чандинҳазорсола буда, дар ташаккул ва рушди тамаддуни минтақа ва умуман тамаддуни башарӣ сахми бориз гузоштаанд. Маҳз ҳамин омил боиси он гардидааст, ки пайваста омӯзиши таърихи ин қавми тамаддунофар дар маркази диққати мутахассисони ватаниву хорҷӣ буд. Имрӯз низ, пас аз ба даст овардани истиқлолияти комили давлатӣ тавачҷуҳ ба таърихи халқи тоҷик ҷӣ дар дохили ҷумҳурӣ ва ҷӣ берун аз он боз бештар афзудааст. Илми таърихшиносии миллӣ низ дар ин самт бо шарофати ҷайзи истиқлол соҳиби натиҷаҳои назаррас гардидааст.

Дар таҳқиқи омӯзиши таърихи халқи тоҷик муҳаққиқони зиёди ватанию хоричи нақши амиқи худро гузоштаанд. Таҳқиқи илмӣ таърихи халқи тоҷик бевосита аз нимаи дуҷуми асри XIX ибтидо гирифтааст.

Таърихро хотираи инсоният гуфтаанд. Зиндагии башарият ҳам бар пояи рӯзгори пешиниён идома мекунад. Наслҳои имрӯза барои наслҳои оянда кореро анҷом медиҳанд, ки наслҳои пешин барои имрӯзиён карда буданд. Бинобар ин омӯзиши таърих, ки ҳамеша пандомӯз аст, барои башарият чун чароғи раҳнамо хидмат хоҳад кард. Ҳамин аст, ки аз замони қадим то имрӯз таърихшиносии навистани ҳаводису воқеоти олам ҷойгоҳи муҳиме дошт ва ба тавассути он башарият аз рӯзгори гузашта огоҳ мешавад. Таърихшиносии тоҷик дар замони Шӯравӣ нафаси тоза гирифта, ба бисёр аз саволҳои бечавоби худ посухи илмӣ дод. Омедони муаррихон, мардуминосон аз Россия имкон дод, то дар бораи минтақаи Осиёи миёна, шаҳру деҳоти он қавмҳои бостониносии, тадқиқи ҳаводиси таърихӣ, шиносӣ бо шеваи зиндагии мардум ҳам дар

шахрхо ва ҳам дар дехот амалӣ шаванд. Яке аз чунин муаррихон-мардумшиносон Николай Андрееви Кисляков мебошад, ки бо осори гаронбаҳояш дар саҳифаҳои таърихнигории тоҷик номи худро сабт кардааст. Муҳаббат ба Тоҷикистон, ба урфу одатҳои мардумии миллати тоҷик, меҳмоннавозии халқи тоҷик, фарҳанги қадимаи он, китобдӯстӣ ва ин ҳама олими варзидаи русро мафтунӣ кишвари тоҷикон, махсусан, кӯҳистони он гардонида буд.

Н.А. Кисляков 11-уми декабри соли 1901 дар шаҳри Санкт-Петербург дар оилаи ашрофзодагон ба дунё омадааст. Падараш марди ҳарбӣ буда, пас аз маргаш соли 1915 ба ӯ рутбаи генерал-майорро медиҳанд. Модарша зани донишманд буда, забонҳои немисӣ, франсузӣ, шведӣ ва англисро медонист ва ӯ низ аз хонаводаи сарватманд буда, ба тарбияи се фарзандаш машғулият доштааст. Н.А. Кисляков таҳсилоти хуби ибтидоиро дар хонаводаашон гирифта, сипас ба корпуси кадетии Петроград дохил мешавад. Аммо Инқилоби Октябр масири зиндагии ӯро дигар карда, давоми 4 сол коргузори роҳи оҳан, хизмат дар сафҳои нерӯҳои мусаллаҳи ҳарбӣ, фаъолияти омӯзгорӣ аз рӯзгори даврони ҷанони ӯст. Соли 1927 ба Ленинград (ҳозира Санкт-Петербург) бармегардад ва ба факултети ҷуғрофияи шӯъбаи мардумшиносии (шӯъбаи эроншиносӣ) дохил мешавад.

Баътар Н.А. Кисляков ҳаёти худро бо Тоҷикистон пайваста, нақши ӯ дар тайёр намудани мутахассисони илм дар баҳши таърих ва мардумшиносӣ бениҳоят бузург аст.

Аммо мавзӯи баҳси мо, ки «Таджики Каратегина и Дарваза» ташкил медиҳад, заррур донистем, то назари кӯтоҳе ба таърихнигории ин водӣ дошта бошем. Водии Рашт, дар гузашта Қаротегин низ дар таърихномаҳои пешин низ ёд шудааст. Қадимтарини он асари «Аҷоиб-ул-булдон» аст, ки дар он номи Рашт ёд шуда, масофаи ин мавзеъро то Вашгирд тақрибан 60 км ёд мешавад. Ва дар ин китоб омадааст, ки «Рашт дутарин ҷойи Хуросон аст». Ба гуфтаи муҳаққиқ таърихнигор Муҳтарам Ҳотам вожаи «Қаротегин» дар китобҳои таърихӣ аз асри XIV ин тараф бо номи «Қаратакен» ёд мешавад.

Асари Саидхоҷаи Гулшанӣ «Таърихи хумоюн» низ дар бораи водии Қаротегин маълумоти хеле муҳимро дар ихтиёри хонандаи худ мегузорад. Вай дар китобаш аз макотибу мадориси Қаротегин-Рашти ҳозира чунин овардааст: «Аксари онҳо ба Бухорои Шариф омада, касби улуми мутадовилаи байнал-у-уламоро намуда, ба ватани худро рафтаанд. Аз ин қабил асҳоби фазл ва арбоби дониш бисёр дорад. Маркази ҳукумати ин иёлат қасаба ва кӯрғони (қалъаи) Фарм аст» [5, 168].

Китоби «Қисмати аз таърихи Рашти куҳан»-и Эмом Муҳиддинов низ бисёре аз нуқтаҳои мармузи таърихи ин диёрро рушан мекунад. Муаррихи барҷастаи тоҷик Ҳайдаршо Пирумшоев низ дар китоби «Таърихи Дарвоз» ба таърихи вилояти Фарм (солҳои 1921-1956) назар андохта, дар самти шиноختи таърихи музофотӣ тадқиқоти вижа анҷом додааст. Ба гунаи мисол, Ҳ. Пирумшоев ба фаъолияти муаррихони ватаниву хориҷӣ дар мавриди омӯзиши таърихи Дарвоз баҳои баланд медиҳад, аммо бар ин назар аст, ки: «Ин муаллифон фақат ба таҳқиқи баъзе аз ҷузъиёти тарихи Дарвоз маҳдуд шудаанд» [4, 704].

Дар миёни таълифоти Н.А. Кисляков асари ӯ «Тоҷикони Қаротегин ва Дарвоз» ҷойгоҳи махсуси худро дорад [6]. Бояд қайд намуд, ки китоб аслан ҷанбаи мардумшиносӣ дошта, дар он муаллиф тамоми паҳлуҳои зиндагии мардуми Қаротегину Дарвозро баррасӣ кардааст. Ин китоб асари хуб буда, аз назари мо барои муаррихон, мардумшиносон ва таърихдӯстон солҳои сол хидмат хоҳад кард. Китоб масоили гуногуни мардумшиносиро фаро гирифтааст. Н.А. Кисляков дар ин китоби 3 ҷилда муҳаррир буда, қисмати «Очерки таърихӣ»-ро навиштааст. Бояд қайд кард, ки ин асар асари дастачамъии мардумшиносон мебошад, ки дар солҳои 50-уми асри XX ба Қаротегину Дарвоз экспедитсия ташкил кардаанд. Масалан, А.К. Писарчик нахуст дар мавриди тарзи хонасозии кӯҳистониён, масолеҳи сохтмони он ва амсоли ин маълумоти муфассал медиҳад. Вай аз ҷи гуна сохта шудани девори хонаҳо мегӯяд: «Деворҳои лойӣ, ки дар Қаротегин ва ҳавзаи Хингоб, бо номи «лойдевол» машҳур аст, бештар дар Қаротегин паҳн шудааст» [6, 25]. Муаллиф дар бораи баландии деворҳо манозили зисти ин мавзеъ сухан карда, аз хишт сохта шудани хонаҳоро зикр мекунад, аммо истифодаи хишти пухтаро танҳо дар мазорҳо ба мушоҳида гирифтааст. Муаллифон воқеан дуруст мегӯянд, ки дар Кӯҳистони Рашт девори осиебҳо аз санг аст. Девор кардани ҳавлӣ на ба ҳама кас имконпазир аст, мегӯяд муаллиф ва қисмати зиёди мардум гирду атрофи ҳавлии худро бо шиғ бастаанд [6, 31]. Бомҳои шиферпӯш замони тадқиқи муаллиф, ки солҳои 50-уми асри XX-ро дар бар мегирад, танҳо дар биноҳои ҳукумати, колхозу савхозҳо ба чашм мерасидаасту халос. Ин муҳаққиқи мардумшинос дар бораи бухорҳо дар кӯҳистон, чаҳлак, дегдон, дегдонча ва амсоли ин маълумоти муҳимро дар ихтиёри имрӯзиён гузоштааст. Кисляков мегӯяд, ки қариб бештари биноҳои истиқоматӣ аз хона, даҳлез ва аловхона иборат будаанд. Дар

бораи хунарҳои кандакорӣ, гулпартоӣ, андоваи деворҳо ва ба ин монанд усули хонасозии кӯҳистониён фикрҳои ҷолибро баён мекунад.

Як хислати одамдӯстии кӯҳистониёнро А.К. Писарчик қайд мекунад, ки дар бештари қисмати хонасозӣ – кандани таҳдеворӣ, задани девор, лойрезӣ ва дигар корҳои мардум ба тариқи ҳашар анҷом медиҳанд. Мутаассифона, дар ҳоли ҳозир гирд омадани мардум барои ҳашар қариб аз байн рафтааст. Аз назари мо сабаби ин ворид шудани низоми сармоядорӣ дар рӯзгори сокинони мавзеъ мебошад. А.К. Писарчик бо истифодаи аз нақша ва расмҳои тарҳи хонаҳои сокинони Раштро дар гузашта нишон дода, ҳамзамон ба тарзи нави хонасозӣ низ ишора кардааст.

Қисмати либос аз тарафи мардумшинос З.А. Широнова омӯхта шудааст. Ин қисмати китоб оид ба либоси кӯҳистониён баҳс карда, 86 саҳифаи китоб ба он бахшида шудааст. З.А. Широнова дар он роҷеъ ба либосҳои мардона, занона, тӯёна ва мотамӣ сухан мекунад. Ин боби китоб чун дигар бобҳои он аҳамияти зиёди таърихӣ-мардумшиносӣ дорад. Дар баробари маводи пурқимати мардумшиносӣ, аксу суратҳои ва намунаҳои либос чун воситаи аёни ба хонанда пешкаш шудааст. З.А. Широнова дуруст менигорад, ки: «қариб ҳар як зани тоҷик ё духтари тоҷик духта метавонад ва умуман барои худ ва хонаводаи худ». Ба гунаи мисол, муаллифон дар бораи тоҷик мегӯянд, ки ҳарчанд дар солҳои 50-ум бештари мардон ба либоси аврупоӣ гузашта бошанд ҳам, аммо тоҷик ҳамона чун солҳои пешин мавриди истифода аст. Дар бораи тоҷикҳои маҳаллӣ, шеваи духтани онҳо, нусхаҳои гуногуни тоҷик фикрҳои ҷолиб баён мекунад. Дар китоб расми 8 тоҷикӣ ва 7 зияк (гули гирди тоҷик дар Рашт «зияки тоҷик» мегӯянд, - А. М.) – ро овардаанд, ки аз тарафи занон моҳирона гулпартоӣ шудаанд. Мутаассифона, дар шароити имрӯзи кӯҳистон тоҷикдӯзӣ ба қавле аз мӯд баромада, танҳо занони ангуштшумор тоҷик медӯзанд. Танҳо дар 5-6 соли охир ва хусусан соли 2018 эълон шудани «Соли сайёҳӣ ва эҳёи хунарҳои мардумӣ» боис шуда, ки ба охирагӣ ҳам бошад дар Кӯҳистони Рашт мардум ба хунарҳои мардумӣ рӯй оранд.

Дар бораи қурама ва қуроқ М. А. Хамидҷонова тадқиқоти вижа анҷом додаанд, ки он дар китоб бозтоби васеъ дорад. Дар ин боб ҳам расмҳои – анвои гуногуни қурама, қурпа ва қурпачаи қурама, оро додани ҷодари арӯс, зини асп, қуртаҳое, ки бо ин хунар оро дода шудаанд, нишон дода мешаванд.

Боби дигар ба қалами Н.Н. Ершов аз намудҳои ғизоҳои кӯҳистониён қисса мекунад. Н.Н. Ершов дар баробари тадқиқоти худ ҳамзамон аз дигар пажӯҳишгарони рус, амсоли А.А. Семёнов ва Г. Арандаренко ёдовар шудаанд, ки онҳо ҳам ба истифодаи ғизоҳои кӯҳистониён тавачҷуҳ кардаанд. Нон ва навъҳои нон низ дар дохили ҳамин фасл аст. Муаллифон аз талкон, як навъ ғизои ордӣ чунин мегӯянд: «Талкон бралаи с собоӣ в дорогу, на охоту и т.п. Сейчас он готовится очень редко» [6, 227]. Баъзе аз ғизоҳои қадима дар Кӯҳистони Рашт қариб аз байн рафтаанд. Дар китоб кафгир, ўғурак, санги ўғурак, қачик ва амсоли ин анвои асбоби ғизотайёркунӣ бо расмҳои оварда шудаанд.

Китоби «Тоҷикони Қаротегин ва Дарвоз» аҳамияти забоншиносӣ низ дорад. Муаллифон А.З. Розенфелд ва Н.Н. Ершов калимаҳои меоваранд, ки ҳоло дар Кӯҳистони Рашт қариб ба архаизм табдил шуда истодаанд, ба мисли: дарз, кӯк, тепҷӣ, таҳгирак, гулдӯзӣ, якрӯя, сияҳдӯзӣ, шероза. Зарфи намакгириро муаллиф бо калимаҳои зерин дар ғӯйишҳои кӯҳистониён нишон медиҳанд: намакҷома, намакбҷома ва намакдон. Хамирфатир, таҳмол, қатмол, нони тағалобӣ, паловгун, озук, чалпак, чағалдак, нони боклогӣ, нони наскӣ, нони тутӣ, фатири пиёздор, фатирмаска, ширрӯған, отала, ордбирён, думбулшурбо, умочи башир, умочи дӯғӣ, тарҳавло, ҳавлои тар, ҳавлои шир, нашосита, зирикоб, руич, шӯлаи башир, гундумҷӯшак ва амсоли ин ном навъи таомҳои кӯҳистониён имрӯз тамоман истифода намешаванд. Дар китоб муаллифон калмаҳои тоҷикиро меоваранд, ба гунаи мисол, болопӯши дегдонро – «това» гуфтаанд. Ин вожа дар чанд соли пеш истифода мешуд, ки ҳоло ба охирагӣ аз байн рафта истодааст.

Боби таомҳои аз тарафи Н.Н. Ершов навишта карда шудааст. Дикқати муаллиф аз сабзавоту мевачот ва растаниҳои кӯҳӣ низ дур намондааст. Маҳсулоти ширӣ давоми ин бобро дар бар гирифтааст. Ҳамзамон ғизоҳои идона, ғизои гарм ва хунук, масалан муаллифон ғӯшти ғӯсфанд ва ё бузи кӯҳиро гарм гуфта, ғӯшти бузи маҳалиро хунук мегуфтанд. Муаллифон як одати кӯҳистониёнро овардаанд, ки хатман пеш аз хӯрдани таом ва баъди он даст мешӯянд.

Фасли охири китоб «тиббӣ мардумӣ» ном гирифтааст. Муаллиф Н.Н. Ершов дар ин фасл ба навиштаҳои Эшони Малех – хатмултаҳсили Бухоро ва соли вафоти ӯро 1958 нишон додааст, тақия кардаанд. Дар бораи табиби бузург будани Эшони Малех ҳоло ҳам дар кӯҳистон қисаву ривоятҳои зиёданд. Ҳамин аст, ки китоби «Тоҷикони Қаротегини Дарвоз» аҳамияти тиббӣ ҳам дорад, зеро муаллифон дар он роҷеъ ба 105 намуди гиёҳи шифобахш ва ғизоҳои барои сикҳатӣ муҳимро шарҳу

эзоҳ медиханд. Истилоҳот ва ё худ терминҳоро дар охири китоб ҷой додаанд, ки хонданиву ҷолиб ҳастанд ва захираи луғавии ҳар соҳибзабонро бой мегардонад.

Бояд гуфт, ки китоби мазкур мондагор буда, захираи бисёрсолаи мардумшиносӣ ва дар зери таҳрири Н. А. Кисляков ва А. К. Писарчик рӯи ҷоп омадааст. Миллати тоҷик ҳамеша аз онҳое, ки дар рушди илми тоҷикшиносӣ беғаразона хидмат кардаанд, миннатдору сипосгузор аст.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. *Андреев М. С., Таджики долины Хуф. - Сталинабад, 1958. Тр, Ан. Тадж. ССР, т. 61.*
2. *Қосимова М. Таърихи забони адабии тоҷик, (асрҳои X-XI). Ҷилди 1. -Душанбе, 2012. -568 с.*
3. *Муҳиддинов Э. Қисмати аз таърихи Рашти қуҳан, - Душанбе, 1991. – 145 с.*
4. *Пирумишов Х., Таърихи Дарвоз. - Душанбе: Ирфон, 2008.-704с*
5. *Садихоҷаи Гулишанӣ, Таърихи Ҳумоюн. Бо эҳтимоми Ҷурабек Назрӣ. Душанбе: Пайванд, 2006, -168с.*
6. *Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н. А. Кисляков и А. К. Писарчик - Душанбе: Дониш, 1970. – 376 с.*

НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПАМИРА **ШОНАЗАР Джавахари Муносиб,**
аспирант Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Республики Таджикистан (Таджикистан, Душанбе).

АСБОБҲОИ ХАЛҚИИ МУСИҚИИ ПОМИР **ШОНАЗАР Чавҳари Муносиб,**
аспиранти Институди таърих, бостониносии ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон (Тоҷикистон, Душанбе).

PAMIR FOLK MUSICAL INSTRUMENTS **SHONAZAR Javhari Munosib,**
post-graduate student of the Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe).

Ключевые слова: мастер, музыка, музыкальный инструмент, Памир, ремесло, рубаб, талант, традиция.

Музыкальный талант бадахшанцев ярко проявляется не только в песенном творчестве, но и в инструментальной музыкальной культуре. Исполнительство в этой сфере достигло высокого профессионализма, как в сольном, так и в многообразном ансамблевом исполнениях. Сольное исполнение особенно было развито в игре на рубобе, сеторе, сурнайе, найе, даффе, дутаре и других инструментах, которые имелись почти в каждом доме.

Калидвожаҳо: ҳунарманд, мусиқӣ, асбобҳои мусиқӣ, Помир, ҳунар, рубоб, истеъдод, анъана.

Қобилияти мусиқидони бадахшониҳо на фақат дар эҷоди сурудҳои жанрҳои шинохташуда ва сёз зоҳир мешавад, балки дар тамаддуни асбобҳои мусиқӣ низ равишан аён мегардад. Иҷроқунандагони ин соҳа ҳам дар яккаҷроқунӣ ва ҳам дар иҷроиши гурӯҳӣ ба қуллаҳои баланди ҳунармандӣ расидаанд. Яккаҷроқунӣ асосан дар навохтани рубоб, сетор, сурнай, най, даф, дутор ва асбобҳои дигари мусиқӣ, ки қариб дар ҳамаи хонаҳо вучуд доранд, тақомул ёфтааст.

Key words: music, rubab, Pamir, musical instrument, talent, master, tradition, craft.

The musical talent of Badakhshan most vividly manifests itself not only in the broad songwriting of various genres but also in instrumental musical culture. Appliance in this sphere has reached a high professionalism, both in the sunny and in the diverse ensemble performances. Solo performance was especially developed in the game on the rubab, setor, surnay, nay, daf, or dutar and other instruments that were available in almost every house.

Издrevле на Памире дерево использовали при изготовлении хозяйственных и бытовых предметов, таких как музыкальные инструменты, посуда, сундуки, шкатулки, а так же при строительстве памирского дома «чид, чод». Эти традиции мастера Памира сохраняют и в настоящее время.

Рубоб (рубаб, рабоб, рибоб) - излюбленный музыкальный инструмент таджиков, который пользуется большой популярностью и на Памире. Как известно, его название происходит от среднеперсидского слова «равода» - «печальный голос». На Востоке и в Западной Европе его называли – рабоб, ребаб, ребек [2, 36]. В средние века в Иране на рубобе играли с лучком-камонча (медиатор). После арабского завоевания рубоб, как музыкальный инструмент стал известен на всем Аравийском полуострове, в Египте, Северной Африке и Андалусии.

Изготовление рубоба носило почти ритуальный характер. Мастер строил свою мастерскую («карго, корга») в чистом месте. Первый рубоб был сделан, по преданию, из райского дерева и на нем играли ангелы в день сотворения первого человека Адама [8,74].

На Памире существует два вида рубоба: 1) Бадахшанский рубоб (*рубоби бадахшонӣ*) 2) рубоб афганского Бадахшана (*рубоби бадахшонии афгонӣ*). Оба они изготавливаются только из плодовых деревьев – тутовника, ореха, абрикоса (*на «рушанском языке тутовник «тут», «гуз»(орех), «нӯи»(абрикос)*)¹⁴.

¹⁴ Беседа с информатором Далатназаром Лайлиевым (род. 30 июня 1954 г.) из села Барушон Рушанского района (Барушон, 29.08.2017).

Чем они отличаются друг от друга? Рубоб афганского Бадахшана имеет шесть струн (*тор*) сверху и 13 струн внизу (*6 тор аз тур 13 дай набер*). Первые изготавливают из жил (зил), которые получают посредством обработки кишок барана (зил та *аз мев дармонанд таёр кинан*), а вторые состоят из металлических струн (*сим*). Из 13 струн *гичак* (ручка - регулировка тендера струны) 7 штук располагаются в центре инструмента, а 6 - в верхней части рубоба. Длина рубоба, как правило, составляет 80 сантиметров. В ручку рубоба встроены 6 ладов (*парда*). Дизайн инструмента зависит от фантазии мастера. Для изготовления его нижнего ряда используют кожу козы и рыбы. В центре рубоба делается 2 больших и 10-12 маленьких проколов, чтобы он хорошо звучал¹⁵.

Рубоб афганского Бадахшана имеет свой собственный способ звукоизвлечения (*тарзи нивездо*), дизайн инструмента, лад, исходный материал. Этим он значительно отличается от инструмента таджикского Бадахшана.

Рубоб таджикского Бадахшана изготавливается из абрикосового дерева, в центре имеет струны - 1 *цингаг* и 3 *гичак* для того, чтобы он издавал красивый звук. Верхняя часть инструмента, длина которого составляет 72-80 см, делается из кожи коровы.

На деревянной деке этого необыкновенного инструмента вырезаны арабским шрифтом «*баландмуком*». Общая длина инструмента 102 см. Длина корпуса вместе с хазиной – 72 см, глубина корпуса примерно 30 см (вместо обычных 6-7 см), а ширина корпуса - 25 см (в обыкновенных баланзикомах 16-17 см), длина (*дасти баландмукома*) 18 см, а головки – 12 см [3,13].

В Рушане мастеров рубоба год за годом становится все меньше и меньше. С несколькими мастерами побеседовала автор. Они отметили, что имеют по три-четыре ученика, которыми являются, как правило, их сыновья или внуки. В настоящее время этого совершенно недостаточно. Один из информаторов сообщил нам, что даже у его сына нет желания продолжать ремесло, потому что тот выбрал себе другой путь, и не хочет быть мастером по изготовлению рубоба. Но мы предполагаем, что это временное явление, так как есть талантливые люди, которые хотят быть подлинными мастерами своего дела и не могут представить свою жизнь без звучания рубоба. Его звук для жителей Бадахшана родной и незаменимый, ведь с этой музыкой они появляются на свет.

Единственный район Памира, где рубоб не пользуется популярностью, это Ванч, поскольку здесь излюбленным музыкальным инструментом, наряду с сатором, джигакком и наем, является маленький дутор (длина примерно 70-80 см). По своему внешнему облику, устройству и исполнительским возможностям он во многом напоминает думбрак, распространенный в других горных районах Таджикистана [2, 125, 126].

Русский учёный С. П. Ванновский писал о памирском рубобе и скрипке (*гиджак*), которые вместе с даффом, сатором, тамбуром, сурнаем и наем широко распространены в Рушане. Согласно преданиям горцев, во время сотворения первого человека его душа входила в тело в сопровождении музыки. По своему силуэту памирский рубоб напоминает тело спящего человека, легендарного Адама, которого сотворил Бог [8,74].

Наш информатор сообщил и о рубобе с двумя головками, который он видел в музее музыкальных инструментов Гурминча Завкибекова в Душанбе¹⁶. Информатор является превосходным мастером, который интересно разрабатывает дизайн рубобов. Свои инструменты усто называет по имени человека, в честь которого он их создает. Так рубоб «кумри» схож с обликом женщины, поскольку, по его мнению, весьма интересно, когда совпадает звук и образ рубоба со своим прототипом.

Памирский рубоб относится к духовным музыкальным инструментам и в основном используется для исполнения песен культового религиозного жанров – маддох (восхваление Бога, пророков, Хазрати Али и других исмаилитских имамов) и фалака. Произведения последнего жанра также носят духовный характер. В этих песнопениях исполнители обращаются к Богу «с жалобой на свою судьбу». Исполняется фалак во время похоронно-поминального ритуала. Так, перед панихидой умершего, женщины начинали петь в доме, а за его пределами их сменяли мужчины, которые исполняли фалак религиозного характера. Тем не менее, немаловажное место в жизни горцев занимает жанр лирического фалака с мотивами любви к родине, любимому человеку, а также песнопения, приуроченные к свадьбе и т.п.

Истинно женским музыкальным инструментом на Памире издавна являлся дафф, или дуфф (*Язгулем*) - местная разновидность бубна. Его, как правило, изготавливают сами женщины из дерева тута и вербы (*аз дарахти тут ва бед тайёр савт*). Широкий круглый обруч бубна делают из нового дерева и

¹⁵ Беседа с этим же информатором Далатназаром Лайлиевым.

¹⁶ Беседа с информатором Шавкмамад (род. 10 декабря 1958г.) из села Разуьдж Рушанского района (Душанбе, 18.06.2018).

покрывают его кожей рыбы или козы (*болушаи аз пусти буз ва моҳӣ таёр мекунад*)¹⁷. Выбранный кусок дерева строгают вначале вертикально, а затем горизонтально и, достигнув требуемой толщины, кладут на пять-шесть дней в воду. Потом натягивают на ручной станок, придавая форму круга, и оставляют в таком положении на три-четыре дня. Когда, дерево начинает сгибаться, обе его стороны обшивают кожей или проволокой, натягивают кожу козла, барана или 4-6 месячного теленка, предварительно очистив ее ножом от шерсти. Края шкуры прибавляют деревянными гвоздиками и закрепляют клеем абрикосового дерева, а поверх обтягивают кожаной веревкой. Через три дня веревку отвязывают, и дафф готов к использованию.

Играют на даффе и мужчины и женщины. Женщины держат дафф за обочину с резонатором, повернутым направо, и выбивают ритм только правой рукой – всей ладонью и пальцами. А мужчины ставят дафф на землю вертикально пред собой, придерживая инструмент левой рукой и выбивая ритм обеими руками. Ансамбль включает три вида даффов каждый из которых имеет самостоятельную партию [3, 8].

Дафъед, то есть игра на бубне, сопровождает почти все обряды на Памире. В Рушане и других районах Памира женщины выступают на разных праздниках, например, во время Навруза, при встрече дорогих гостей. Каждый исполнитель держит дафф левой рукой в воздухе перед собой, а правой - выбивает ритм. При этом левую руку он то поднимает, то опускает. Когда невесту ведут в дом, женщины сопровождают её игрой на даффе проходя за ней сто-двести метров. Они же провожают жениха, отправляющегося за невестой, или встречают его в доме невесты. Важное место в музыкальной жизни рушанцев занимает «дафъед» (игра на дойре), который считается «формой женского музицирования». Он может сопровождать как свадебные обряды, рождение ребёнка, так и похоронные» [8,15].

В противоположность этой форме публичного выступления, издавна существовал и другой, более камерный и даже интимный род женского музицирования на местных разновидностях металлического варгана – чанге или лабчанге. Этот инструмент представляет собой медную (железную или латунную) подковку с вытянутыми и сужающимися концами: длина 60-120 мм, у основания 35-70 мм. Язычком служит стальная пластинка, укрепленная посредине дуги- подковки.

Духовые инструменты в Бадахшане представлены деревянным наем, единственной разновидностью, именуемой также сурнаем. Их делают из разных пород дерева, предпочтительнее из корня или ствола абрикоса, и из ствола арчи или зулола. Най, длина которого составляет 25 см, состоит из двух сначала выдолбленных, а затем склеенных половинок и имеет 5-6 пальцевых отверстий, расположенных на расстоянии 2 см друг от друга.

Представляя собой продольную флейту со свистковым устройством, най широко распространен в Рушане. Как правило, на нае исполняются импровизированные фрагменты в высоком регистре и в пределах большой терции, чистой кварты и чистой квинты [8,15]. В большинстве случаев основой таких наигрышей являются известные бадахшанские песенные напевы «Даргилак», «Даргилмодак», «Лалайак», и другие. В этих образцах сольное исполнение опирается на внутреннюю сосредоточенность человека, находящегося в единении с музыкой, со своими чувствами и мыслями [8,15].

Дутор (букв. двухструнка) имеет две шелковые или жильные струны, настраиваемые в кварту (в пределах ля-ми малой октавы). Диапазон ванджского дутора невелик и не достигает двух октав (от ля малой октавы до ре второй) [3,16]. Дутор делают из хорошего сорта абрикосового дерева, как правило, цельнодолбленным (чаша и даста из одного куска дерева). Для этого хорошо высушенное дерево стругают, делают дасту и выдалбливают резонаторную чашу, затем смазывают ее изнутри топленным маслом и в таком виде около часа сушат на солнце, после чего на чашу укрепляют тоненькую доску (деку). Струны дутора сейчас жильные. Их делают из овечьей или козьей кишки, очищают ногтем большого пальца, крутят и сушат в помещении.

Гиджак (Ғичак) изготавливают из ствола, тутового или абрикосового дерева (*ғичак та аз дарахти тудат нуш анди кинан*). Он бывает двухструнным (струна металлическая) с квартовой настройкой. Он включается в состав ансамбля различных инструментов, используется и как сольный инструмент. С ним исполняют традиционные танцы. Но на Памире гиджак встречается далеко не повсеместно. Народный музыкант (Ғичакнавоз) Минаков Муссаваз из селения Шуджанд в Рушане был известен далеко за пределами Таджикистана. Он сам создавал свои инструменты и прекрасно играл на гиджаке.

¹⁷ Беседа с информатором Далатназаром Лайлиевым (род. 30 июня 1954 г.) из села Барушон Рушанского района (Барушон, 29.08.2017).

Таким образом, издревле в обрядовой, ритуальной жизни населения Памира использовались музыкальные инструменты рубоб, дафф, най, дутор и другие, которые до настоящего времени пользуются особой популярностью среди бадахшанцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Атлас музыкальных инструментов народов СССР, 126 с. с илл. № 627.*
2. *Энциклопедияи советии тоҷик. Сармуҳаррири илмӣ М.С. Осимӣ. Сарредаксияи энциклопедияи советии тоҷик. – Душанбе, 1986. – 405 с.*
3. *Кароматов Ф. Нурджанов Н. Музыкальное искусство Памира. Книга первая. Издательство «Советский композитор». – Москва, 1978. – 182 с.*
4. *Кароматов Ф. Нурджанов Н. Музыкальное искусство Памира. Книга вторая. Издательство «Советский композитор». – Москва, 1986. – 291 с.*
5. *Народное искусство Таджикистана // Традиционные ремесла и промыслы. Ред. Р. Масов Составители: Масов Р., Юнусова Н., Додхудоева Л. - Душанбе, 2011. - 198 с.*
6. *Нурджанов Н., Кабилова Б. Музыкальное искусство Памира. Книга четвертая. – Душанбе, 2014. – 397 с.*
7. *Нурджанов Н., Кабилова Б. Музыкальное искусство Памира. Книга пятая. Душанбе, 2015. – 294 с.*
8. *Сайнаков С.П. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучении этнографии горного Бадахшана (Памира): дисс... канд. исторических наук. – Душанбе, 2015.*

**07.00.09 – ТАЪРИХНИГОРӢ, МАЪХАЗШИНОСӢ ВА
УСУЛҲОИ ТАҲҚИҚОТИ ТАЪРИХӢ
07.00.09 - ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
07.00.09 - HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND
METHODS OF HISTORICAL RESEARCH**

**МАЪХАЗИ МӢЪТАБАР
ОИД БА ТАЪРИХИ ХАЛҚИ
ТОҶИКИ ОХИРИ АСРИ XIX
ВА АВВАЛИ АСРИ XX** **АБДУЛОВ Зиёдулло Назарович,**
унвонҷӯи Институти таърих, бостонишиносӣ
ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ ҶТ
(Тоҷикистон, Душанбе)

**ДОСТОВЕРНЫЙ
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА
КОНЦА XIX НАЧАЛА XX ВВ.** **АБДУЛОВ Зиёдулло Назарович,**
соискатель Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша
АН РТ, (Таджикистан, Душанбе)

**RELIABLE SOURCE ON THE
HISTORY OF THE TAJIK
PEOPLE OF THE LATE XIX-
EARLY XX CENTURIES** **ABDULOV Ziyodullo Nazarovich,**
Applicant of the of the Ahmad Donish Institute
of history, archaeology and ethnography AS
Republic of Tajikistan, (Tajikistan, Dushanbe)

Калидвожаҳо: таърих, маъхаз, мангит, мунишӣ, Бухоро, Русия, ҷанг, амир, Бӯстон, маҳфил, сафорат, “Тухфаи шоҳӣ”.

Аз миёни дастнависҳои шарқии Академияи илмҳои Тоҷикистон осори барҷомонда дар бораи мангитиён “Тухфаи шоҳӣ”-и Мирзо Абдулазими Бӯстони Бухороӣ асаре дархури тавачҷуҳ аст, ки иттилооти гаронбаҳое дар бораи ин силсила таҳти рақами № 786\II дар ихтиёри хонандагон қарор медиҳад. Дар шинохти шахсият ва ақоиди таърихӣ-сиёсии Мирзо Абдулазими Сомӣ дар байни муҳаққиқони афкори таърихӣ халқи тоҷик амсоли З. Раҷабов [4,26], И.С. Брагинский [5,24], Г.Н. Чабров [6,23] андешаҳои мутазод вучуд доранд.

Ключевые слова: история, источник, мангит, секретарь, Бухара, Россия, война, эмир, Бустан, кружок, посольство, “Тухфа-и шох-и”.

В статье рассматривается, сочинении Соми «Тухфа-и шох-и» и некоторые обстоятельства биографии ее составителя, освещается общая характеристика данного исторического источника. Начальное образование Сами получил на родине, а затем учился в Бухаре. Он служил секретарем при разных хакимах, а затем в качестве муниши (эмирского секретаря) был привлечен ко двору. В “Тухфа-и шох-и” Сами пишет, что во время войны России с Бухарой он находился при эмирском войске в качестве “наблюдавшего за событиями”- обозревателя. Исторический источник “Тухфа-и шох-и” Мирза Мухаммад Азима Сами Бӯстани является ценным источником по истории таджикского народа и эмиров мангитской династии.

Key words: source, mangit, secretary, Bukhara, Russia, war, emir, Bustan, circle, embassy, «Tukhfa-i shohi».

The article examines the composition of Somi «Tukhfa-i shohi» and some circumstances of the biography of its compiler, highlights the general characteristics of this historical source. Primary education Sami received at home, and then studied in Bukhara. He served as secretary at various hakims, and then as a munshi (emir's secretary) was brought to court. In «Tukhfa-i shohi» Sami writes that during the war of Russia with Bukhara he was with the emir's army as a “observer of events” - a columnist. The historical source of «Tukhfa-i shohi» by Mirza Muhammad Azim Sami Bustani is a valuable source on the history of the Tajik people and the emirs of the Mangit dynasty.

Мирзо Мухаммад Абдулазими Сомии Бӯстонӣ соли 1838 дар деҳаи Бӯстон 40 км қисмати шимолии Бухоро таваллуд шудааст. Дар ахбори расмӣ худ “Тухфаи шоҳӣ” Сомӣ зикр мекунад, ки то синни шастсолагӣ “аз лутфу марҳамати дарбор” бархурдор буд [3, в.4а]. Мирзо Абдулазими дар Бухоро ба таҳсил пардохт ва аз маҳзари шоирон ва нависандагоне чун Аҳмади Дониш ва мулло

Саъдуддини Моҳир баҳра бурд ва саранҷом аз Моҳир таҳаллуси “Сомӣ” гирифт. Вай пас аз поёни таҳсилот ба ҳирфаи муншигарӣ рӯй овард ва ба хидмати амир Музаффар ибн Насруллоҳ амири Бухоро даромад ва дар ҷангҳои амири Бухоро бо фармонравоеҳои узбеки Шаҳрисабз ва ҷангҳои Русия бо амирони Бухоро ширкат кард ва воқеанигори расмӣ сипоҳи Бухоро шуд. Чунонки худ менависад: “Дар ҳангоми ҷанг болои дарахт менишаста ва ҷараёни ҷангро бо ҷашмони худ назоратгар буда, бар рӯи қоғаз сабт мекардааст” [4, 5].

Мирзо Абдулазими Сомӣ борҳо бо ҳамроҳи сафирони Бухоро ба Русия сафар кард. Аз ҷумла аз тарафи амир Музаффар дар маросими тоҷузории подшоҳи рус Александри III дар Санкт-Петербург соли 1881 ширкат кард ва бар он буд, то хотироти худро дар боби ин сафар ба риштаи таҳрир дароварад. Вай бо ҷулуси амир Абдулаҳад бар тахти салтанат ҳамчунон дар вазифаи муншӣ боқӣ монд ва таърифи 10-11 сол дар дарбори ӯ ба хидмат пардохт. Баъдҳо ба сабаби номаълуме аз вазифа барканор шуд. Метавон чунин ҳадс зад, ки ин ҳангом вай рафтори дарбориён ва наҳваи ҳукумати онҳоро мавриди накушиш қарор дода ва ба ҳамин далел дар даврони куҳансолӣ аз дарбор ронда шуд. Берун аз дарбор ба навиштан рӯй оварда, рӯзгорро то ҳангоми марг дар фақру тижидастӣ сипарӣ кардааст. Шояд яке аз далоили ронда шудани Мирзо Абдулазим Сомӣ аз дарбор аз натоиҷи сафарҳои ӯ ба Русия ва ошноӣ бо шеваи мамлакатдорӣ, вазъияти идораи ҳукумати онон бояд донист, ки дар тағйири равия ва навъи тафаккури ӯ таъсири шоёне гузоштааст. Ба ҳамин далел вай пас аз муқоисаи ҳукумати хонадони манғития бо русҳо фасоди ахлоқи амирон, волиён, руҳониён ва амалдорони Бухороро накушиш карда, дар шеърҳои худ ин қачтобиҳои маъмул ва роиҷи иҷтимоиро инъикос кардааст.

Мирзо Абдулазими Сомӣ дар маҳфили адабии Садри Зиё, ки як зумра зиёиён табодули афкор намуда, аз илму дониш баҳраманд мегардиданд, фаёлона ширкат меварзид. С.Айнӣ, ки аз ҷумлаи баҳрагирифтагони ин маҳфил ба ҳисоб мерафт, воқеоти он солҳоро дар асари худ ин тавр тасвир намудааст: “Хонаи Шарифҷон маҳдум дар ҳар ҳафта се шаби таътил сешанбе, чоршанбе, панҷшанбе одатан ранги анҷумани шоирон, шеършиносон, латифагӯён ва ширинкоронро мегрифт” [1,17]. Садриддин Айнӣ дар баробари адибону фозилони пешқадами Бухоро аз қабили Мулло Назруллоҳи Лутфӣ, Содикхоҷаи Гулшанӣ, Мулло Раҳмати Сартарош, Азизхоҷаи Азиз иштироки Мирзо Абдулазими Сомии Бӯстонино низ дар ин маҳфил зикр мекунад.

Мирзо Абдулазими Сомӣ пас аз ронда шудан аз дарбор бо таваҷҷӯҳ ба он ки соҳиби фазлу камол буд ва чунон ки худ дар “Тухфаи шоҳӣ” ишора мекунад, осоре чун “Табақоти Носирӣ”, “Равзату-с-сафо”, “Мироту-л-олам”, “Носеху-т-таворих”, “Мифтоҳу-т-таворих”, “Таърихи Фаришта” ва “Таърихи вассоф” ро хонда буд, ба навиштан рӯй овард ва дар боби аҳволи салотини Мовароуннаҳр даст ба таълифи асари “Тухфаи шоҳӣ” зад.

Сомӣ сарфи назар аз “Тухфаи шоҳӣ”, ки дар боби Аморати Бухоро ва аз рӯзгори Абдулаҳадхон (1885-1910) то рӯзгори худ онро ба риштаи таҳрир даровардааст ва ба сабаби гузоришҳои айнӣ, нависанда аз рӯйдодҳои даврони ҳукмронии амир Музаффар аҳамияти маҳсус дорад, соҳиби осори дигаре чун “Таърихи салотини манғития дору-с-салтанаи Бухорои шариф” аст, ки дар он бо баёни хурдагирона рӯзгори амирони Бухорои асри худро шарҳ медиҳад. Ин асар дар соли 1962 бо баргардони русӣ бо кӯшиши Епифанова Л.М. интишор ёфт [4].

Асари “Тухфаи шоҳӣ”-и Мирзо Абдулазими Сомӣ аз манобеъи арзишманди даврони манғитияи Бухоро мебошад. Аз он ҷо, ки муаллиф дар хидмати амир Музаффар (1860-1885) буда ва воқеанигори расмӣ сипоҳи Бухороро дошта, аз наздик бисёре аз вақоъҳои даврони ҳукуматаш, чун ҷангҳои амир Музаффар бо ҳокимони Шаҳрисабз ва Русияро мушоҳида кардааст, аз даврони ҳукмронии амир Музаффар иттилооти муҳим ва пурқимате ба хонанда медиҳад ва асари дасти аввал ба шумор меравад.

Дигар хусусияти хоси “Тухфаи шоҳӣ” зикри шачараномии хонадони Аштархониён ва Манғитиёни Бухорост, ки онро аз рӯзгори Убайдуллоҳхон оғоз мекунад ва гоҳ ба тафсил ва дар баъзе маврид ба иҷмол ба шарҳи ҳоли ҷангҳои онон мепардозад.

“Тухфаи шоҳӣ”-ро Сомӣ солҳои 1898/9-1902/3 ва асари дувумашро “Таърихи салотини манғитияи доруссалтанаи Бухорои Шариф”-ро солҳои 1906-1907 навишта аст. Яқумин аз 298 саҳифа ва дувумин аз 75 саҳифа иборат аст [3; 5].

Дар ҳар ду асар ҳодисаҳо ба таври хронологӣ пай дар пай инъикос ёфтааст. Дар “Тухфаи шоҳӣ” зикри ҳаводис аз охири асри ХҶ, аз ҳукмронии Субҳонқулихон (1680-1702) оғоз ёфта, то 14 соли ҳукмронии амир Абдулаҳад солҳои 1898-1899 ба анҷом мерасад.

Лаҳни муаллиф дар баёни вақоъҳои таърихӣ аксаран урён ва бепарда аст. Вале дар баъзе маврид чун дигар муаррихони дарборӣ роҳи ифрот паймуда, дар баёни масъалаи Марв, Байрамалихонро фарде исёнгар муаррифӣ менамояд ва қасди амир Шохмуродро аз лашкаркашӣ ба

Марв саркуби ӯ медонад. Ин дар ҳолест, ки Байрамалихон аз тарафи подшоҳи Қочор ҳукумати он ноҳияро дошта ва Марв дар он рӯзгор яке аз чаҳор шаҳри муҳими Хуросон махсуб мешуд [3, в. 57а-60б].

Сомӣ инъикоси воқеаҳоро на аз хонадони Манғития, балки аз даврони ҳукмронии Убайдуллоҳхон ва муборизаи ӯ бо ҳокими Балх Муҳаммад Муқимхон оғоз мекунад.

Дар асар шӯриши ҳокимон ба муқобили ҳукумати марказӣ, ки боиси харобӣ ва кашоқии зиёди оммаи халқ гардид, хеле ботафсил баён шудааст. Чунончӣ, собиқ маҳрами даргоҳи Абулфайзхон Иброҳимбӣ тавонист ба муқобили хон қабилаҳои қазок, қарақалпоқ ва хитой-кипчоқро равона намуда, муҳлати ҳафт сол заминҳои байни Самарқанд ва Бухоро ба харобазор мубаддал гардонд. Дар натиҷа қаҳтии мудҳише, ки соли 1735-1736 фаро гирифт, анқариб тамоми аҳолии Самарқандро нобуд сохт. “Дар Бухоро бошад, мегуяд Сомӣ, хамагӣ ду маҳалла аҳоли боқӣ монд” [3, в. 65а].

Ҳучуми Нодиршоҳ ба Осӣи Миёна ва муносибати дӯстонаи ӯ бо Муҳаммад Ҳаким атолик ва Муҳаммад Раҳимбӣ муфассал оварда шудааст.

Муаллиф ошӯби Ибодуллоҳбӣи хитойро зикр мекунад, ки соли 1745 кӯшиши дар Каттақӯрғон мустаҳкам кардани ҳукматро дошт, вале аз чониби Муҳаммад Раҳимбӣ фуру нишонда шуд [3, в. 70а-75б].

Сомӣ ошӯбҳои зиёди даврони ҳукмронии амир Дониёл (1758-1785), хусусан ошӯби туркманҳои қабилаи ирсарии соли 1762-1763, ки ба Чорқӯй ҳучум карда, онро ғорат намуданд, ба риштаи тасвир мекашад [3, в. 95б-98а].

Муаллиф даврони ҳукмронии амир Насруллоҳро (1826-1860), ки тавонист ба ошӯбҳои феодалони марказгурез хотима дода, ҳукумати худро аз Ёротеппа то Амударё ва то Қундузу Бадахшон зери итоати худ даровард ва дар муддати 25 сол 32 маротиба ба Шаҳрисабз юриш кардааст, хеле ба тафсил меорад [3, 125б-129а].

Сомӣ хабар медиҳад, ки дар давраи ҳукмронии амир Насруллоҳ ба Бухоро ворид шудани ғайримусалмон манъ ва аз Бухоро ба Русия танҳо ба шумораи маҳдуди савдогарон рафтан иҷозат буд. Дар ин давра аз чониби русҳо Бухоро танҳо меҳр ва муруват дидааст. Аз Русия сафорате барои изҳори дӯстӣ ба Бухоро фиристода мешавад. Ҳайати сафорат хело хуб пазиroy шуда, ки муаллифро ба хайрат гузоштааст, чун он замон ғайри дин касе чуръати ворид ба Бухоро надошт, чун пеш аз ин англисе, ки худсарона ба кишвар омада, ба қатл расонида шуда буд. Дар ҷавоб амир Насруллоҳ сафорате бо роҳбарии Муллоҷон мирохур бо ҳадоёи зиёде, ки ба он ду фил низ дохил буд, ба Русия равон мекунад [3, 146б].

Даврони ҳукумати Насруллоҳро ҷамъбаст карда, Сомӣ қайд мекунад, ки дар ин давра “Бухоро аз русҳо танҳо улфату меҳрубониҳо дидааст” [3, в.166б].

Зимни инъикоси даврони ҳукронии амир Музаффар муаллиф асосан ба ошӯбҳои ҳокимони Шаҳрисабз, Ҳисори Шодмон бар зидди ҳукумати марказӣ таваҷҷуҳ мекунад. Дар ин ҷо маълумоти хеле аҷиб доир ба шӯрои аёну ашроф, ки нақшаи ҳучум бар зидди амиро роҳандозӣ мекарданд, номҳои иштирокчиёни шӯро, ақоиди мухталифи дар он иброзшударо ба тафсил меорад [3, в.172-176 а].

Ҳокими Китоб Зокирбӣ, дастнишондаи амир оид ба қасди шӯриш ба амир Музаффар хабар дод, амир талаб кард то ошӯбгарон ба Бухоро оварда шаванд. Ҳокимони амир ҳабс ва ба ҷойи онҳо ҳокимони нав, ки номҳои онҳоро Сомӣ зикр мекунад, таъйин шуданд [3, в.174 б].

Сомӣ инчунин дар бораи муборизаи амир Музаффар бо ашрофони ошӯбгар ва ғасби Яққабӯ музафарияти амир, ҳучуми хони Хӯқанд Маллаҳон ба Қиззах ва ба ёрдами қиззахӣён шитофтани амир Музаффар нақл мекунад [3, в. 175б].

Сомӣ баъд дар бораи ошӯбҳои феодалии Ҳисори Шодмон, Шаҳрисабз дар солҳои 1280/1863-64 [3, в. 176б-176а] муфассал ҳикоя мекунад. Муаллиф инчунин дар муҳосираи 30-рӯзаи Дехнав аз чониби амир ширкат варзидааст.

Муаллиф дар бораи ошӯби писари Музаффар Абдумали-тӯра, ки бозичаи дасти қувваҳои марказгурез (Шаҳрисабз ва Ҳисор) бар зидди ҳокимияти марказӣ буд, муфассал нақл мекунад [3, в. 229а-275а].

Сабаби ошӯбро Сомӣ ранчиши Абдумалик аз падари худ, ки бо иғвои ҳокими Самарқанд Шералӣ аз Самарқанд ронда ба Хузор ҳоким таъйин намуд, мешуморад. [3, в. 230а.] Ин ҳолати руҳии Абдумаликро ашрофони вилоятҳои зикршуда ба нафъи худ истифода бурданд. Сомӣ ташаббускорони ин ошӯб Худоёр эшиқбошӣ, Ибодуллоҳ туксабо ва дигаронро зикр мекунад [3, в. 230б]. Амир бо мақсади созиш ба Хузор Абдулқарим девонбегиро мефиристад, вале ӯ қариб ҷонро аз даст дода, маҳфиёна ба Қаршӣ фирор мекунад [3, в. 232а].

Вазъи оммаи халқ дар Аморати Бухорои нимаи дувуми асри XIX-ро Сомӣ наметавонад пинҳон кунад, чун кӯшиш мекунад, ки ҳукуматдоронро дар ин чода сафед ва айбашонро рупӯш кунад.

Нисбати даврони ҳукмронии Абдулаҳад Сомӣ анқариб чизе намегуянд, ҳол он ки қайд мекунад, ки аз давраи ба тахт нишастани ӯ то анҷоми асар 14 сол сипарӣ шудааст [3, в. 298б]. Сомӣ Абдулаҳадро шоҳи одил номида, ки дар даврони ҳукуматаш шӯру ошӯб, зулму ситам [3, в. 295а] дида намешуд, тинчию оромӣ ҳукмфармо буд [3, в. 298а].

Асари “Тухфаи шоҳӣ” гарчанде, ки бо супориши шахсе навишта нашуда, бо хоҳишу дархости худи муаллиф таълиф шудааст, аз мундариҷаи он маълум мегардад, ки ба дарбориён ва шахсан худи амир Абдулаҳад маълум аст. Чун дар мундариҷаи асар Сомӣ аз корҳои дарбор ва “мақоми баланд” дар давраи амир Абдулаҳад сабукдӯш карданад шикоят мекунад. Дар охир ҳар ду амирро бо унвонҳои баланд васф карда, илова мекунад, ки сабаби ягонаи таълифи ин асар дар таърих гузоштани номҳои бузурги амир Музаффар буда, бар ивази он манфиати моддиро чӯё нест.

Маводи Сомӣ ҳамчун ҳамзамон, шоҳид ва иштирокчиҳои ҳаводиси нимаи дувуми асри XIX ҳатто дар инъикоси расмӣ ҳодисаҳои таърихӣ арзиши баланди илмӣ худро дар таҳқиқи ин давра гум намекунад.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. Айни С. *Ёддоштҳо*. Ҷилди 7. - М., 1961. - 319 с.
2. Брагинский И.С. *Садриддин Айни. Материалы к биографии и творческой характеристике.* – Сталинабад, 1948. -24 с.
3. Мирзо Абдулазими Сомӣ. *Тухфаи шоҳӣ. Дастхати Маркази мероси хаттии АИ Ҷумҳурии Тоҷикистон, №786/II.*
4. Мирза Абдалазим Сами. *История маньитских государей, правивших в столице, благородной Бухаре. («Тарих-и салатин-и мангитийа» дар ас-салтана-и Бухараи шариф).* Тарҷумаи Епифанова Л.М. - ИВЛ, 1962. - 331 с.
5. Мирзо Абдулазими Сомӣ. *Таърихи салотини мангитияи доруссалтанаи Бухорои шариф. Дастхати Маркази мероси хаттии АИ Тоҷикистон, №927/II.*
6. Раҷабов З. *Мирзо Азими Сомӣ ва осори ӯ.* - Шарҳи сурх № 5, 1947. -С. 96-110.
7. Чабров Г.Н. *Новый источник по истории Бухарского ханства.* Бюлл.АН Уз ССР. Ташкент, 1947, №2. –С. 23-30.

**07.00.15 – ТАЪРИХИ МУНОСИБАТҲОИ
БАЙНАЛҲАЛҚӢ ВА СИЁСАТИ ХОРИЧӢ
07.00.15 - ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
07.00.15 - HISTORY OF INTERNATIONAL
RELATIONS AND FOREIGN POLICIES**

**РУШИДИ РОБИТАҲОИ
ФАРҲАНГИИ ҶУМҲУРИИ
ТОҶИКИСТОН БО ҶУМҲУРИИ
ИСЛОМИИ АФҒОНИСТОН** **Кушо ФАҲИМ,**
*ассистенти кафедраи таърихи
Донишгоҳи Ҷузҷон (Ҷузҷон, ҶИА)*

**РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ МЕЖДУ
ТАДЖИКИСТАНОМ И
АФГАНИСТАНОМ** **Кушо ФАХИМ,**
*ассистент кафедры истории
Джузджанского Университета
(Джузджан, ИРА)*

**THE DEVELOPMENT OF
CULTURAL RELATIONS BETWEEN
TAJIKISTAN AND AFGHANISTAN** **Kusho FAHIM,**
*assistant of department of history of
Jawzjan University (Jawzjan, IRA)*

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, Афғонистон, бӯхрон, фарҳанг, илм, робитаҳои фарҳангӣ, робитаҳои илмӣ.

Дар мақола ба роҳмонӣ, шаклгирӣ ва рушди робитаҳои фарҳангии Тоҷикистону Афғонистон дар шароити бӯхрон таҳқиқ, таҳлил ва баррасӣ гардида, омилҳо ва равишҳои асосии рушди ҳамкориҳои фарҳангии ин ду кишвар пас аз ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ муайян гардидаанд. Муаллиф дар заминаи таъсири бӯхрони Афғонистон шаклгирӣ, тавсеаёбӣ ва марҳилаҳои рушди ҳамкориҳои фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Афғонистонро муайян намудааст.

Ключевые слова: Таджикистан, Афганистан, кризис, культура, наука, культурное взаимоотношение, научные отношения

В статье проанализировано, исследовано и рассмотрено развитие культурных связей между Таджикистаном и Афганистаном, основные факторы и подходы к развитию культурного сотрудничества между этими двумя странами после обретения государственной независимости. Автор сосредоточился на влияние афганского кризиса, на формирование, развитие, поощрение культурного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Афганистаном.

Key words: Tajikistan, Afghanistan, crisis, culture, science, cultural relations, scientific relations

The article analyzes, studies and considers the development of cultural relations between Tajikistan and Afghanistan, as well as the main factors and approaches to the development of cultural cooperation between these two countries after gaining state independence. The author focused on the impact of the Afghan crisis, on the formation, development, promotion of cultural cooperation between the Republic of Tajikistan and Afghanistan.

Тоҷикистон ва Афғонистон, ки 1400 км марзи муштарақ доранд, дар навбати аввал ин ду кишварро гузаштаи ягонаи таърихӣ муттаҳид месозад. Чуноне ки профессор Қ. Искандаров қайд менамоянд, аз бисёр ҷиҳатҳо Афғонистон дар ғаёлияти сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷойи муҳимро ишғол менамуд ва менамояд. Дар ҳарду ҷониби сарҳад мардумоне зиндагӣ мекунанд, ки бо забони тоҷикӣ ҳарф мезананд. Онҳоро умумияти забон ва фарҳанг, дин ва урфу одат ва ниҳоят умумияти таърихӣ муттаҳид ва васл мегардонад [4:60].

В. Бушков менависад, ки тоҷикони Тоҷикистон ва Афғонистонро на танҳо тааллуқ доштан ба як гурӯҳи этникӣ қарин кардааст, балки бисёре аз тоҷикони ҷануби Тоҷикистон дар шимолӣ Афғонистон ҳешони наздики худро доранд. Чунин ҳешу табориро мардуми Бадахшони Афғонистон бо мардуми Вилояти Кӯҳистони Бадахшони Тоҷикистон низ доранд [2]. Халқҳои туркзабони ҷануби Тоҷикистон ва шимолӣ Афғонистон низ ҳешовандони наздиканд.

Ба ин нигоҳ накарда 70 соли Иттиҳоди Шӯравӣ имкони густариши муносибатҳои ин ду давлату халқиятро фароҳам наовард. Баъди пош хӯрдани Иттиҳоди Шӯравӣ 9 сентябри соли 1991 Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон Эълонию истиқлолияти давлатиро қабул намуд ва Афғонистон аввалин шуда соҳибхитиёрии Тоҷикистонро эътироф кард.

Тоҷикистон дар байни ҳамсояҳои шимолии Афғонистон ҷойгоҳи хосаро ишғол мекунад. Он на танҳо ҳамчун як давлати сулҳҷӯй, балки ҳамчун омил муҳим дар рушди иқтисодиёти Афғонистон ба ҳисоб меравад. Муносибатҳои дӯчинобаи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии Ислонии Афғонистон аз 15 июли соли 1992 ба роҳ монда шудааст. Бо ба роҳ монда шудани муносибатҳо дар байни ин ду кишвар «Созишнома оид ба дӯстӣ, ҳамкорӣ ва муносибатҳои неки ҳамсоягӣ миёни ҶТ ва ДИА» ба имзо расонида шудааст ва дар ин ҷохорҷуба вохӯриҳо ва мулоқотҳои президентони ин ду кишвар дар солҳои 1993, 1996, 2001, 2002, 2004, 2006-2009, 2014 ва 2018 дар Тоҷикистон ва солҳои 1993, 1995, 2005 ва 2010 дар Афғонистон доир гардида, масъалаҳои васеъ мавриди тавачҷуҳи ҷонибҳо қарор гирифтанд. Дар натиҷаи ин мулоқотҳо беш аз 60 санади расмӣ ба имзо расонида шудааст, ки онҳо барои густариши ҳамкориҳои байни ду кишвар заминаи шартномавӣ-ҳуқуқӣ гузоштаанд.

Дар ҷараёни сафари расмӣ Президенти Давлати Ислонии Афғонистон Б. Раббонӣ ба Тоҷикистон дар моҳи декабри соли 1993 «Созишнома оид ба ҳамкорӣ дар соҳаҳои фарҳанг, илм ва маориф миёни ҶТ ва ҶИА» имзо гардид. Дар доираи умумияти фарҳангӣ ва забонӣ ҳамкориҳо миёни ин ду кишвар дар соҳаи фарҳанг албатта, ки бояд рушд мекард, вале мутаассифона амалисозии муқаррароти ин созишнома дар вазъияти душвори ҳам Тоҷикистон ва ҳам Афғонистон ғайриимкон буд.

Иқрор бояд шуд, ки аксар қарордодҳо ва шартномаҳои ба имзо расида бо сабабҳои субъективию объективӣ дар ҳаҷми пурра амалӣ нагардиданд ё қисман амалӣ гаштанд. Вазъи ноороми ҳарду кишвар монеаи ин кор гашта буд.

Ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон (1992-1997) сабаби муҳочирати ҳазорон тоҷик ба Афғонистон шуд. Дар баробари ин ҳазорҳо муҳолифини мусаллаҳи тоҷик, ки ҳадафи онҳо ноамн гардонидани Тоҷикистон буд, дар Афғонистон паноҳ бурда, аз гурӯҳҳои исломгарои ин кишвар кӯмакҳои пулӣ, молӣ ва идеологӣ низ мегирифтанд [5:4]. Дар давраи аввали ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ ин омил мушкilotи ҷиддӣ дар муносибатҳои ҳар ду кишвар гардид ва рушди мунтазами муносибатҳои дӯчинобаро халалдор намуд.

Аз ин рӯ президенти вақти Давлати Ислонии Афғонистон Бурҳониддин Раббонӣ ин мушкilotро дарк намуда, чунин иброз дошт: «...барои ҳама дар Тоҷикистон имрӯз ҳифзи амният зарур аст. Ман аз тамоми мардуми Тоҷикистон хоҳиш дорам, ки амниятро ҳамчун як вачибаи динӣ ва вазифаи шаръии худ ҳифз кунанд. Замон замони сода нест, ман аз тариқҳои гуногун иттилоъ мегирам, ки бисёр нируҳо дар хориҷ оромӣ, истиқрор ва суботи Тоҷикистонро намехоҳанд. Нақшаҳо доранд, ки ин кишвар ноором бошад, зеро роҳбари Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон як фарди истиқлолгалаб аст, фикри тобеъият надорад...» [3]. Дар ҳақиқат Б. Раббонӣ, ки оромии Афғонистон орзуи ҳамешагии ӯ буд, набзи замонаро дуруст дарк намуда, ҳамчун сиёсатмадори варзида барои суботи минтақа чунин таҳлилу ҳулосаи оқилонаро баровардааст.

Дар он вақт барқароршавии амният барои мардуми ҳарду кишвар хеле зарур буд, зеро бо тӯфайли он дӯстӣ, ҳамкорӣ ва муносибатҳои неки ҳамсоягии ба роҳ мондаи Тоҷикистон ва Афғонистон амалӣ мегардиданд.

Дар миёнаҳои солҳои 90-уми қарни гузашта аз ҷониби ҳаракати «Толибон» ғасб шудани ҳокимият дар Кобул ва дар ин натиҷа пурзӯршавии экстремизм ва терроризми динӣ, қочоқи маводи муҳаддир ва силоҳ аз ҳудудҳои Афғонистон сарчашмаҳои асосии таҳдид ва хатарҳо ба амнияти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон гардиданд.

Ин ҳодиса вазъи Афғонистонро боз ҳам ноором гардонид ва ба Ҷумҳурии Тоҷикистон воридшавии гурезаҳои афгон, пурзӯр шудани ифротгарои динӣ, қочоқи маводи муҳаддир ва силоҳ назаррас гардиданд. Инчунин бухрони афгонӣ дар шароити ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ ба васеъшавии терроризм, ифротгарои динӣ ва гардиши ғайриқонунии маводҳои муҳаддир дар Тоҷикистон мусоидат намуд.

Воқеаҳои Афғонистон Ҷумҳурии Тоҷикистонро водор сохт, ки дар рӯзҳои аввали бухрон сиёсати ҷудосозии худро аз воқеаҳои дар Афғонистон баамалномада, пеш гирад ва дар муносибат бо Афғонистон роҳи навро тарҳрези намояд [6:67].

Бухрони дар Афғонистон баамалномада ба масъалаҳои эҳёи миллию фарҳангӣ низ таъсири манфӣ гузошта, боиси ҳароси доимии Тоҷикистон аз баъзе арзишҳои ҳаракати “Толибон” гашт. Ин вазъиятро хусусан, метавон дар мисоли муносибати ҳукумати Тоҷикистон бо омилҳои динӣ

мушохида намуд. Ҳаракати «Толибон» ҳаракати динӣ-сиёсӣ буда, мекушид бо зӯри анъанаҳои дини ислом ва қонунҳои шариатро дар ҳудуди мамлакат ва берун аз он вобаста ба имконият паҳн намояд. Асоси ғоявии ин ҳаракатро ақидаҳои динии «салафияи ҷадид», ки натиҷаи омезиши таълимоти динии суфизм, ваҳҳобизм ва дигар равияҳо буд, ташкил меод [9:68]. Аз сабаби он, ки дар афкори сиёсӣ чамъияти Тоҷикистон омилҳои динӣ дар қазияи Афғонистон ҳамчун омилҳои низоъ ва ихтилоф шинохта мешаванд, ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз чунин шакл гирифтани вазъият дар Афғонистон ҳамеша дар ҳарос буд. Илова бар ин, бо экстремизму терроризми динӣ муаррифӣ гаштани низои Афғонистон ин ҳисро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон боз ҳам қавитар сохт. Аммо таъсири манфии вазъияти Афғонистон ба рушди эҳёи фарҳангӣ дар ҳар ду кишвар дучандон будааст. Зеро бинобар ташаккули зехнияти манфӣ дар бораи эҳтимоли таъсири вазъияти Афғонистон, Тоҷикистон на танҳо аз роҳандозии робитаҳои солими фарҳангӣ, балки аз имкониятҳои васеи робитаҳои иқтисодӣ бо ин кишвари ҳамзабону ҳамфарҳанги худ маҳрум гаштааст.

Омадани ҳаракати “Толибон” ба қудрат дар Афғонистон боис гашт, ки Тоҷикистон аз сарчашмаҳои муҳимтарини эҳёи миллию ҳуввияти фарҳангии худ, ки дар замони эҳёи истиқлолият, ки пас аз пошхӯрии Иттиҳоди Шӯравӣ ба он бисёр ниёз дошт, истифода бурда натавонад. Дар ҳоле, ки умумияти фарҳангии байни ду кишвар заминаи васеи робитаҳои мутақобилан судманди фарҳангиро фароҳам меоварданд, заруратҳо ва мулоҳизаҳои ногузири амниятию идеологӣ ин робитаҳоро бисёр маҳдуд нигоҳ доштаанд. Дар натиҷа, имрӯз таносуби байни имкониятҳои мавҷуда ва робитаҳои мавҷудаи фарҳангии Тоҷикистон ва Афғонистон дар маҷмӯъ ҳазор бар як мебошад. Ҳамин тавр, метавон гуфт, ки бухрони ба миён овардаи ҳаракати “Толибон” дар Афғонистон ба солимии раванди эҳёи робитаҳои фарҳангии Тоҷикистону Афғонистон латмаи ҷуброннопазир ворид намудааст.

Давраи нав дар муносибатҳои дучонибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Афғонистон пас аз соли 2001 бо оғози амалиёти зиддитеррористии НБКА дар Афғонистон оғоз мегардад. Дар марҳилаи нав аз чониби роҳбарияти ин ду кишвар ҳамеша баъд аз масъалаҳои амниятӣ ва иқтисодӣ аҳамияти бузург ба рушди муносиботи фарҳангӣ миёни ду кишвар дода мешавад.

Дар ҳамин давра масъалаи рушди минбаъдаи муносибатҳои Тоҷикистону Афғонистон, инчунин дар рафти сафари президенти ҚТ Э. Раҳмон ба ҚИА дар таърихи 27-28 апрели соли 2005 муҳокима шуданд. Аз рӯи натиҷаҳои вохӯрӣ беш аз 10 шартнома ва аҳдномаҳои байнидавлату байниҳукуматӣ доир ба соҳаи энергетика ва ҷинойтҳои муташаққили фаромиллӣ ва ғайра ба имзо расиданд, ки муҳимтарини ин ҳуҷҷатҳо «Шартнома оид ба дӯстӣ, ҳамкорӣ ва муносибатҳои неки ҳамсоғӣ миёни ҚТ ва ҚИА» ба ҳисоб мерафт.

Фаҳим Собир муносибатҳои тоҷику афғонро баъди соли 2001 таҳлил карда се лаҳзаи асосиро ҷудо кардааст [10]:

а) ҳарду мамлакат, ки давлатҳои ба ҳам ҳамсоя мебошанд барои якдигар аз ҷиҳати фарҳангӣ, забонӣ ва ҷуғрофӣ нақши муҳимро мебозанд;

б) Афғонистон, Тоҷикистон ва Эрон се мамлақати форсизабон солҳои охир байни ҳамдигар шартномаю қарордодҳои сершумор ба имзо расонидаанд;

в) дар доираи ҳамкорӣ бо коалитсияи байналхалқӣ (НБКА) Тоҷикистон ба қувваҳои коалитсионӣ, ки дар ҳоки Афғонистон қарор доштанд кӯмаки зиёд расонд.

Дар рафти сафари навбатии президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Э. Раҳмон ба ҚИА 25-26 октябри соли 2010 ба муайян кардани роҳҳои рушди ҳамкорӣҳои минтақавӣ ва дучонибаи тичоратӣ - иқтисодӣ, аз ҷумла васеъ кардани алоқаҳои тичоративу истеҳсолӣ бо роҳи ташкили бозорҳо ва минтақаҳои озоди иқтисодии наздисарҳадӣ диққати калон дода шуд. Масъалаҳои рушди электроэнергетика, ҳамкорӣҳои нақлиётӣ, коммуникатсионӣ, аз ҷумла ба воситаи ҳудуди Афғонистон пайваст намудани роҳҳои автомобилӣ роҳҳои оҳан ва хатҳои интиқоли барқӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Эрон, Покистон ва Туркманистон муҳокима шуданд. Дар ин вохӯрӣ шаш ҳуҷҷати нав ба имзо расиданд.

Ба ғайр аз сафарҳои расмӣ, президентони Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҷумҳурии Исломи Афғонистон дар рафти гузаронидани чорабиниҳо, конфронсҳо ва ҷаласаҳои ташкилотҳои дигари минтақавию ҷаҳонӣ борҳо бо ҳам вохӯриҳо доир намудаанд.

Дар баробари вохӯриҳои президентони ин ду кишвар мунтазам вохӯриҳои ходимони фарҳанг ва санъат низ гузаронида мешаванд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон филмҳои афғонӣ намоиш дода шуда, гурӯҳҳои эҷодӣ ба давлатҳои ҳамдигар сафар карда намоишҳои мухталиф пешкаши тамошобинон гардониданд.

Аз 25 то 30 ноябри соли 2006 дар ш. Душанбе аз ҷониби Фонди «Фарҳанг ва ҷомеаи шаҳрвандӣ»-и Афғонистон, бо дастгирии сафоратхонаи Ҷумҳурии Исломии Афғонистон дар Тоҷикистон ҳафтаи фарҳангии Афғонистон доир карда шуд.

Дар доираи ин чорабинӣ намоишгоҳҳо ва концертҳои дастаҳои эҷодии хунарамандони Афғонистон гузаронида шудаанд, ки дар онҳо, зиёда аз 30 ходимони намоёни санъати ҶИА ширкат варзидаанд. Соли 2011 дар Душанбе ҳафтаи филмҳои (синамои) Афғонистон гузаронида шуд ва филмҳои синамогарони афғон пешкаши тамошобинони сершумор гардиданд.

Доир намудани чунин чорабиниҳо муносибатҳои Тоҷикистону Афғонистонро густариш дода, дар наздик шудани халқҳои тоҷику афғон заминаи муҳим ба ҳисоб меравад.

Ҳамкорихоро дар соҳаи илм дида баромада, қайд намудан лозим аст, ки Тоҷикистон барои омӯзондани мутахассисони афғон чӣ дар зинаи миёна ва чӣ дар зинаи олӣ имкониятҳои мусоид дорад. Ин ҳамкорихо таърихи куҳан доранд. Мутахассисони тоҷик пештар низ дар макотиби олии Афғонистон дарс дода, донишҷӯёни зиёди афғон ва унвонҷӯён дар мактабҳои олии Тоҷикистон таълим гирифта, таҷрибаомӯзон аз таҷрибаомӯзӣ гузаштаанд.

Ҳамкорихо миёни Донишкадаи бозомӯзии тахассусии Тоҷикистон бо маркази омодаسازی омӯзгорон дар Афғонистон инкишоф меёбад. Дар ин самт бо Донишкадаи зикршуда ва Маркази омодаسازی омӯзгорони Афғонистон агентии Фонди Оғохон низ ҳамкорӣ дорад [8].

Донишкадаи тақмили ихтисос баҳри омӯзгорон оид ба идоракунии бозомӯзӣ доир намуда, дастуру маводи таълимиро аз забони тоҷикӣ ба забони дарӣ тарҷума мекунад.

Дар соли 2013 барои шаҳрвандони Афғонистон 50 бурсия ҷудо шуд, ки ин ба густариши ҳамкорихои дучониба дар соҳаи маориф фоли нек буд. Бояд тазаққур дод, ки дар ҳамаи сол дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 234 нафар шаҳрвандони Афғонистон таҳсил доштанд [7] ва дар соли 2014 боз зиёда аз 90 нафар донишҷӯёну магистрон дар донишгоҳҳои Тоҷикистон аз Афғонистон ба таълим фаро гирифта шуданд, ки ин хело кам аст [1]. Чамъ дар давраи солҳои 1992 - 2014 дар мактабҳои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон беш аз 3000 донишҷӯ ва унвонҷӯёни афғон таълим гирифтанд. Афғонистон тарафдори дар Тоҷикистон бештар доштани донишҷӯёну магистрантони худ мебошад ва Ҷумҳурии Тоҷикистон инро ба инобат гирифта бояд шароити мусоидро фароҳам оварад.

Чараёни рушди муносибатҳои фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистонро бо Ҷумҳурии Исломии Афғонистон пас аз ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ, шартан ба чор марҳала тақсим кардан мумкин аст:

- 1 - солҳои 1991-1996 – марҳалаи бароҳмонӣ;
- 2.- солҳои 1996-2001- марҳалаи боздории муваққатӣ;
- 3.- солҳои 2001-2005- марҳалаи барқаросозӣ;
- 4.- соли 2005 то ба имрӯз – марҳалаи рушд.

Хулоса, бухрон ба фарҳанги пурғановати Афғонистон зарбаи саҳт зада, шароит ва меъёрҳои тарзи зиндагии мардуми Афғонистонро халалдор соҳт, ба психологияи миллий ва иҷтимоии онҳо таъсири худро расонда, ихтилофоти сиёсӣ, этникӣ ва диниро дар мамлакат тезутунд намуд. Бухрон муташанниҷ гардида истиқлолият ва яқпорчагии худудии ин давлатро зери хатар гузошта, таъсири манфии ин зухурот ба мамлакатҳои ҳамсоя, пеш аз ҳама ба Тоҷикистон низ расид.

Дар анҷом қайд намудан лозим аст, ки муносибатҳои фарҳангӣ бо Афғонистон дар ҳоли имрӯз яке аз самтҳои афзалиятноки сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб меравад ва дар асоси муносибатҳои неки ҳамсоягӣ, умумияти забон ва фарҳанг, эътиқодҳои динӣ, наздикшавӣ ва рушди ҳамкорихои дучониба ба роҳ монда шудааст.

Рушди минбаъдаи муносибатҳо миёни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҷумҳурии Исломии Афғонистон аз бисёр ҷиҳат аз вазъи сиёсии ин кишвар вобастагии зиёд дорад. Мо чунин мешуморем, ки кӯмак ба эҳёи иқтисодӣ ва рушди иҷтимоии Афғонистон беҳтарин роҳи истиқрори сулҳу субот дар ин кишвар ва таъмини амният дар минтақа мебошад. Чуноне ки дар ин бора Асосгузори сулҳу ваҳдати миллий - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд намудаанд – «... мо таъмини сулҳу суботро дар Афғонистон омили амнияти кишвари худ ва тамоми минтақа медонем».

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. Абдуғафури О. “Афғонистон ва Тоҷикистон мушкеле бо ҳам надоранд” // Радиои озодӣ. <https://www.ozodi.org/a/afghan-ambassador-says-tajikistan-and-afghanistan-have-no-any-issues/26723273.html> (20/09/2018).
2. Бушков В. Таджикистан и талибы / В. Бушков // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 1997. № 7. URL: http://www-c\datarus\bd_rus/shtml (20/09/2018).

3. Зиёвуддини А. Амният – неъматӣ бебаҳост, ба қадраш бирасем // Сомонаи мустақили чамъиятиву сиёсии Рӯзгор. URL: <http://ruzgor.tj/siyosat/7198-amniyat-nemati-bebahost-ba-qadrash-birasem-8242.html> (20/09/2018).
4. Искандаров К. Взаимоотношения Республики Таджикистан с Исламским Государством Афганистан // Материалы II международной научно-практической конференции «Место Таджикистана в новом международном порядке». – Душанбе, 1997. – С. 58-62.
5. Князев А.А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии. Сборник документов и материалов / А.А. Князев. – Бишкек, 2001. – 168 с.
6. Кудратов К.А. Влияние афганского конфликта на национальную безопасность Республики Таджикистан (1991-2014 гг.) / Кудратов К.А. // Монография. – Душанбе, «Эр-Граф», 2017. – 224 с.
7. Раҷабалиев Х. Робитаҳои дучонибаи Тоҷикистон ва Афғонистон <http://osiyoavrupa.tj>, <http://anrt.tj> (20/09/2018).
8. Региональная деятельность по сотрудничеству в Таджикистане. // Aga Khan Development Network. URL: http://www.akdn.org/tajikistan_regional_r.asp (20/09/2018).
9. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. – 2-е изд. – М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2004. – 220 с.
10. Фахим С. Таджикистан и Афганистан: в поисках стратегии добрососедства // Информационный портал «Афганистан.Ру». URL: <http://afghanistan.ru/doc/23800.html> (20/09/2018).

**ТАҚРИЗ
РЕЦЕНЗИЯ
REVIEW**

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ДУБОВИЦКИЙ Виктор Васильевич,
«ХАТЛОНСКАЯ ОБЛАСТЬ д.и.н., заведующий отделом истории науки и
ТАДЖИКИСТАНА техники Института истории, археологии и
В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ этнографии АН РТ, (Таджикистан, Душанбе)
МАТЕРИАЛАХ XX ВЕКА»¹⁸

ТАҚРИЗ БА МОНОГРАФИЯИ ДУБОВИТСКИЙ Виктор Василевич,
«ВИЛОЯТИ ХАТЛОНИ д.и.т., мудури шуъбаи таърихи илм ва техникаи
ТОЧИКИСТОН ДАР МАВОДҲОИ Институти таърих, бостонишиносӣ ва
МАРДУМШИНОСИИ АСРИ ХХ» мардумшиносии ба номи А.Дониши АИ ҶТ,
(Тоҷикистон, Душанбе)

MONOGRAPH «KHATLON DUBOVITSKY Viktor Vasilevich,
DISTRICT OF TAJIKISTAN IN Dr. of History, Head of Science and Technology
ETHNOGRAPHIC DOCUMENTS History department of the Institute of history,
OF THE 20 TH CENTURY» archeology and ethnography named after A.Donish
(Tajikistan, Dushanbe),
E-MAIL: rosdiaspora@rambler.ru

В начале этого года внимание специалистов в области истории и этнографии привлек серьезный труд «Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XX века» подготовленный известным ученым, д.и.н. Ларисой Додхудоевой.

Монография принадлежит к достаточно редкому разряду научных работ – «публикация материалов полевых исследований», не часто встречающихся как в отечественной, так и мировой научной литературе. Обычно, полученные в ходе экспедиций материалы служат для их участников «сырьем» для написания научных работ по тем или иным конкретным вопросам науки, а часть собранных материалов вводится в научный оборот не сразу, а иногда – вовсе не используется (по кажущейся на конкретный момент малозначимости), и, в итоге, часто вовсе пропадая для науки.

Этнографические экспедиции, проведенные в советском Таджикистане в XX в., способствовали формированию нового типа знаний о таджиках и других народах, проживающих на территории республики. Особое значение имеют материалы первой экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР (ИИЯЛ ТФАН) в Кулябскую область в 1948-1949 гг., под руководством выдающегося советского исследователя Антонины Константиновны Писарчик. Эти материалы, хранящиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, до настоящего времени остаются неопубликованными.

Упомянутая экспедиция была предпринята в соответствии с основной задачей советской этнографии 40-50-х годов XX века – подготовкой многотомного труда «Народы мира». В связи с этим кабинет этнографии ИИЯЛ приступил к разработке большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были помочь уточнить границы историко-культурных районов и микрорегионов, послужить основанием для составления подробной этнографической карты, а в будущем – и историко-этнографического атласа. В работе экспедиционных отрядов, вместе с А.К. Писарчик, приняли участие и такие в будущем известные таджикские этнографы и искусствоведы, как Р.Л. Неменова, Б.Х. Кармышева, Н.Х. Нурджанов.

В предисловии книги дается подробная географическая характеристика обследованного экспедицией региона, а также характеристика этнографических исследований, проведенных здесь русскими учеными в конце XIX - начале XX веков. Эта эстафета была подхвачена в советский период учеными Таджикистана. Помимо сбора этнографических и лингвистических материалов проводилась фотосъемка различных архитектурных объектов светского и культового характера (крепости, мазары,

¹⁸ Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XX века. Книга первая. Кулябская этнографическая экспедиция 1948-1949 гг. под руководством А.К. Писарчик. – Душанбе, 2018. -254 с.

мечети, жилища), фиксировался богатый топонимический и топографический материал, формы жилищ, оформление интерьеров, семейный быт, костюм, народная кулинария и многое другое. Тематика, связанная с верованиями и суевериями, расселением этнических и племенных групп на территории региона, так же явились предметом исследований таджикских ученых – этнографов.

Ученые, под руководством А.К. Писарчик, занимались и сбором этнографических коллекций (образцы вышивки, ювелирных изделий, резьбы по дереву, домашней утвари, орудий труда и т.п.). В итоге кабинет этнографии ИИЯЛ получил богатейшую коллекцию, состоящую из научной части, фототеки, иллюстративного материала, а также изделий прикладного искусства и предметов быта, которые ныне представлены в этнографическом музее Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан.

Результаты экспедиции 1948-1949 гг. получили высокую оценку академика А.А. Семенова, отметившего в своем отзыве следующее: «Отчет имеет исключительный научный интерес... Я уверен, что каждый историк Востока, каждый этнограф и антрополог с большим интересом и с не меньшей для себя пользой прочтет эту работу А.К. Писарчик. Нахожу поэтому крайне желательным скорейшее ее опубликование». Однако исторические обстоятельства распорядились так, что материалы экспедиции увидели свет только через 68 лет.

Изданием книги «Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XX века», подготовленная к печати д.и.н. Л.Н. Додхудоевой, наш институт открывает серию публикаций, посвященных уникальным материалам его этнографического архива.

ПАМЯТИ НАШЕГО КОЛЛЕГИ ШОДИХОНА ПАРВОНАЕВИЧА ЮСУФБЕКОВА

9 сентября 2018 года таджикская наука понесла невосполнимую утрату. Ушел из жизни директор Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова Академии наук Республики Таджикистана, доктор филологических наук, профессор Шодихон Парвонаевич Юсуфбеков. Яркий человек, ученый с мировым именем.

Шодихон Юсуфбеков родился 13 марта 1962 г. в селении Дашт Шугнанского района (нынешнего Рошткалинского) района. После окончания средней школы в 1979 г. он поступил в Худжандский государственный университет на факультет иностранных языков и в 1984 г. закончил его с отличием.

С 1984 по 1988 гг. работал учителем немецкого языка в средней школе, но его стремление к языкознанию привело его в академический круг. В 1989 г. Ш.П. Юсуфбеков на конкурсной основе был избран в качестве научного сотрудника отдела Памироведения Памирского филиала Академии наук Таджикской ССР. В 1989-1992 гг. обучался в аспирантуре, лаборатории сектора иранских языков Института языкознания РАН, где под руководством известного ираниста,

доктора филологических наук, профессора Д.И. Эдельман он подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Семантика и прагматика дейктических слов в языках шугнано-рушанской группы».

После защиты диссертации в 1992-1996 гг. Ш.П. Юсуфбеков работал деканом факультета гуманитарных наук Хорогского государственного университета им. М. Назаршоева, затем в 1996 г. был назначен на должность заместителя директора Института гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистана. В 1997 году поступил в докторантуру Института языкознания РАН и в 2000 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Сангличский язык в синхронном и историческом освещении». Ученый совет Института языкознания РАН высоко оценил научную работу Юсуфбекова и его знания в области лингвистики, в том числе иранских языков. Ему предлагали остаться в этом авторитетном научном учреждении. Но он всегда болел за свою Родину и вернулся в Таджикистан. С 2000 по 2011 гг. он являлся исполнителем директора Института гуманитарных наук, а с 2011 по 2018 гг. работал директором Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова.

Его перу принадлежат 4 монографии «Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты» (М., 1998), «Сангличский язык в синхронном и историческом освещении» (М., 1999), «Очерк исторической фонетики сангличского языка» (Д., 2013) «Очерк исторической морфологии сангличского языка» (Д., 2014) и более 200 научных статей и публикаций.

Ш.П. Юсуфбеков является автором многотомной энциклопедии «Языки мира» (раздел Евразии), третьего тома «Иранские языки. Восточноиранские языки» (М., 2000) и «Основы иранистики» (М., 2000), который издает Институт языкознания РАН. Под его руководством и по его рекомендации были изданы «Проблемы памироведения» (Вып. 3,4,5,6,7). Также Ш.П. Юсуфбеков являлся редактором и одним из соавторов двухтомного труда «История ГБАО» (Д., 2005) и редактором «Вестник Хорогского университета».

Ш.П. Юсуфбеков как талантливый педагог долгие годы был профессором кафедры восточных языков Хорогского государственного университета. Участвовал в подготовке методического пособия «Введение в иранскую филологию» (Хорог, 1993) и «Сравнительная типология иранских языков» (в соавторстве с Н. Офаридаевым) (Хорог, 2015). В университете он читал лекции по истории таджикского языка, историю грамматики иранских языков, введение в иранскую филологию и другие области языкознания. Учитывая его плодотворную педагогическую деятельность, ему присвоили звание «Отличник образования Таджикистана».

Вклад Ш.П. Юсуфбекова в подготовке научных кадров неопределим. За свою жизнь он подготовил 4 доктора наук и 5 кандидатов наук. В последние годы под его руководством в Институте 4 аспиранта и 3 докторанта работают над кандидатскими и докторскими диссертациями.

Заслуги Ш.П. Юсуфбекова отмечены наградами. За заслуги в области образования и многолетнюю плодотворную работу он награжден медалью «20-летие Государственной независимости Республики

Таджикистан». Решением Президиума Академии наук Республики Таджикистан от 22 августа 2016г., №102 директору Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова, доктору филологических наук Шодихону Юсуфбекову выдан диплом «Продуктивный ученый АН РТ в области гуманитарных наук» к 25-летию государственной независимости Республики Таджикистан.

Ш.П.Юсуфбеков обладал глубокими знаниями не только в лингвистике, но в области истории, этнографии, религии, литературоведении. По его инициативе ежегодно проводились международные конференции и симпозиумы по разным тематикам. Особой его отличительной чертой была глубокая и искренняя любовь к Родине, коллегам и ученикам. Ему была присуща доброта к людям.

Институт гуманитарных наук имени Б. Искандарова плодотворно сотрудничает с Институтом истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН РТ и у истоков этого сотрудничества стоял неповторимый коллега и друг Ш.П. Юсуфбеков. Он останется в наших сердцах навсегда как светлый, чуткий человек, талантливый ученый, эрудированный наставник, коллега и друг, яркий и элегантный мужчина с чувством юмора и вкуса.

Выражаем глубокое соболезнование сотрудникам Гуманитарного Института АН РТ и членам семьи известного ученого в связи с его кончиной. Его бесценные, оригинальные труды будут служить всем ученым, а память о нем останется в сердцах его коллег.

БА ТАВАҚҚУҶИ МУАЛЛИФОН!

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» нашрияи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихиро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори умум» ба нашр омода мешавад.

Ҳадафҳои маҷаллаи илмӣ тақризшавандаи «Муаррих»

- инъикоси саривактии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони ҶТ, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмиллалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат ва фарҳанг.

- инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

- ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;

- инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори улуми таърихшиносӣ;

- ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии ҶТ умуман ва минтақаҳои он;

- тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию тадқиқотии олимони Институт, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои маорифу илми ҶТ.

Шартҳои наشري мақола дар маҷаллаи «Муаррих»

- ҳайъати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, обзорҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар улуми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

- қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

- муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотҳоеро, ки мақола, обзорҳо ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

- ҳамаи маводи ба идораи маҷалла омада ҳатман дар сомонии antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайъати таҳрир муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

- ҳамаи мақола, обзор ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонии antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

- мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонии маҷалла: www.taj-history.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

- агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

- муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яқҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи такрорӣ мефиристад;

- ҳайъати таҳрир ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Ҳамаҳои имлоию услубиро мусахҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

- нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ бояд ба идора баргардонда шавад;

- мақолаҳое, ки ба ҷоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди ҷопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) радиёии асоснок ирсол мекунад;

- тибқи дархости шӯроҳои коршиносӣ КОА назди Президенти ҶТ идораи маҷалла ба онҳо тақризҳоро пешниҳод мекунад.

Талабот

ба таҳияи мақолаҳо (обзорҳо, тақризҳо), ки ба маҷаллаи илмию назариявӣ «Муаррих» - и Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон» барои ҷоп ирсол мегарданд

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва обзорҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ **07.00.02 – таърихи Ватан; 07.00.03 – таърихи умумӣ (мувофиқи давра); 07.00.06 – бостоншиносӣ; 07.00.07 – мардумшиносӣ, этнология ва симошиносӣ; 07.00.09 – таърихшиносӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 07.00.10 – таърихи илм ва техника; 07.00.15 – таърихи муносибатҳои байналхалқӣ ва сиёсати хориҷӣ**, ки қаблан дар ҳеҷ ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифони ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

- матни мақола (на камтар аз 10 саҳифа) ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ҳатталимкон бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиб ректор) ё сардори ташкилот гунаи ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

- тақризи доктор ё номзади илм, ки онро шӯъбаи кадрҳои ҷои кори муқаррарӣ муҳр гузоштааст;

- маълумотнома аз ҷои таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо).

Гунаи ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рудаки 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, бинои асосӣ, устои 21, тел.: 221-37-42.

Гунаи электронии мақола ба почтаи электронии akrami1961@mail.ru ирсол мешавад. Телефон барои маълумот: 221-37-42; суроғаи сомона: www.taj-history.tj, www.istorik.tarena.tj.

***Тибқи талаботи ҚОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мақола бояд
унсурҳои зеринро дар бар гирад:***

- индекси УДК дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад;

- индекси ББК дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад;

- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо – самти тайёриро) ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нишон диҳанд;

- зикри мансаб, ҷои кор, шаҳру мамлакат бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

- e-mail ва рақамҳои телефон барои тамос;

- номи мақола бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ;

- фишурда ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman ё Times New Roman Tj 14 бо курсив, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоари илмӣ корро дар бар мегирад;

- вожаҳои калидӣ ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ бо ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тарҳаш – курсив, тароз дар бар оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегиранд, бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд;

- мақола ҳатман бояд номгӯи адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд риоя шавад;

- иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт аз рӯи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат тоза бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, бозғимодии аснод ва муҳтавои мақолот бар дӯши муаллифони ва муқаррарзон мебошад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ!

«Историк» - научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан публикующий материалы серии исторических наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

Целями научного рецензируемого журнала «Историк» являются:

- оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история науки и техники, история международных отношений и внешней политики, история культуры и искусства;

- развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;
- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

- пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

Условия публикации статей в журнале «Историк»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по отраслям исторической науки;

- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;

- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;

- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;

- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;

- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: www.taj-history.tj;

- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;

- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;

- редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);

- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;

- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК при Президенте РТ.

Требования

к оформлению статей (обзоров, отзывов, рецензий), присылаемых для публикации в научно-теоретический журнал «Историк» Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан

1. Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: **07.00.02 - отечественная**

история; 07.00.03 - всеобщая история (соответствующего периода); 07.00.06 – археология; 07.00.07 - этнография, этнология и антропология; 07.00.09 - историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.10 - история науки и техники; 07.00.15 - история международных отношений и внешней политики.

2. Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи (не менее 10 страниц) на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

- сопроводительное письмо с подписью ректора (проректора) или руководителя учреждения;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, главный корпус, каб. 21. Электронные версии – по адресу электронной почты akrami1961@mail.ru. Телефон для справок: 221-37-42; адрес сайта: www.taj-history.tj, www.istorik.tarena.tj.

В соответствии с требованиями ВАК при Президенте Республики Таджикистан, статья должна содержать:

- индекс УДК размещается в начале статьи отдельной строкой слева;

- индекс ББК размещается в начале статьи отдельной строкой слева;

- ниже через один отступ, по середине фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на таджикском, русском и английском языках;

- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на таджикском, русском и английском языках;

- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты – направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

- указание на должность, место работы, город, страну на таджикском, русском и английском языках;

- e-mail и номера телефонов для контакта на таджикском, русском и английском языках;

- название статьи на таджикском, русском и английском языках, заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman Tj 14, выравнивание по центру, одинарный междустрочный интервал;

- аннотация на таджикском, русском и английском языках, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman Tj 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, одинарный междустрочный интервал, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну;

- ключевые слова на таджикском, русском и английском языках, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman Tj 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, одинарный междустрочный интервал, 5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую;

- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

- ссылки даются в квадратных скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, после запятой номера цитируемой страницы, например: [5, 25] или [5, 25; 6, 77].

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУНДАРИЧА – СОДЕРЖАНИЕ

07.00.02 - Таърихи Ватан –	
07.00.02 - Отечественная история.....	3
ПИРУМШО Х., <i>Участие таджиков в административном управлении Бухарского эмирата второй половины XIX – начала XX веков</i>	<i>3</i>
АБУЛҲАЕВ Р., <i>Ба танзим даровардани раванди муҳоҷирати меҳнатии тоҷикон</i>	<i>10</i>
АБДУРАШИТОВ Ф.М., <i>Вопросы земельно-водной реформы в трудах таджикских учёных в XX-XXI вв.....</i>	<i>17</i>
ХУДОНАЗАРОВ Д., <i>Д.Л. Иванов – первый русский исследователь Памир</i>	<i>23</i>
ШАРИФЗОДА М.Т., <i>Историческое значение Декларации о государственной независимости Республики Таджикистан в судьбе таджикского народа</i>	<i>31</i>
ШАРИПОВ Н.А., <i>Интенсивное дорожное строительство и развитие транспорта в первой половине XX в.</i>	<i>35</i>
КЕНДЖАЕВА М.М. <i>Модернизация сферы образования - приоритет в социальной политике правительства Республики Таджикистан</i>	<i>40</i>
КАРИМОВА Р.Н. <i>Вопросы рационализма в Новое время (на примере трактата «Суфийское послание о свободе духа» Инайат Хана)</i>	<i>43</i>
МАХДӢ М., <i>Балуҷистон дар муносибатҳои Русияи подшоҳӣ ва Ҳинди бритониёӣ</i>	<i>46</i>
ПУЛАТОВА А.И., <i>Причины перемещения постоянного слоя городского населения Худжанда в 30-х годах XX века из традиционных территориальных единиц</i>	<i>53</i>
РАХИМЗОДА Д.М., <i>Вклад воинов-таджикстанцев в освобождение Австрии от фашизма</i>	<i>61</i>
АБДУРАМОНОВА П.Д., <i>Таърихи инкишофи хочагии қишлоқи ВМКБ дар охири асри XX ва аввали асри XXI</i>	<i>64</i>
07.00.06 - Бостоншиносӣ –	
07.00.06 - Археология.....	70
ШНАЙДЕР С.В., САЙФУЛОЕВ Н.Н., <i>Памятники каменного века на Крыше Мира: к вопросу о заселении древним человеком Восточного Памира</i>	<i>70</i>
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Т.У. <i>Средневековая кирпичеобжигательная печь в селении Сармайдон Муминабадского района</i>	<i>75</i>
07.00.07 - Мардумшиносӣ, қавмшиносӣ ва антропология –	
07.00.07 - Этнография, этнология и антропология.....	80
ДОДХУДОЕВА Л.Н., <i>Выдающийся таджиковед Р.Л. Неменова</i>	<i>80</i>
ЮСУФБЕКОВА З., ШОВАЛИЕВА М.С., <i>Р.Л. Неменова – исследователь истории и культуры Гиссарской долины</i>	<i>85</i>
МАМАДЖАНОВА С.М., ЯТИМОВ Р., <i>Ранние формы реалистического искусства</i>	<i>90</i>
МУКИМОВА С.Р., СУЛТОНОВА М., <i>Архитектурно-планировочное решение проспекта имени Абуали Ибн Сино</i>	<i>93</i>
САЙНАКОВ С.П., <i>Г.А. Арандаренко об этнографии Дарваза</i>	<i>96</i>
ОДИНАЕВ Б.Э., ИСУПОВА Р.А., <i>Кулолгарӣ яке аз намуди ҳунароҳои мардумӣ</i>	<i>100</i>
МАХСУДОВ А.М., <i>Баъзе хусусиятҳои мардумшиносии аҳолии водии Раит дар китоби «Таджики Каратегина и Дарваза»</i>	<i>104</i>
ШОНАЗАР Дж.М., <i>Народные музыкальные инструменты Памира</i>	<i>108</i>
07.00.09 – Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ -	
07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования.....	112
АБДУЛОВ З.Н., <i>Маъхази муътабар оид ба таърихи халқи тоҷики охири асри XIX ва аввали асри XX</i>	<i>112</i>
07.00.15 - таърихи муносибатҳои байналхалқӣ ва сиёсати хориҷӣ -	
07.00.15 - История международных отношений и внешней политики	116
ФАҲИМ К., <i>Руиди робитаҳои фарҳангии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии исломии Афғонистон</i>	<i>116</i>
Тақриз – Рецензия.....	121
ДУБОВИЦКИЙ В.В., <i>Рецензия на монографию «Хатлонская область Таджикистана в этнографических материалах XX века»</i>	<i>121</i>
Памяти ушедших - Хотираи гузаштагон	123
Памяти нашего коллеги Шодихона Парвонаевича Юсуфбекова	123
БА ТАВАЧҶУҲИ МУАЛЛИФОН	125
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....	127

МУАРРИХ
(маҷаллаи илмӣ-назариявӣ)
№ 1 (13) 2018

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мухаррири масъул: **Маҳмудҷон ХОЛОВ**
Мусахҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Ороишгар ва саҳифабанд: **Мубина МАХМУДОВА**

Ба матбаа _____ сол таҳвил шуд. Ба чопаш _____ имзо шуд. Андозаи 70x108 1/8. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ.
Ҷузъи чопӣ 15. Адади нашр 150 нусха. Супориши №

Матбааи Вазорати маориф ва илми
Ҷумҳурии Тоҷикистон
ш. Душанбе, куч. Лоҳутӣ 6, гузаргоҳи 1

ИСТОРИК
(научно-теоретический журнал)
№ 1 (13) 2018

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Аҳмада Дониша Академии наук Республики Таджикистан

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Ответственный редактор: **Маҳмудҷон ХОЛОВ**
Корректор: **Манзура ҲАСАНОВА**
Дизайн и верстка: **Мубина МАХМУДОВА**

Сдано в типографию . _____ г. Подписано в печать _____ г. Формат 60 x84 1/8. Печ. лист 15. Тираж 150 экз.

Заказ №2. Офсетная бумага.
Отпечатано в типографии
Министерство образования и науки РТ,
г. Душанбе, ул. Лоҳутӣ 6, 1-й проезд